

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 ИСТОРИЯ

№ 1 • Том 67 • 2026 • ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Бондаренко Д.М. Трайбализм и нацистроительство в постколониальных государствах	3
Бугаева Н.В. Прадед и правнук: Марк Сергей Сил и Луций Сергей Катилина	20
Гавроева Е.С. Солдатские «письма во власть» как источник по изучению формирования образов лидеров Февральской революции М.В. Родзянко и А.Ф. Керенского в марте — начале мая 1917 г.	40
Родин Д.В. Генрих Шнее и германское колониальное ревизионистское движение в межвоенный период	64
Усачева Ю.С., Рябова Л.К. П.Б. Струве как историк и патриот: эмигрантский период.	82
Богданов В.П. МГУ имени М.В. Ломоносова в годы Великой Отечественной войны: неизвестные аспекты функционирования.	99
Муромцева Л.Х. Из истории научной жизни МГУ 1950–1960-х гг.: защита докторской диссертации министром финансов СССР А.Г. Зверевым	123
Абрамова Н.Г., Голиков А.Г. Школа В.И. Бovyкина на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (к 100-летию со дня рождения ученого).	147
Смирнова О.В., Денисова Г.В., Эшкинина У.Ю. Ностальгический дискурс в российских средствах массовой информации: динамика изменений (2005–2025 гг.)	162
Плохотюк А.А., Карев А.А. Костюмированный портрет царевны петровского времени в контексте общеевропейской практики портретирования.	179

CONTENTS

Bondarenko D.M. Tribalism and Nation-Building in Postcolonial States.....	3
Bugaeva N.V. Great-grandfather and Great-grandson: Marcus Sergius Silus and Lucius Sergius Catilina	20
Gavroeva E.S. Soldiers' "Letters to the Authorities" as a Source for Studying the Formation of Images of the February Revolution Leaders M.V. Rodzianko and A.F. Kerensky, March — Early May 1917	40
Rodin D.V. Heinrich Schnee and the German Colonial Revisionist Movement in the Interwar Period	64
Usacheva Ju.S., Ryabova L.K. P.B. Struve as a historian and patriot: the Émigré period.....	82
Bogdanov V.P. Lomonosov Moscow State University during the Great Patriotic War: Little-Known Aspects of Its Operations	99
Muromtseva L.Kh. A Chapter in the Academic History of Moscow State University in the 1950s–1960s: the Doctoral Dissertation Defence of A.G. Zverev, Minister of Finance of the USSR.....	123
Abramova N.G., Golikov A.G. The Academic School of V.I. Bovykin at the Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University: On the Centenary of His Birth	147
Smirniva O.V., Denisova G.V., Eshkinina U.Yu. Nostalgic Discourse in the Russian Media: Dynamics of Changes (2005–2025).....	162
Plokhotyuk A.A., Karev A.A. The Costumed Portrait of a Tsarevna in the Age of Peter the Great in the Context of European Portraiture	179

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-3-19

Д.М. Бондаренко

ТРАЙБАЛИЗМ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

D.M. Bondarenko

TRIBALISM AND NATION-BUILDING IN POSTCOLONIAL STATES

Аннотация. Колонизаторы не уничтожили важнейшие социальные и политические институты автохтонных обществ, чье существование и по сей день (пусть зачастую и в сильно измененном по сравнению с доколониальными временами виде) во многом определяет специфику процесса образования наций в постколониальных странах. К числу таких институтов относятся и так называемые традиционные правители. В первые десятилетия после деколонизации во многих постколониальных странах предпринимались попытки лишить «традиционных правителей» власти в рамках борьбы с этничностью во имя построения наций. Однако «традиционные власти» продемонстрировали высокую степень устойчивости, обусловленную не только и даже не столько их практической эффективностью в современных условиях, сколько непреходящей легитимностью в общественном сознании. В то же время в постколониальный период в государствах Африки, Азии, Океании происходит не прямое восстановление или сохранение доколониальных автохтонных политических институтов, но их дальнейшая трансформация, обусловленная тем фундаментальным фактом, что, как и в колониальные времена, эти институты не представляют суверенные политики, а встроены в современные (эпох модерна и постмодерна) государства. К 1990-м гг. стало ясно, что реалистичнее и эффективнее не ждать исчезновения «вождей» и «королей» и не отторгать их от системы постколониальных политических институтов как пособников колонизаторов и символ

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора, заведующий Отделом антропологии Востока и главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Bondarenko Dmitri Mikhailovich, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Head of the Department of Anthropology of the East, and Chief Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

dmitrimb@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2020-3553

отсталости, а интегрировать в нее, попытаться заставить «традиционные» институты бюрократизироваться и начать служить «современным» национальным целям, при этом все же сосредоточив основную реальную власть в институтах национального государства, и тем самым преодолеть трайбализм как препятствие на пути сложения наций. Трайбализм является врагом нациестроительства только там, где вследствие отсутствия исторических предпосылок и целенаправленной деятельности «современных властей» «традиционные власти» не оказались эффективно включенными в политическую систему постколониального государства. То есть само по себе сохранение автохтонных политических институтов угрозы становлению постколониального национального государства не несет.

Ключевые слова: постколониальные государства, нациестроительство, трайбализм, неопатримониализм, традиционные правители, политические институты.

Abstract. Colonial rule did not eradicate the key social and political institutions of indigenous societies. Their continued existence, although often in forms substantially transformed since the precolonial period, still plays a major role in shaping the specific trajectories of nation-building in postcolonial states. Among these institutions are the so-called traditional rulers. During the first decades following decolonization, governments in many postcolonial countries sought to deprive “indigenous rulers” of political authority as part of broader attempts to overcome ethnicity in the name of nation-building. Yet “indigenous authorities” proved remarkably resilient. Their endurance was rooted not only, or even primarily, in their practical effectiveness under modern conditions, but in the persistent legitimacy they retained in the public consciousness. At the same time, the postcolonial states of Africa, Asia, and Oceania have witnessed neither a straightforward restoration nor simple preservation of precolonial indigenous political institutions. Rather, these institutions have undergone further transformation, driven by the fundamental fact that, as in the colonial period, they no longer represent sovereign polities but are incorporated into modern — and postmodern — state structures. By the 1990s, it had become evident that a more realistic and effective approach was not to await the disappearance of “chiefs” and “kings”, nor to exclude them from postcolonial political systems as collaborators of colonial powers or as obsolete symbols of backwardness. Instead, the prevailing tendency was to integrate them into those systems, encourage the bureaucratization of “indigenous” institutions, and redirect them toward “modern” national objectives, while continuing to concentrate substantive political power in the institutions of the nation-state. Such integration, in turn, offered a means of overcoming tribalism as an obstacle to nation-building. Tribalism becomes an impediment to nation-building only where, owing to a lack of historical preconditions and deliberate policies on the part of “modern authorities”, “indigenous authorities” have not been effectively incorporated into the political system of the postcolonial state. The continued existence of indigenous political institutions, therefore, does not in itself constitute a threat to the formation of a postcolonial nation-state.

Keywords: post-colonial states, nation-building, tribalism, neopatrimonialism, indigenous rulers, political institutions.

Колониальные государства мыслились и формировались их европейскими создателями не как национальные, а как территориальные¹, т.е. фактически объединявшие граждан по формальному и случайному признаку их проживания в границах одной колонии. Границы колоний, затем ставшие границами постколониальных государств, отражали, прежде всего, соотношение сил между державами-метрополиями в том или ином регионе, но не предшествующий ход его собственной политической, социальной, экономической и культурной истории. Как следствие, в пределах колоний чаще всего принудительно объединялось множество ранее суверенных политий народов с зачастую очень отличающимися друг от друга культурами, иногда даже не знавших о существовании друг друга или бывших историческими врагами.

Безусловно, неправильно сводить все проблемы постколониальных стран к наследию колониализма. Однако бесспорно и то, что именно колониализм породил очень многие из них, как и большинство самих постколониальных государств.

«Непосредственным следствием колониализма был его вклад в универсализацию европейской концепции государства»². И этой концепцией, универсализированной европейским империализмом совместно с национально-освободительным движением, была концепция национального государства³. Однако колонизаторы в одних случаях не захотели, в других — не смогли уничтожить важнейшие социальные и политические институты автохтонных обществ, чье существование и по сей день (пусть зачастую и в сильно измененном по сравнению с доколониальными временами виде) во многом определяет специфику — противоречивый характер и во многих случаях невысокие темпы — процесса образования наций в постколониальных странах. К числу таких институтов относятся и так называемые традиционные правители. В постколониальных обществах «заглушить» этнические чувства национальными оказалось крайне трудно — не в последнюю очередь потому, что легитимность связанных с ними локальных институтов в глазах граждан превосходила легитимность институтов национальных⁴.

¹ *Pesek M. Foucault Hardly Came to Africa: Some Notes on Colonial and Post-Colonial Governmentality // Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 2011. Bd. 21. Ht. 1. S. 49–52.*

² *Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 2010. P. 67.*

³ *Chakrabarty D. Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for “Indian” Pasts? // Representations. 1992. Vol. 37. No. 1. P. 19.*

⁴ *Waller R. Ethnicity and Identity // The Oxford Handbook of Modern African History / Ed. by J. Parker, R. Reid. Oxford, 2013. P. 98.*

Попытки первых правительств освободившихся государств утверждать нацию за счет этничности путем подавления последней отражали понимание ими нестабильности политических сообществ, представлявшихся как нации, и угрозы, которую эта нестабильность несла не только данным правительствам, но и самим государствам⁵. Реалии заставляли политиков, как деятелей «искусства возможного», пытаться подавлять этничность в разной мере и в разных формах в различных странах в различные периоды. Тем не менее, «политические лидеры использовали весь арсенал возможных средств для усиления национальной идентичности и сокращения [этнокультурного] многообразия»⁶. Такая политика, как правило, в более мягких формах, продолжается и после того, как сошли со сцены отцы независимости постколониальных стран, хотя приводит она в основном не к социокультурной унификации и объединению граждан под эгидой государства, а к нарастанию неопределенности и противоречий в обществе, не пресекая, но, напротив, стимулируя политизацию этничности⁷. Одним же из важнейших каналов для этого стал институт «традиционных правителей».

Концепция неопатримониализма, предложенная Ш.Н. Айзенштаттом как адаптация к современным условиям теории патримониализма М. Вебера⁸, описывает ситуацию, при которой в различных подсистемах общества — политической, экономической и др. — коренящиеся в автохтонной доколониальной культуре, держащиеся на межличностных отношениях и обусловленные традиционными неписаными нормами патронажно-клиентельные связи сосуществуют и превалируют над формализованными, обезличенными, определенными современным правом, буквой и духом законов отношениями, которые в этом же обществе устанавливает современное бюрократическое государство⁹. Неопатримониализм коренится в неуничтоженности при колониализме, несмотря на все

⁵ Geertz C. The Judging of Nations: Some Comments on the Assessment of Regimes in New States // *European Journal of Sociology*. 1977. Vol. 18. No. 2. P. 245–261.

⁶ Buzási K. Languages and National Identity in Sub-Saharan Africa: A Multilevel Approach // *The Economics of Language Policy* / Ed. by M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge; London, 2016. P. 225.

⁷ Broch-Due V. (ed.). *Violence and Belonging. The Quest for Identity in Post-colonial Africa*. London, 2005; Frahm O. “How a State is Made” — Statebuilding and Nationbuilding in South Sudan in the Light of Its African Peers. Ph.D. thesis. Berlin, 2014. P. 91–95.

⁸ Eisenstadt S.N. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. Beverly Hills, 1973; см. также: Theobald R. *Patrimonialism* // *World Politics*. 1982. Vol. 34. No. 4. P. 548–559.

⁹ Bach D.C., Gazibo M. (éds.). *L'État néopatrimonial: genèse et trajectoires contemporaines*. Ottawa, 2011; Beekers D., Gool B., van. *From Patronage to Neopatrimonialism. Postcolonial Governance in Sub-Sahara Africa and beyond*. Leiden, 2012.

произошедшие в тот период колоссальные изменения, но трансформированности — отчасти просто искаженности, отчасти «осовременности» — до-национальных, до-современных социокультурных первооснов цивилизаций Азии, Африки, Океании, таких, как африканская общинность¹⁰, а в сфере отношений власти — автохтонных форм «политической рациональности»¹¹. Очевидно, что неопатримониализм создает благодатный социальный и культурный контекст для расцвета неотрадиционализма¹².

В конечном счете речь в таких случаях идет о сакрализации власти — ее фундаментальном обосновании в доиндустриальных, в том числе доколониальных, обществах, оказывающемся востребованным и в постколониальных государствах ввиду характерной для них несекуляризованности общественного сознания. Это говорит о том, что автохтонные доколониальные картины мира, в которых определенные места занимают люди, общества и власти, по-прежнему актуальны для потомков их создателей. В ситуации высокого уровня религиозности общественного сознания религиозная (или квазирелигиозная) легитимизация власти выглядит естественной, а идеи религиозного характера могут эксплицитно или имплицитно служить основой власти, мотивировать действия ее носителей. При такой легитимизации не народ, а высшие силы, можно даже сказать, сам строй бытия — мироустройство — видятся источником и санкцией власти, а правитель оказывается «предстоятелем» перед высшими силами за народ, воплощением миропорядка и живым свидетельством правильного хода вещей в обществе и мироздании, но не демократическим лидером нации, независимо от того, какова формальная политическая система государства.

Проблема трибализма — большей легитимности в глазах граждан локальных политических институтов, нежели национальных, таким образом, тесно связана с сакральностью власти и религиозностью общественного сознания, как и с явлением неопатримониализма. Она актуальна для многих постколониальных государств Азии, Океании¹³, но в особенности — африканских. В первые десяти-

¹⁰ Бондаренко Д.М. Общинность: первооснова историко-культурной и социально-политической традиции субсахарской Африки // Восток. 2014. № 2. С. 10–22.

¹¹ Pesek M. Op. cit. S. 41–59.

¹² Бондаренко Д.М. Историческая память, нациестроительство и неотрадиционализм в постколониальной Африке южнее Сахары // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2022. Т. 12 / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2023. С. 286–301.

¹³ См., например: Меликсетова И.М. Трибализм и государственность (этносоциальные и социально-политические процессы в Папуа — Новой Гвинее в 60–80-е годы XX в.). М., 1985; al-Sharekh A., Freer C. Tribalism and Political Power in the Gulf: State-Building and National Identity in Kuwait, Qatar and the UAE. London, 2022;

тилетию после деколонизации во многих странах Африки государства предпринимали попытки лишить «традиционных правителей» власти в рамках борьбы с этничностью во имя построения наций. Однако «традиционные власти» продемонстрировали высокую степень устойчивости, обусловленную не только и даже не столько их практической эффективностью в современных условиях, сколько непреходящей легитимностью в общественном сознании¹⁴. Еще раз подчеркнем, что эта легитимность не связана просто с секулярным по сути желанием африканцев отстаивать свою культурную самобытность и в сфере политических институтов. Легитимность автохтонных правителей обусловлена в огромной степени тем, что в сознании их подданных, включая христиан и мусульман, по-прежнему важное значение имеет лежащая в основе африканской культурной традиции идея о связи с предками как залого благополучия¹⁵. Даже если современный африканец это не артикулирует четко, в его не секуляризованном по-западному сознании идущая из глубоко доколониальных времен идея о сакральной связи власти и высших сил, о роли медиатора между людьми и предками как важнейшей функции правителей сохраняется — если не эксплицитно, то имплицитно¹⁶. Современные политические институты и носители заключенной в них власти выполнять эту функцию не могут. Автохтонные правители же есть проявление первооснов историко-культурной и социально-политической традиции народов субсахарской Африки¹⁷. В рамках обусловленной этой традицией культурной логики то, как африканцы «воспринимают такие вещи, как “президентство”, “демократия” и “представительство”, абсолютно прямо связано с институтом вождей»¹⁸.

В связи со сказанным выше логично, что, рассматривая причины сохранения актуальности так называемых традиционных властей, П. Энглберт отмечает в числе прочих причин и неудачи нациестрои-

Muñoz D., Schorch P. (dir.). *Souverainetés autochtones. À travers l'Océanie, au-delà de l'État* // Journal de la Société des Océanistes. 2024. No. 158–159. P. 7–178.

¹⁴ Foucher V., Smith É. Les aventures ambiguës du pouvoir traditionnel dans l'Afrique contemporaine // *Revue internationale et stratégique*. 2011. No. 1 (81). P. 30–43.

¹⁵ Бондаренко Д.М. Общинность... С. 16; Owusu-Mensah I. Politics, Chieftaincy and Customary Law in Ghana's Fourth Republic // *The Journal of Pan African Studies*. 2014. Vol. 6. No. 7. P. 261–278; Felix da Costa D. Changing Power among Murle Chiefs: Negotiating Political, Military and Spiritual Authority in Boma State, South Sudan. Nairobi; London, 2018.

¹⁶ Kallinen T. *Divine Rulers in a Secular State*. Helsinki, 2016.

¹⁷ Бондаренко Д.М. Общинность...

¹⁸ Kallinen T. “My Solemn Responsibilities to My People”: Traditional Rulers and Post-Colonial State in Ghana // *Finnish Yearbook of International Law*, 2004. 2006. Vol. 15. P. 78.

тельства в постколониальных государствах¹⁹. Действительно, признание гражданами законности существования автохтонных институтов не означает отрицания ими легитимности институтов государства, но порождает ситуацию «множественных легитимностей»²⁰. В этой ситуации автохтонные институты компенсируют слабость институтов национального государства на локальном уровне. В то же время Э.П. Скиннер и Г.О. Эхатор усматривали обратную связь: важнейшую причину проблем со строительством наций в постколониальной Африке они видели в настойчивом желании лидеров государств в первые десятилетия независимости любым путем исключить традиционных правителей из общественно-политической жизни²¹.

Как бы то ни было, к 1990-м годам ученым стало ясно, что традиционных правителей неверно рассматривать как воплощение архаической «традиции» в рамках ложной жесткой дихотомии «традиция — современность»²², а африканским политикам — что реалистичнее и эффективнее не ждать прогнозировавшегося немалым числом аналитиков на заре африканской независимости исчезновения «вождей» и «королей» и не отторгать их от системы постколониальных политических институтов как пособников колонизаторов и непригодный для современной нации символ отсталости, а интегрировать в нее. Иными словами — попытаться заставить «традиционные» институты бюрократизироваться и начать служить «современным» национальным целям, при этом все же сосредоточив основную реальную власть в институтах национального государства, и тем самым преодолеть трайбализм как препятствие на пути сложения наций.

Так, в Ботсване то, что такой подход был принят изначально, а не десятилетия спустя после получения независимости, стало одной из причин ныне в целом стабильного экономического и социального благополучия этой страны (во всяком случае, по африканским меркам)²³. Опыт Ботсваны свидетельствует, что, хотя его демокра-

¹⁹ Englebert P. Patterns and Theories of Traditional Resurgence in Tropical Africa // *Mondes en Développement*. 2002. Vol. 30. No. 1. P. 8–14.

²⁰ Steinforth A.S., Klocke-Daffa S. (eds.). *Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa*. Cham, 2021. P. 17–20, 317–431.

²¹ Skinner E.P. African Political Cultures and the Problems of Government // *African Studies Quarterly*. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 17–25; Ekhtator G.O. Ethnicity and the Challenges of National Integration in Nigeria: 1960–1999 // *Issues and Trends in Nigeria's Development* / Ed. by V.O. Edo, E.F.K. Salami. Ibadan, 2012. P. 56–57.

²² Perrot C.H., Fauvelle-Aymar F.-X. (eds.). *Le retour des rois. Les autorités traditionnelles et l'état en Afrique contemporaine*. Paris, 2003.

²³ Werbner R.P. Reasonable Radicals and Citizenship in Botswana: The Public Anthropology of Kalanga Elites. Bloomington; Indianapolis, 2004; Holm J.D., Bothale E.

тичность далеко не полная²⁴, одной из важнейших причин становления постколониальной Ботсваны как в целом все же демократического национального государства — редкого для постколониальных стран и потому часто вспоминаемого исследователями подобного примера — явилось то, что, как показал О. Гульбрандсен, в поздний колониальный период традиционная знать, и прежде всего монархи (дикгоси), была «маргинализирована» зародившимся в те годы слоем «образованных и коммерчески-ориентированных» людей. В результате к моменту провозглашения независимости Ботсваны в 1966 г. сложилась ситуация, при которой было вполне реально с самого начала «подчинить власть дикгоси республиканскому государству» — «кооптировать» их в новую, республиканскую, систему политических институтов, но при этом подчинить главе государства — президенту. Иначе говоря, важнейшим залогом сложения Ботсваны как демократического национального государства стала победа над трайбализмом, причем путем не уничтожения, а интеграции автохтонных политических институтов²⁵. Еще одним прямым следствием победы постколониального государства над трайбализмом в Ботсване явилось то, что для ее граждан национальная идентичность, безусловно, стала первичной по отношению к этнической²⁶.

В Танзании тоже потенциальное сопротивление относительно слабых вождей удалось эффективно и без больших сложностей пресечь на заре независимости страны, причем не насильственными методами, а путем включения многих из них в систему государственных институтов управления, тем более что они уже были адаптированы к встраиванию в более широкую систему современных институтов в период колониализма. Пусть неформальное влияние

Persistence and Decline of Traditional Authority in Modern Botswana Politics // Botswana Notes and Records. 2008. Vol. 40. No. 1. P. 74–87; *Gulbrandsen Ø.* The State and the Social. State Formation in Botswana and Its Pre-colonial and Colonial Genealogies. New York; Oxford, 2014; *Morton B., Ramsay J.* Historical Dictionary of Botswana. Lanham, 2018.

²⁴ *Taylor I.* As Good as It Gets? Botswana's "Democratic Development" // Limits to Liberation in Southern Africa: The Unfinished Business of Democratic Consolidation / Ed. by H. Melber. Cape Town, 2003. P. 72–92; *Dinokopila B.R.* Pre-independence Constitutions, Participatory Constitution-making and Constitutionalism in Africa: The Case of Botswana // Constitutionalism and Democratic Governance in Africa: Contemporary Perspectives from Sub-Saharan Africa / Ed. by M.K. Mbondenyi, T. Ojienda. Pretoria, 2013. P. 191–218; *Ojo E.O., Duyile W.A.* "The Giant of Africa" and "Africa's Success Story": A Comparative Study of Democracy in Nigeria and Botswana // Ученые записки Института Африки РАН / Journal of the Institute for African Studies. 2020. No. 2. P. 30–50.

²⁵ *Gulbrandsen Ø.* Op. cit. P. 64–108, 227–254.

²⁶ *Werbner R.P.* Op. cit. P. 70–71, 84–85.

вождей сохранилось после официального упразднения их института и сохраняется по сей день²⁷, они не могут представлять собой силы, противостоящей строительству нации. В других же странах задача эффективной интеграции автохтонных правителей в современную систему государственных институтов, с тем чтобы их влияние и деятельность шли на пользу всей нации, и в XXI в. остается нерешенной, и проблема трайбализма, таким образом, сохраняет актуальность.

При этом важно понимать, что в постколониальных условиях и в Африке, и в Азии, и в Океании²⁸ происходит не прямое восстановление или сохранение доколониальных автохтонных политических институтов, но их дальнейшая трансформация, обусловленная тем фундаментальным фактом, что, как и в колониальные времена, эти институты не представляют суверенные политии, а встроены в современные (эпох модерна и постмодерна) государства. Показательно в этой связи, что, как некогда колонизаторы, центральные власти некоторых постколониальных африканских государств (в частности, Намибии и Камеруна) в тех же целях удобства управления гражданами и компенсации собственной недостаточной легитимности в их глазах создают институт вождей там, где его раньше не было²⁹. Возможность стать вождем в обход местных норм получения этого статуса предусматривала и конституция Первой республики в Нигерии³⁰. Таким образом, начавшееся при колонизаторах изменение сути институтов традиционной власти, оснований легитимности и функций ее носителей продолжилось и после ухода колонизаторов.

²⁷ Butovskaya M.L., Burkova V.N., Karelin D.V. The Wameru of Tanzania: Historical Origin and Their Role in the Process of National Integration // *Social Evolution and History*. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 157–158; Nkyabonaki J. The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania // *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* / Ed. by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow, 2019. P. 183–195; Stroeken K., Kaputu F.U. Between Ethnicity and Medicine: Reinventing Legitimacy in Chokwe and Sukuma Chieftaincies // *Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa* / Ed. by A.S. Steinforth, S. Klocke-Daffa. Cham, 2021. P. 63–83.

²⁸ Muñoz D., Schorch P. (dir.). Op. cit.

²⁹ Keulder C. (ed.). *State, Society and Democracy: A Reader in Namibian Politics*. Windhoek, 2010. P. 160; Awoh E.L. Contesting forms of Authority and Local Governance in Cameroon // “Africa: Moving the Boundaries”. 39th Annual African Studies Association of Australasia and the Pacific (AFSAAP) Conference, 5–7 December 2016, The University of Western Australia. Abstracts. — URL: <https://afsaap.org.au/conferences/perth-2016/> (дата обращения 11.01.2022).

³⁰ Кочакова Н.Б. Традиционные институты управления и власти (по материалам Нигерии и Западной Африки). М., 1993. С. 83.

П. Скальник предположил, что признание так называемых традиционных правителей современными постколониальными государствами может способствовать утверждению этих государств как национальных, демократических. Он подчеркивает, что эти правители — носители власти, институты которой были порождены в Африке самими африканцами, — могут уравнивать государство, служить и посредниками между гражданами и государством, и инструментом контроля общества за государством³¹. В якобы демократичности (на самом деле — не абсолютности) власти вождей в доколониальные времена видят предпосылку их способствования превращению постколониальных государств в демократические правовые и некоторые африканские авторы³².

Однако наши наблюдения и анализ (в Бенине, Гане, Замбии, Нигерии, Того, Уганде), а также изучение успешного опыта решения проблемы трайбализма в Ботсване и Танзании склоняют к иному выводу. Там, где современная политическая система не интегрирует в себя традиционные институты как низовые звенья аппарата национального государства, тем самым подрывая независимость власти автохтонных правителей³³, эти правители создают собственные или включаются в уже существующие кланы политических элит своих стран. В процессе становления и развития постколониального государства они получают новые важные функции взамен или в дополнение к прежним, их институты обретают взаимонеобходимость и даже неразрывность с государственными институтами, превращаясь в «гибридные»³⁴. Сами же автохтонные правители хорошо интегрируются в систему современных политических, экономических и социальных отношений, получают большие личные выгоды, в том числе материальные, от нахождения между своими подданными

³¹ *Skalnik P.* Controlled Authority versus Undisguised Power: In Africa Indigenous Institutions Counterbalance the Modern State // *The Dynamics of the Early State Paradigm* / Ed. by M.A. van Bakel, J.G. Oosten. Utrecht, 1995. P. 53–67.

³² *Nwauwa A.O.* Concepts of Democracy and Democratization in Africa Revisited // *Democracy and Globalization* / Ed. by C. Nieman. Kent, 2005. — URL: <https://www.kentstateuniversitypress.com/wp-content/uploads/symposium/Nieman/index.html> (дата обращения 17.01.2025); *Makahamadze T., Grand N., Tavuyano B.* The Role of Traditional Leaders in Fostering Democracy, Justice and Human Rights in Zimbabwe // *The African Anthropologist*. 2009. Vol. 16. No. 1–2. P. 33–47; *Owusu-Mensah I.* Op. cit.

³³ *Henn S.J.* Complements or Substitutes? How Institutional Arrangements Bind Traditional Authorities and the State in Africa // *American Political Science Review*. 2023. Vol. 117. No. 3. P. 871–890.

³⁴ *Ackermann A.* Cultural Hybridity: Between Metaphor and Empiricism // *Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach* / Ed. by P.W. Stockhammer. Berlin; Heidelberg, 2012. P. 11–14; *Albrecht P.* The Hybrid Authority of Sierra Leone's Chiefs // *African Studies Review*. 2017. Vol. 60. No. 3. P. 159–180.

и государством, в чем поднаторели еще их предшественники в колониальный период. «Традиционная власть постепенно сливается с государственной и ее нельзя рассматривать как параллельную структуру. Она не существует вне административной государственной системы»³⁵. В случае же существенного ослабления государства, как в Сомали после 1991 г., традиционные правители начинают отчасти заполнять собой, а отчасти — подменять собственными его институты; особенно это характерно для той части Сомали, на которой было провозглашено создание Сомалиленда³⁶.

Так что «традиционность» современных «традиционных правителей» — всего лишь «полуправда»³⁷. «Борьбу за место в традиционной структуре власти сегодня невозможно понять, если не знать или хотя бы не предполагать, не догадываться, что она открывает соискателю путь к достижению определенных позиций в современных социальных и властных структурах»³⁸. Носители автохтонной власти проявляли большую способность адаптироваться к меняющимся условиям начиная с колониального периода и не утратили ее в современную эпоху, связанную с попытками политической демократизации и экономической либерализации, оказываясь в состоянии встроиться в новые явления, влиться в новые процессы, одновременно оказывая на них собственное влияние. Более того, так называемые традиционные правители показали, что могут лучше и с большей выгодой, чем вовлеченные в «современные» институты управления чиновники, взаимодействовать с крупнейшими транснациональными организациями, такими, как Всемирный банк³⁹. Нам доводилось встречаться в разных странах Африки с традиционными правителями, среди которых были одновременно владельцы авиационной и нефтяной компаний, преуспевающий коммерсант, профессор университета... Все они имели высшее образование, полученное

³⁵ Сидорова Г.М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из дневника дипломата). М., 2015. С. 111–112.

³⁶ Lewis I.M. Understanding Somalia and Somaliland: Culture, History and Society. London, 2008. P. 93–108; Abdullahi (Baadiyow) A. Reconstructing the National State of Somalia: The Role of Traditional Institutions and Authorities // State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa / Ed. by R. Bereketeab. Cham, 2017. P. 25–48.

³⁷ Comaroff J.L., Comaroff J. Chiefs, Capital, and the State in Contemporary Africa: An Introduction // The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa / Ed. by J.L. Comaroff, J. Comaroff. Chicago; London, 2018. P. 9.

³⁸ Кочакова Н.Б. Роль традиции в современном цивилизационном процессе (на материале Западной Африки) // Восток. 1994. № 2. С. 113.

³⁹ Kallinen T. King of the World Bank. Global Legitimacy of Local Rulers // On Foreign Ground: Moving between Countries and Categories / Ed. by M. Ruckenstein, M.-L. Karttunen. Helsinki, 2007. P. 28–38.

за рубежом. Слово «вождь» значилось на визитной карточке представителя Нигерии в ООН, которую он мне вручил. Да и президент этой страны в 1976–1979 и 1999–2007 гг. Олусегун Обасанджо всегда подчеркивал, что носит титул вождя. «Как и их предшественники (в колониальные времена. — Д.Б.), постколониальные вожди продолжают извлекать власть из своей деятельности как посредников между сферами государства и традиции»⁴⁰.

Но в целом, опять же, как и в колониальные времена, вожди и короли оказываются в большей мере агентами государства в народной среде, чем представителями народа в государственных верхах. Государство же вынуждено позволять им многое, в том числе подменять государственное право так называемым обычным — традиционным, автохтонным — во взаимоотношениях с подданными, потому что автохтонные правители самим фактом своего существования шантажируют его возможностью неповиновения народа, если будут обижены их традиционные лидеры. Ведь, опять же, как при колониализме, вопреки непонятной им реальности, подданные продолжают считать связь между собой и традиционными правителями изначальной, определяющей их идентичность и основы жизни, более крепкой и важной, чем связь между традиционными правителями и государством. Так, отмечая, что в Демократической Республике Конго «традиционным вождям... местное население доверяет больше, чем центральной власти» и что «сравнение современной и традиционной власти показывает, что последняя по своему содержанию намного ближе к африканским реалиям», Г.М. Сидорова подчеркивает, что «традиционная элита продолжает активно участвовать в политическом процессе, а официальные власти, в свою очередь, ищут у нее поддержки в решающие моменты»⁴¹. Показательны итоги попытки камерунского государства времен однопартийности официально признать традиционных правителей посредниками между собой и народом и опереться на них во взаимоотношениях с обществом: «традиционные власти... опосредовали отношения между государством и обществом и заставляли народ подчиняться воле государства». В противоположность тому, что ожидал бы П. Скальник, «в целом это привело к застою, особенно в сельской местности, следствием чего стало отсутствие разрыва (между автохтонной и современной системами управления. — Д.Б.) в народном сознании. В результате государство было активно вовлечено в утверждение

⁴⁰ Willis J. Chieftaincy // The Oxford Handbook of Modern African History / Ed. by J. Parker, R. Reid. Oxford, 2013. P. 219.

⁴¹ Сидорова Г.М. Указ. соч. С. 112, 113.

статичного взгляда на традиционное общество, даже если это не выдерживало критики с точки зрения исторического анализа»⁴².

«Недосформированность» наций во многих постколониальных странах проявляется не в неискоренности в их гражданах локального уровня сознания, а в недостаточной развитости у них его надлокального — национального — уровня. И трайбализм — действительно враг на пути его формирования наряду с тоталитарным государством, которое там, где оно существует, уничтожает гражданское общество. Причем расцвет трайбализма и тоталитарность государства взаимосвязаны. Например, очень жесткий режим Дж. Нимейри в Судане активно вовлекал арабские племена страны, опираясь на их старейшин, в свою борьбу с оппозиционными движениями, в особенности в мятежном регионе Дарфур⁴³. Но трайбализм является врагом нациестроительства только там, где вследствие отсутствия исторических предпосылок и целенаправленной деятельности «современных властей» «традиционные власти» не оказались эффективно включенными в политическую систему постколониального государства. То есть само по себе сохранение автохтонных политических институтов не несет угрозы становлению постколониального национального государства, но если они остаются не вписанными в государственную политическую систему, носители «традиционной власти» потенциально, а во многих случаях и актуально вольно или невольно провоцируют противостояния в сознании граждан локального (трибального) и национального пластов идентичности, возвышение первого над вторым, а не наоборот.

References

Abdullahi (Baadiyow) A. *Reconstructing the National State of Somalia: The Role of Traditional Institutions and Authorities // State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa* / Ed. by R. Bereketeab. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–48.

Ackermann A. *Cultural Hybridity: Between Metaphor and Empiricism // Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach* / Ed. by P.W. Stockhammer. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. P. 5–26.

al-Sharekh A., Freer C. *Tribalism and Political Power in the Gulf: State-Building and National Identity in Kuwait, Qatar and the UAE*. London: Tauris, 2022. 224 p.

⁴² Jua N. *Of Citizenship, Public Spaces and National Imagining in Cameroon // The African Anthropologist*. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 124.

⁴³ Костелянец С.В. Дарфур: история конфликта. М., 2014. С. 152–168; Hawi H.O. *Identity Formation in Post-Secession Sudan // State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa* / Ed. by R. Bereketeab. Cham, 2017. P. 179.

- Albrecht P. The Hybrid Authority of Sierra Leone's Chiefs // African Studies Review. 2017. Vol. 60. No. 3. P. 159–180.
- Awoh E.L. Contesting Forms of Authority and Local Governance in Cameroon // “Africa: Moving the Boundaries”. 39th Annual African Studies Association of Australasia and the Pacific (AFSAAP) Conference, 5–7 December 2016, The University of Western Australia. Abstracts. — URL: <https://afsaap.org.au/conferences/perth-2016>
- Beekers D., van Gool B. From Patronage to Neopatrimonialism. Postcolonial Governance in Sub-Sahara Africa and beyond. Leiden: African Studies Centre, 2012. 33 p. (ASC Working Paper 101/2012).
- Bondarenko D.M. *Istoricheskaya pamyat', natsiestroitel'stvo i neotraditsionalizm v postkolonial'noi Afrike yuzhnee Sakhary* [Historical Memory, Nation-Building, and Neotraditionalism in Postcolonial Sub-Saharan Africa] // *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences]. 2022. Vol. 12 / Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: RAN, 2023. P. 286–301.
- Bondarenko D.M. *Obshchinnost': pervoosnova istoriko-kul'turnoi i sotsial'no-politicheskoi traditsii subsakharskoi Afriki* [Communality: The Fundamental Basis of the Historical-Cultural and Socio-Political Tradition of Sub-Saharan Africa] // *Vostok*. 2014. N 2. P. 10–22.
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Karelin D.V. The Wameru of Tanzania: Historical Origin and Their Role in the Process of National Integration // Social Evolution and History. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 141–163.
- Buzási K. Languages and National Identity in Sub-Saharan Africa: A Multilevel Approach // The Economics of Language Policy / Ed. by M. Gazzola, B.-A. Wickström. Cambridge; London: The MIT Press, 2016. P. 225–264.
- Chakrabarty D. Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for “Indian” Pasts? // Representations. 1992. Vol. 37. No. 1. P. 1–26.
- Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa / Ed. by A.S. Steinforth, S. Klocke-Daffa. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. 484 p.
- Comaroff J.L., Comaroff J. Chiefs, Capital, and the State in Contemporary Africa: An Introduction // The Politics of Custom: Chiefship, Capital, and the State in Contemporary Africa / Ed. by J.L. Comaroff, J. Comaroff. Chicago; London: University of Chicago Press, 2018. P. 1–48.
- Dinokopila B.R. Pre-Independence Constitutions, Participatory Constitution-Making and Constitutionalism in Africa: The Case of Botswana // Constitutionalism and Democratic Governance in Africa: Contemporary Perspectives from Sub-Saharan Africa / Ed. by M.K. Mbondenyei, T. Ojienda. Pretoria: Pretoria University Law Press, 2013. P. 191–218.
- Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. Beverly Hills: Sage Publications, 1973. 95 p.
- Ekhatior G.O. Ethnicity and the Challenges of National Integration in Nigeria: 1960–1999 // Issues and Trends in Nigeria's Development / Ed. by V.O. Edo, E.F.K. Salami. Ibadan: John Archers Publishers, 2012. P. 41–68.

- Englebert P. Patterns and Theories of Traditional Resurgence in Tropical Africa // Mondes en développement. 2002. Vol. 30. No. 1. P. 51–64.
- L'État néopatrimonial: genèse et trajectoires contemporaines / Ed. par D.C. Bach, M. Gazibo. Ottawa: Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2011. 389 p.
- Felix da Costa D. Changing Power among Murle Chiefs: Negotiating Political, Military and Spiritual Authority in Boma State, South Sudan. Nairobi; London: Rift Valley Institute, 2018. 37 p.
- Foucher V., Smith É. Les aventures ambiguës du pouvoir traditionnel dans l'Afrique contemporaine // Revue internationale et stratégique. 2011. No. 1 (81). P. 30–43.
- Frahm O. "How a State Is Made" — Statebuilding and Nationbuilding in South Sudan in the Light of Its African Peers: Ph.D. Thesis. Berlin: Humboldt Universität zu Berlin, 2014. 377 p.
- Geertz C. The Judging of Nations: Some Comments on the Assessment of Regimes in New States // European Journal of Sociology. 1977. Vol. 18. No. 2. P. 245–261.
- Gulbrandsen Ø. The State and the Social. State Formation in Botswana and Its Pre-Colonial and Colonial Genealogies. New York; Oxford: Berghahn Books, 2014. 364 p.
- Hawi H.O. Identity Formation in Post-Secession Sudan // State Building and National Identity: Reconstruction in the Horn of Africa / Ed. by R. Bereketeab. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 165–185.
- Henn S.J. Complements or Substitutes? How Institutional Arrangements Bind Traditional Authorities and the State in Africa // American Political Science Review. 2023. Vol. 117. No. 3. P. 871–890.
- Holm J.D., Bothale E. Persistence and Decline of Traditional Authority in Modern Botswana Politics // Botswana Notes and Records. 2008. Vol. 40. No. 1. P. 74–87.
- Jua N. Of Citizenship, Public Spaces and National Imagining in Cameroon // The African Anthropologist. 2005. Vol. 12. No. 1. P. 100–128.
- Kallinen T. Divine Rulers in a Secular State. Helsinki: Finnish Literature Society, 2016. 202 p.
- Kallinen T. King of the World Bank. Global Legitimacy of Local Rulers // On Foreign Ground: Moving between Countries and Categories / Ed. by M. Ruckenstein, M.-L. Karttunen. Helsinki: Finnish Literature Society, 2007. P. 28–38.
- Kallinen T. "My Solemn Responsibilities to My People": Traditional Rulers and Post-Colonial State in Ghana // Finnish Yearbook of International Law, 2004. Vol. 15. 2006. P. 61–81.
- Kochakova N.B. *Rol' traditsii v sovremennom tsivilizatsionnom protsesse (na materiale Zapadnoi Afriki)* [The Role of Tradition in the Contemporary Civilizational Process: The Case of West Africa] // Vostok. 1994. N 2. P. 110–114.
- Kochakova N.B. *Traditsionnye instituty upravleniya i vlasti (po materialam Nigerii i Zapadnoi Afriki)* [Traditional Institutions of Governance and Authority: Evidence from Nigeria and West Africa]. Moscow: Nauka, 1993. 168 p.
- Kostelyanets S.V. *Darfur: istoriya konflikta* [Darfur: A History of the Conflict]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2014. 388 p.
- Lewis I.M. Understanding Somalia and Somaliland: Culture, History and Society. London: Hurst and Co, 2008. 139 p.

Makahamadze T., Grand N., Tavuyanago B. The Role of Traditional Leaders in Fostering Democracy, Justice and Human Rights in Zimbabwe // *The African Anthropologist*. 2009. Vol. 16. No. 1–2. P. 33–47.

Meliksetova I.M. *Tribalizm i gosudarstvennost' (ethnosotsial'nye i sotsial'no-politicheskie protsessy v Papua — Novoi Gvinei v 60–80-e gody XX v.)* [Tribalism and Statehood: Ethnosocial and Socio-Political Processes in Papua New Guinea in the 1960s–1980s]. Moscow: Nauka, 1985. 170 p.

Morton B., Ramsay J. *Historical Dictionary of Botswana*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. 459 p.

Nkyabonaki J. The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania // *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora* / Ed. by D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 183–195.

Nwauwa A.O. Concepts of Democracy and Democratization in Africa Revisited // *Democracy and Globalization* / Ed. by C. Nieman. Kent: Kent State University Press, 2005. — URL: <https://www.kentstateuniversitypress.com/wp-content/uploads/symposium/Nieman/index.html>

Ojo E.O., Duyile W.A. “The Giant of Africa” and “Africa’s Success Story”: A Comparative Study of Democracy in Nigeria and Botswana // *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* / Journal of the Institute for African Studies. 2020. N 2. P. 30–50.

Osterhammel J. *Colonialism: A Theoretical Overview*. Princeton: Markus Wiener Publishers, 2010. 145 p.

Owusu-Mensah I. Politics, Chieftaincy and Customary Law in Ghana’s Fourth Republic // *The Journal of Pan African Studies*. 2014. Vol. 6. No. 7. P. 261–278.

Pesek M. Foucault Hardly Came to Africa: Some Notes on Colonial and Post-Colonial Governmentality // *Comparativ: Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2011. Bd. 21. Ht. 1. S. 41–59.

Le retour des rois. Les autorités traditionnelles et l’état en Afrique contemporaine / Ed. par C.H. Perrot, F.-X. Fauvelle-Aymar. Paris: Karthala, 2003. 568 p.

Sidorova G.M. *Afrika: voina idei i voina lyudei v zerkale Demokraticeskoi Respubliki Kongo (iz dnevnika diplomata)* [Africa: A War of Ideas and a War of People through the Lens of the Democratic Republic of the Congo: From a Diplomat’s Diary]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura, 2015. 527 p.

Skalnik P. Controlled Authority versus Undisguised Power: In Africa Indigenous Institutions Counterbalance the Modern State // *The Dynamics of the Early State Paradigm* / Ed. by M.A. van Bakel, J.G. Oosten. Utrecht: ISOR, 1995. P. 53–67.

Skinner E.P. African Political Cultures and the Problems of Government // *African Studies Quarterly*. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 17–25.

Souverainetés autochtones. À travers l’Océanie, au-delà de l’État / Ed. par D. Muñoz, P. Schorch // *Journal de la Société des Océanistes*. 2024. No. 158–159. P. 7–178 (Section spéciale).

State, Society and Democracy: A Reader in Namibian Politics / Ed. by C. Keulder. Windhoek: Macmillan Education Namibia, 2010. 321 p.

Stroeken K., Kaputu F.U. Between Ethnicity and Medicine: Reinventing Legitimacy in Chokwe and Sukuma Chieftaincies // *Challenging Authorities: Ethnographies of Legitimacy and Power in Eastern and Southern Africa* / Ed. by A.S. Steinforth, S. Klocke-Daffa. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 63–83.

Taylor I. As Good as It Gets? Botswana's "Democratic Development" // Limits to Liberation in Southern Africa: The Unfinished Business of Democratic Consolidation / Ed. by H. Melber. Cape Town: HSRC Press, 2003. P. 72–92.

Theobald R. Patrimonialism // World Politics. 1982. Vol. 34. No. 4. P. 548–559.

Violence and Belonging. The Quest for Identity in Post-Colonial Africa / Ed. by V. Broch-Due. London: Routledge, 2005. 272 p.

Waller R. Ethnicity and Identity // The Oxford Handbook of Modern African History / Ed. by J. Parker, R. Reid. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 94–113.

Werbner R.P. Reasonable Radicals and Citizenship in Botswana: The Public Anthropology of Kalanga Elites. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 268 p.

Willis J. Chieftaincy // The Oxford Handbook of Modern African History / Ed. by J. Parker, R. Reid. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 208–223.

Поступила в редакцию
10 ноября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-20-39

Н.В. Бугаева

**ПРАДЕД И ПРАВНУК:
МАРК СЕРГИЙ СИЛ И ЛУЦИЙ СЕРГИЙ КАТИЛИНА**

N.V. Bugaeva

**GREAT-GRANDFATHER AND GREAT-GRANDSON:
MARCUS SERGIUS SILUS AND LUCIUS SERGIUS CATILINA**

Аннотация. Марк Сергий Сил и Луций Сергий Катилина являются наиболее известными представителями патрицианского рода Сергиев. Их репутация резко контрастирует: если Сил, по мнению Плиния Старшего и Солина, является самым доблестным воином в истории Рима, то Катилина — едва ли не главный злодей. Важно не только выяснить, насколько справедлив закрепившийся в античной традиции антагонизм, но и проанализировать, каким образом потомок задействовал в своей политической пропаганде личность предка. Первая проблема отчасти затрагивалась в научной литературе, посвященной Сергию Силу (исследователи констатировали ряд схожих черт), вторая не ставилась совсем. Катилина хорошо знал о героических деяниях прадеда благодаря памяти, сохранявшейся римским обществом и поддерживавшейся представителями *gens Sergia*. Важным свидетельством этого служит, в частности, чеканка в конце II — начале I в. до н.э. серебряного денария с изображением Сила. Прадеда и правнука сближали физическая выносливость, сила духа, упорство, авантюристические черты характера. Допустима гипотеза, что Катилина с юности подражал Силу. В политической деятельности обращение к личности героя осуществлялось различными способами. В 64 г. до н.э., конкурируя с Цицероном и представителями нобилитета, Катилина традиционно апеллировал к древности своего рода и благодеяниям пред-

Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Bugaeva Natalia Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
cethegilla@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7416-2186

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

ков народу. В 63 г. до н.э. на первый план должно было выйти обращение к Марку Сергию как к человеку, который преодолел сопротивление соперников и достиг вершины власти. Античные авторы (Плиний, Солин) сформулировали главный критерий сравнения двух Сергиев — преследуемая ими цель: прадед верно служил согражданам, интересам отчины, тогда как правнуком двигало эгоистическое честолюбие, сделавшее его врагом свободной *res publica*. Если устранить фактор целеполагания, выявится огромное сходство Сила и Катилины, которое не могло не осознаваться заговорщиком. Его личность обретает многомерность. Становится возможным отказаться от клише захудалого аристократа, жившего воспоминаниями о былой славе рода. Картина политической жизни 60-х гг. до н.э. становится более сложной.

Ключевые слова: Луций Сергей Катилина, Марк Сергей Сил, Плиний Старший, Гай Юлий Солин, выборы консулов, Поздняя Республика.

Abstract. Marcus Sergius Silus and Lucius Sergius Catilina are among the best-known members of the patrician *gens Sergia*. Their reputations in the ancient tradition could hardly be more different: Silus, according to Pliny the Elder and Solinus, was the most valiant warrior in Roman history, Catilina came to be remembered as one of its most notorious villains. The question is not only how far this stark opposition, firmly entrenched in the ancient tradition, is justified, but also how Catilina himself drew upon the memory of his ancestor in his political self-presentation. The former question has received some attention in scholarship on Sergius Silus, with scholars noting several parallels between the two men; the latter, however, has yet to be examined. Catilina was well acquainted with his great-grandfather's heroic achievements, preserved both in Roman collective memory and within the *gens Sergia* itself. One important indication of the continuing prominence of Silus within this family tradition is the issue, in the late second or early first century BCE, of a silver denarius bearing his image. Great-grandfather and great-grandson shared several notable traits, including physical endurance, strength of character, perseverance, and a propensity for risk-taking. It is therefore plausible that Catilina regarded Silus as a model from an early age and consciously sought to emulate him. In his political career, Catilina appears to have invoked the memory of his heroic ancestor in different ways. In 64 BCE, while competing with Cicero and members of the *nobilitas*, he could draw on the antiquity of his lineage and on the services his ancestors had rendered to the Roman people, well-established elements of aristocratic political self-presentation. In 63 BCE, however, Marcus Sergius may have acquired a different significance as an ancestral exemplar: a man who had overcome his rivals' opposition and ultimately reached the peak of power. For Pliny and Solinus, the crucial distinction between the two Sergii lay in the ends they pursued. The great-grandfather devoted his courage and abilities to his fellow citizens and the interests of the *res publica*, whereas the great-grandson was driven by personal ambition, which ultimately made him an enemy of *res publica libera*. Once this difference in purpose is set aside, however, the remarkable similarities between Silus and Catilina come into sharper focus — similarities of which Catilina himself could hardly have been unaware. This perspective reveals a more nuanced image of Catilina. It allows us to move beyond the conventional portrayal of an impoverished aristocrat sustained

by memories of his family's former glory. This, in turn, adds another dimension to our understanding of Roman political life in the 60s BCE.

Keywords: Lucius Sergius Catilina, Marcus Sergius Silus, Pliny the Elder, Gaius Julius Solinus, consular elections, Late Republic.

* * *

На страницах этой статьи сошлись лицом к лицу никогда не встречавшиеся люди — Марк Сергей Сил, претор 197 г. до н.э., и Луций Сергей Катилина, наиболее известные представители патрицианского рода Сергиев. Их репутация резко контрастирует: если Сил, по мнению Плиния Старшего и Солина, является самым доблестным воином в истории Рима, то Катилина — едва ли не главный злодей. Идея сравнения исторических персонажей и «вынесения приговора» зародилась еще в античности; впервые она явно прослеживается у знаменитого Плиния Старшего. Пара «Катилина — Сил» интересна не только в морально-этическом аспекте, она позволяет проследить работу механизмов исторической памяти. Буквально на глазах проходит трансформация живого человека в *exemplum* (пример, образец) для потомства, причем в случае с Сергиями процесс был взаимообусловлен. Мы попытаемся не только выяснить, насколько справедлив закрепившийся в античной традиции антагонизм, но и проанализировать, каким образом потомок задействовал в своей политической пропаганде личность предка.

Катилина в представлении не нуждается: это демонический заговорщик, чьи планы раскрыты усердием и отвагой Цицерона. Вечным клеймом горят слова Саллюстия¹: «Луций Катилина, человек знатного происхождения (*nobili genere natus*), отличался большой силой духа и тела (*magna vi et animi et corporis*), но злым и дурным нравом. С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость. Телом он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования (*corpus patiens inediae, algoris, vigiliae supra quam cuiquam credibile est*). Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало. Его неумный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному» (*Sall. Cat. 5. 1–5*)². Плохая репутация будет сопутствовать Катилине до конца античности.

¹ Ср. с портретом Сеяна (*Tac. Ann. IV. 1. 4*) и Юстиниана (*Procop. Hist. arcan. VIII. 22–26; XII. 27; XIII. 28–33*).

² Здесь и далее, если не оговорено иное, сочинения Саллюстия и Цицерона даны в переводе В.О. Горенштейна.

Марк Сергий Сил известен прежде всего благодаря Плинию Старшему, который писал: «Я же считаю, что по праву никого из людей нельзя ставить выше Марка Сергия, пусть даже это имя пятнает правнук Катилина. Во втором военном походе он утратил правую руку, в двух походах получил 23 раны, из-за чего не владел в полной мере ни рукой, ни ногой; лишь духом здравствовал — немощный воин, впоследствии участник многочисленных походов. Он <...> четырежды сражался единственной левой дланью и тогда под ним пали два коня. Он сделал себе железную правую руку; привязав ее и сражаясь, снял осаду с Кремоны, сберег Плаценцию, взял 12 вражеских лагерей в Галлии» (Plin. NH. VII. 104–105). Плиний риторически спрашивает, каких наград удостоился бы этот человек, если бы жил не в период Второй Пунической войны, когда римляне терпели горчайшие поражения (Ibid. 106); подводится итог: «Прочие, безусловно, побеждали людей; Сергий победил даже фортуны (vicit etiam fortunam)» (Ibid.).

Текст Плиния неоднократно рассматривался в научной литературе³. Справедливо мнение, что писатель эпохи Империи возвел героя на пьедестал стоической доблести⁴, довольствующейся собственным осознанием. Воин и политик обрел черты мудреца, перед которым бессильна судьба⁵. За Плинием следовал Солин (Solin. 102–106), отзвуки «Естественной истории» слышны в краткой ремарке Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXV. 3. 13). Мы не ставим целью

³ Beagon M. Beyond Comparison: M. Sergius, Fortunae Victor // *Philosophy and Power in the Graeco-Roman World: Essays in Honour of Miriam Griffin* / Ed. by G. Clark, T. Rajak. Oxford; New York, 2002. P. 111–132; Beagon M. The Elder Pliny on the human animal: Natural history. Book 7. Oxford, 2005. P. 55, 290–298; Laes Chr. How does one do the history of disability in antiquity? One thousand years of case studies // *Medicina nei secoli*. 2011. Vol. 23. No. 3. P. 921–925; Lommel K., van. Stoicism and war wounds: Mucius Scevola, Sergius Silus and Quintus Sertorius // *Journal of ancient history and archaeology*. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 21–22; Бугаева Н.В. Античная историческая традиция о Марке Сергии Силе // *Аристей*. 2025. Т. 31. С. 125–129.

⁴ Beagon M. Beyond Comparison... P. 121–122; 125; Laes Chr. Op. cit. P. 924; Lommel K., van. Op. cit. P. 21–22.

⁵ Ср. описание Катона Младшего, который «всегда имел фортуны в своей власти (semper fortunam in sua potestate habuit)» (Vell. II. 35. 2), размышления Сенеки о поединке с судьбой (е. г.: Sen. Prov. 4. 12; Vit. Beat. 4. 2–3; 5; 15. 5), заканчивающиеся выводом: «душа сильнее любой фортуны (valentior <...> omni fortuna animus est)» (Sen. Ep. 98. 2), а также Cic. Mur. 61. О противостоянии тела духу, всемогуществе доблести пишет Саллюстий (Sall. Cat. 1. 1–4; 2. 9; Jug. 1. 1–5). Метелл Нумидийский изображен им как победитель фортуны: «настойчивостью (industria) своей он уже победил всё — силу оружия, оборонительного и наступательного, время и место, наконец, саму природу, подчиняющую людей (naturam ipsam ceteris imperitantem)» (Sall. Jug. 76. 1). Перул у Флора назван «победителем над победителями» и, хотя он не взял Карфаген, «справил триумф над фортуной (de fortuna triumphavit)» (Flor. I. 18. 25).

проанализировать источниковедческий аспект (это было сделано раньше⁶); необходимо лишь оговорить, что сомнения в историчности Сила или восприятие его как персонажа из легенды, созданной неудовлетворенным честолюбием gens Sergia, вряд ли оправданы. Проявленное мужество не выходит за границы человеческих возможностей, а историческая традиция в основе своей доброкачественна.

Бросается в глаза, что Плиний, начиная рассказ о прадеде, тут же называет имя правнука. Аналогично поступает Солин: «Безусловно, счастлив был бы, получив столько голосов в славном состязании, если бы Катилина, его наследник и прямой потомок (*heres in posteritatis eius successione*), не омрачил столь славные награды ненавистью к своему проклятому имени» (Solin. 105). Вторит Аммиан: «Пусть велеречивая древность цепенеет в изумлении перед двадцатью битвами Марцелла, состоявшимися в разных местах; пусть прибавляет Сициния Дентата, которого украсили многочисленные военные венки; пусть сверх того изумляется Сергию, который, как рассказывают, получил 23 раны в разных боях, на чью сияющую славу легло вечное пятно, которым омрачил последний потомок (*posteritatis ultimus*) Катилина» (Amm. Marc. XXV. 3. 13)⁷. Латинские авторы считали необходимым подчеркнуть антагонизм, и закрадывается подозрение, что, несмотря на ламентации, герой находится в долгу перед злодеем: правнук способствовал сохранению памяти о прадеде⁸. Аллюзии на историю однорукого воина можно усмотреть также у Вергилия (Verg. Aen. V. 270–280) и Силия Италика (Sil. Pun. IV. 192–215).

Не давая оценку тому, что из себя представляют события 63–62 гг. до н.э., с легкой руки Цицерона получившие название «заговор Катилины», отметим крайнюю тенденциозность античной традиции. Очень мало известно о легальной политической деятельности Луция Сергия, в частности, избирательных кампаниях; сохранившаяся информация исходит от врагов. В нашем распоряжении — умолчание, недомолвки, явные инсинуации. Тем более ценны факты, допускающие иную трактовку.

Слава Сергия Сила уступает славе великих воинов древности (Курия Дентата, Муция Сцевола, Манлия Торквата), однако

⁶ Бугаева Н.В. Указ. соч. С. 123–147.

⁷ Перевод Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни в нашей редакции.

⁸ Ср. экскурс Светония о контрастах в роду Клавдиев (Suet. Tib. 2. 1–4). При всем соблазне не следует рассматривать Flor. II. 12. 12 как отголосок схожей традиции.

он долгое время не был забыт. Об этом свидетельствует серебряный денарий (RRC 286/1), отчеканенный либо в конце II в. до н.э. (116–104 гг. до н.э.), либо в начале I в. до н.э. (99–94 гг. до н.э.)⁹, незадолго до рождения или во время детства Катилины¹⁰. Отвечал за выпуск монеты некий Марк Сергей Сил, предположительно внук героя¹¹. На реверсе изображен всадник, держащий в левой руке меч и отрубленную косматую голову. Ж. Пикар выдвинул гипотезу, что так выглядел надгробный памятник героя, мимо которого проезжал Нерон по дороге в Рим¹², но аргументы французского ученого мало убедительны¹³. Можно согласиться с А. Суспенэ: «Пример Сергиев учит нас, что каждое знатное семейство имело наготове перечень соб-

⁹ Э.А. Сиденхэм датировал монету 109–108 гг. до н.э. (*Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic*. London, 1952. P. 68, 69), Э. Бабелон — 104 г. до н.э. (*Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la République romaine vulgairement appelées monnaies consulaires*. T. 2. Paris, 1886. P. 442), Г.А. Грюбер и Ф. Мюнцер — между 99 и 94 гг. до н.э. (*Grueber H.A. Coins of the Roman republic in the British Museum*. Vol. II. London, 1910. S. 269; *Münzer F.M. Sergius Silus* (42) // *PWRE*. 2Rh. Hb. IV. Stuttgart, 1923. Col. 1720). Согласно Т.Р.С. Броутону, чеканивший денарий Сергей занимал квестуру в 94 г. до н.э. (*Broughton T.R.S. The magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. Atlanta, 1984. P. 13). Этим объясняется широкая формулировка «между концом II и началом I века» (*Urso G. La gens Sergia e gli antenati di Catilina // Aevum*. 2015. Vol. 89. No. 1. P. 136); «около 110» (*Evans R.J. Displaying honourable scars: a Roman gimmick // Acta Classica*. 1999. Vol. 42. P. 91, n. 12). Ср.: «денарий, датированный ок. 116–115 гг. до н.э., хотя другие относят его к чуть более позднему времени — ок. 109 до н.э.» (*Beagon M. The Elder Pliny... P. 294*). Иногда чеканка удревняется: 116–115 гг. до н.э. (*Crawford M.H. Roman Republican Coinage*. Vol. 1. Cambridge, 1991. P. 302; *Sear D. R. Roman coins and their values*. Vol. I: The Republic and the Twelve Caesars, 280 BC — AD 96. London, 2000. P. 103; см. также датировку на сайте Британского музея (<https://www.britishmuseum.org/collection/term/BIOG175695>; дата обращения 19.12.2025)), 120 или 125 г. до н.э. (*Мэттингли Г. Монеты Рима*. [б.м.]: Collector's Books, 2005. С. 41, 43).

¹⁰ Если принимать традиционную дату рождения заговорщика (108 г. до н.э.), вычисляемую на основании *cursus honorum*.

¹¹ Дж. Урсо справедливо замечает, что нет оснований видеть в нем отца Катилины (*Urso G. Op. cit.* P. 136–137).

¹² По мнению ученого, «нельзя удержаться от мысли, что на Сила, который, конечно, дал точные инструкции о своих похоронах, в выборе этой темы повлиял хорошо известный кельтский обычай отрезать и сохранять головы врагов. <...> Сергей Сил, очевидно, имел намерение сравняться с Манлием Торкватом» (*Picard G. Le monument qui réconforta Néron // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1990. 134e année. No. 3. P. 663). Ср.: «по причине доблести, выказанной в битве при Каннах, ему (Сергию Силу. — *Н.Б.*) по приказу сената [на это указывают буквы EX S C] была воздвигнута в Риме конная статуя, по-видимому, изображенная на обратной стороне того самого денария» (*Brocchieri P.M. Osservazioni sopra alcune monete consolari*. Bologna, 1762. P. 47).

¹³ См.: *Beagon M. The Elder Pliny... P. 294*; *Beagon M. Beyond Comparison... P. 126*, n. 20; *Picard G. Op. cit.* P. 665–666. О статуях предков в общественном пространстве см.: *Flower H. I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*. Oxford, 1996. P. 71–74.

ственных *exempla* или список членов рода, которые могли послужить его нуждам»¹⁴. Не забудем об источнике, откуда Плиний черпал свои сведения: «речь, произнесенная им (Сергием Силом. — *Н.Б.*), когда коллеги по претуре препятствовали ему участвовать в священнодействиях как увечному» (Plin. NH. VII. 105). Иногда утверждается, что энциклопедист читал оригинальный текст¹⁵. Этого нельзя исключить по причине знаменитого пассажа Цицерона: «Дело в том, что ни от какого более древнего оратора не сохранилось речей, заслуживающих упоминания, — ведь навряд ли кому-нибудь еще нравится речь Аппия Цека о Пирре, которую я называл, или некоторые *похвальные слова по умершим* (*nonnullae mortuorum laudationes*). Эти-то речи, конечно, сохранились, поскольку их как драгоценное воспоминание берегут сами семьи — и для того, чтобы использовать, если умрет еще кто-то из членов семьи, и для того, чтобы *похвастаться знатным происхождением* (*ipsae enim familiae <...> servabant et ad usum <...> et ad memoriam <...> ad illustrandam nobilitatem suam*) (курсив везде наш. — *Н.Б.*)» (Cic. Brut. 61–62)¹⁶. Есть гипотеза о труде одного из ранних историков, попавшего под сильное влияние пропаганды (*propaganda*) Сергиев¹⁷. Предпочтительнее мнение Дж. Урсо об «отсутствии семейной традиции, консолидированной в историографии (*consolidata in sede storiografica*)»¹⁸, и лучше прочих обоснована кандидатура Теренция Варрона, «кропотливейшего исследователя древности (*diligentissimus investigator antiquitatis*)» (Ibid. 60)¹⁹. Как бы то ни было, ко времени Катилины речь Сергия Сила не пропала бесследно.

Герой должен был удостоиться особого почитания сородичами, в том числе восковой маски. Тема выдающихся предков и их *ima-*

¹⁴ *Suspène A.* Le bouclier perdu de Marcus Sergius Silus // Bulletin de la Société française de Numismatique. 2007. T. 62. No. 7. P. 172.

¹⁵ *Liberio L., de.* Mit eisener Hand ins Amt? — Kriegsversehrte römische Aristokraten zwischen Recht und Religion, Ausgrenzung und Integration // Res Publica Reperta: zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen Prinzipats, Festschrift für J. Bleicken zum 75 Geburtstag / Hrsg. M. Meier, M. Strothmann. Stuttgart, 2002. S. 173, N. 4; *Köves-Zulauf T.* Plinius d. Ä. und die römische Religion // ANRW. Teil 2. Bd. 16. Teilbd. 1 / Hrsg. W. Haase. Berlin, 1978. S. 228, Anm. 203.

¹⁶ Перевод И.П. Стрельниковой. Полибий, говоря о *laudationes*, подчеркивает: «Таким образом непрестанно возобновляется память о заслугах доблестных мужей, а через то самое увековечивается слава граждан, совершивших что-либо достойное, имена благодетелей отечества становятся известными народу и передаются в потомство» (Polyb. VI. 54) (перевод Ф.Г. Мищенко).

¹⁷ *Evans R. J.* Op. cit. P. 90–91; ср.: 81, n. 12.

¹⁸ *Urso G.* Op. cit. P. 133–134.

¹⁹ Подробно о научной дискуссии по этому вопросу см.: *Бузеева Н.В.* Указ. соч. С. 139–141. Речь Сергия включена как подлинная в: *Malcovati H.* *Oratorum Romanorum Fragmenta Liberae Rei Publicae*. Torino, 1955. P. 97.

gines²⁰ в полный голос звучит у Саллюстия (Sall. Iug. 4. 5–6; 85. 4; 10; 14; 17; 21; 25; 29; 35–37; Hist. III. 48. 18) и Ювенала (Iuv. VIII. 1–78; 127–149; 224–244). Цицерон в речи «За Мурену» говорит об изображении отца подсудимого, которое украсили лавром после победы сына на консульских выборах 63 г. до н.э. (Cic. Mur. 88)²¹. Напомним о кольце, которым укоряет Лентула Суру Цицерон: «А это известная печать, изображение твоего деда (est vero <...> notum quidem signum, imago avi tui), прославленного мужа, чрезвычайно любившего отчизну и своих сограждан; одно оно, даже немое, должно было отвратить тебя от столь громадного преступления» (Cic. Cat. III. 10)²².

Закономерен вопрос, служил ли прадед образцом поведения для правнука и обращался ли Катилина к его личности в своей пропаганде? Как уже сказано, мы располагаем более чем скудной информацией о легальной деятельности Луция Сергия ([Q. Cic.] Comm. Pet. 9; Asc. In toga cand. 88; 93 Stangl). Кандидата в консулы заслонила фигура заговорщика. Если Катилина взывал к памяти о Сергии Силе, это никак не отразилось в трудах Цицерона — главного свидетеля. Великий оратор имел прекрасную возможность поступить так, как впоследствии на процессе Целия, где устами Аппия Клавдия Цэка отчитал развратную Клодию (Cic. Cael. 33–34). Согласно А. Суспенэ, Цицерон решил благоразумно умолчать о герое, напоминание о котором причиняло больше вреда, чем пользы²³. М. Бигэн исходит из того, что Катилина изображался как чудовище, нелюдь. У подобного существа, по природе враждебного гражданскому коллективу, отсутствуют человеческие родители²⁴.

²⁰ Историографию проблемы *ius imaginum* см.: Annunziata D. *Ius imaginum* e “isola sacra”: una nuova ipotesi. A proposito di una recente relazione di Francesco Paolo Casavola // *Iura & Legal Systems*. 2018. Vol. 5. P. 1–21.

²¹ О предках подзащитного Цицерона известно, что дед и прадед Луция Мурены были преторами, а отец — претором и триумфатором (Cic. Mur. 15; De imp. Cn. Pomp. 8). Из обширной литературы о *ius imaginum* укажем несколько недавних работ: Flower H. I. *Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*. Oxford, 1996; Annunziata D. *Ius imaginum* e “isola sacra”: una nuova ipotesi. A proposito di una recente relazione di Francesco Paolo Casavola // *Iura & Legal Systems*. Vol. 5. 2018. P. 1–21; Idem. *Immagini sacre: alle origini della patria potestas* // Casavola Fr. P., Annunziata D., Lucrezi F. *Isola sacra. Alle origini della famiglia*. Napoli, 2019. P. 35–77, а также сборник, изданный по итогам коллоквиума в École française: *Image et droit. Du ius imaginis au droit à l'image* / Ed. N. Ghermani, C.M. D'Annville. Rome, 2022 (<https://doi.org/10.4000/books.efr.38685> — дата обращения: 05.12.2025).

²² Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции. Вариант «это, несомненно, всем хорошо знакомая печать» излишне форсирует мысль. Ср. трактовку эпизода с печатью в: Flower H. I. *Op. cit.* P. 87–88.

²³ Suspène A. *Op. cit.* P. 172.

²⁴ Beagon M. *Beyond Comparison...* P. 127–130.

В результате мы можем опираться на очень узкую источниковую базу и приводить только косвенные доводы. Тема знатности заговорщика красной нитью проходит у Саллюстия, Флора, Аппиана, Ювенала (Sall. Cat. 5. 1; Flor. II. 12. 3; App. B. C. II. 2; Iuv. VIII. 231–234; ср.: Vell. II. 34. 3–4). Автор «Краткого наставления по соисканию» дает совет, как бороться именно против знатных и влиятельных соперников ([Q. Cic.] Comm. Pet. 7; 9–12). Асконий в комментариях к «Речи в белой тоге» пишет, что «Антоний одержал победу над Катилиной благодаря голосам всего лишь нескольких центурий, поскольку *благодаря имени отца* (propter patris nomen) (курсив наш. — Н.Б.), его поддержала на выборах чуть более влиятельная группа, чем Катилину» (Asc. In toga cand. 95 Stangl). То есть в избирательной кампании 64 г. до н.э. тема знатности и преемственности звучала. Если верить Саллюстия, после произнесения Первой Катилинарии ее формальный адресат умолял сенаторов не верить сказанному, потому что «он-де вышел из такого семейства (ea familia ortum) <...>, что от него можно ожидать только добра; пусть они (сенаторы. — Н.Б.) не думают, что ему, патрицию, подобно своим предкам оказавшему много услуг римскому плебсу (patricio homini, cuius ipsius atque maiorum plurima beneficia in plebem Romanam essent), нужно губить государство»²⁵ (Sall. Cat. 31. 7). Историк объединил два разных заседания; важно, что, с точки зрения младшего современника, для знатного римлянина естественно актуализировать maiores²⁶. Подобный прием возмущал саллюстиева Мария, говорящего на сходке: «когда они (аристократы. — Н.Б.) выступают перед вами (плебсом. — Н.Б.) или в сенате, они и в многочисленных речах превозносят своих предков (pleraque oratione maiores suos extollunt), думая, что напоминание о храбрых деяниях еще больше прославляет их самих (eorum fortia facta memorando clariores sese putant)» (Sall. Iug. 85. 21)²⁷; защитой знати всегда были «древнее происхождение, подвиги предков (vetus nobilitas, maiorum fortia facta), влияние родичей и свойственников, многочисленные клиенты» (Ibid. 85. 4)²⁸.

²⁵ Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции.

²⁶ Можно частично согласиться с Дж. Урсо, что «патетическое обращение <...>, с которым в рассказе Саллюстия Катилина обращается 8 ноября 63 до н.э. к сенаторам, вызывая к maiores и с совершенно нелепой ссылкой на plurima beneficia in plebem Romanam, есть уже составная часть деформации» (Urso G. Op. cit. P. 139). В Sall. Cat. 33. 3, когда манлианцы вспоминают о решениях долговой проблемы, проводится антитеза «сенаторы — плебс». Светоний говорит, что Цезарь убеждал сенаторов в последующей ненависти римского плебса (a plebe Romana) (Suet. Div. Iul. 14).

²⁷ Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции.

²⁸ Ср.: Sall. Iug. 14; 17; 21; 25; 29; 35–37; 85. 10.

Уже было замечено разительное отличие предвыборных кампаний Катилины 64 и 63 г. до н.э. Хотя о борьбе за консулат с Цицероном мало информации, ничто не предвещает громкого лозунга “*tabula novae*”, активного привлечения «протестного электората», демонстративной враждебности к правящей олигархии. В 64 г. до н.э. Луций Сергий был своим в политическом истеблишменте²⁹ и задействовал традиционные для аристократа средства. Это прослеживается у Аскония и автора «Краткого наставления»³⁰, молчание других источников предпочтительнее трактовать в данном ключе³¹. Тогда апелляция к славному предку была типичной. По утверждению греко-римских писателей, Катилина высокомерно именовал Цицерона инквиллином (квартирантом) (Sall. Cat. 31. 7; App. B. C. II. 2. 2; ср.: Asc. In toga cand. 93–94 Stangl)³², подчеркивая «инородство» соперника, чуждость его интересов насущным нуждам горожан. С этим должна была контрастировать укорененность Сергиев в Риме. Предположительные изменения в том, как позиционировалось родство с одноруким героем, можно датировать 63 г. до н.э., когда Катилина выбрал путь популизма.

Слова, когда-либо произнесенные заговорщиком, почти не сохранились. Обе речи у Саллюстия (Sall. Cat. 20; 58) фиктивны, как и апокрифические ответы Цицерону³³; ценность представляют Первая Катилинария и в особенности «За Мурену», где Цицерон вспоминает о легальной фазе борьбы. После 8 ноября 63 г. до н.э. оратор чувствует себя свободнее, поскольку противник уже объявлен врагом (*hostis*). Марк Туллий ссылается на всеобщую осведомленность (Cic. Mur. 50–51; ср.: Sall. Cat. 31. 9), поэтому «цитаты» заслуживают

²⁹ Даже если предполагать «закулисную режиссуру» Красса, разрыва с политической верхушкой пока не последовало.

³⁰ [Q. Cic.] Comm. Pet. 9; Asc. In toga cand. 93 Stangl. Предположительно, Катилина — «другой (*alter*)» претендент на консульство, давший гладиаторские игры от лица Кв. Галлия (Asc. In toga cand. 88 Stangl). *Отрывки* из речи Цицерона составляют конструкцию «один — другой», сперва речь идет о Гае Антонии. Уверенности мешает то обстоятельство, что мы не знаем, сохранена ли подлинная структура текста; об играх Антония говорит Цицерон (Cic. Mur. 40).

³¹ Если бы Катилина уже в 64 г. до н.э. действовал теми демагогическими методами, что и год спустя, это отразилось бы в исторической традиции. Саллюстий ошибочно относит начало заговора к июню 64 г. до н.э. (Sall. Cat. 17. 1), но даже у него активные действия начинаются после избрания Цицерона (Ibid. 24).

³² Саллюстий употребляет слово «инквиллин», передавая ответ Катилины 8 ноября 63 г. до н.э.; допускающий грубые ошибки Аппиан — ко времени после победы Цицерона; Асконий реконструирует события по фактам. О причинах уже сказано: интерес вызывал заговор, а не его прелюдия. Тем не менее мы считаем, что хлесткая кличка восходит к избирательной кампании 64 г. до н.э.

³³ На это прямо указывает Асконий (Asc. In toga cand. 94 Stangl).

доверия. Что касается эпистолярного наследия, есть письмо, включенное в “*De coniuratione Catilinae*”, которое справедливо признается подлинным³⁴, в частности, благодаря ремарке «список с него (письма. — Н.Б.) следует ниже (*exemplum infra scriptum est*)» (Sall. Cat. 34. 3; ср.: 44. 4). В иных случаях оговаривается приблизительная передача смысла (Ibid. 20. 1; 33. 1; 58. 5).

Накануне отъезда к вооруженным сторонникам Катилина пишет Кв. Лутацию Катулу. С одной стороны, это просьба взять под покровительство жену³⁵; с другой — попытка изложить свой взгляд на события. Причина обращения формулируется так: «Твоя исключительная верность, узнанная мной на деле и с благодарностью принятая во время больших опасностей, придает уверенность моему поручительству. Поэтому я утвердился в мысли отказаться от защиты нового замысла (*defensionem in novo consilio non statui parare*), и, осознавая полную невиновность, решил предоставить тебе объяснение (*satisfactionem*), которое — во имя бога верности! — прими как подлинное (*veram licet cognoscas*)» (Ibid. 35. 1–2)³⁶. Вопрос искренности сложен. И отправитель, и адресат письма знали, что оно обречено на публичность³⁷. Избегая кривотолков, почтенный сенатор обязан был зачитать его (Ibid. 34. 3); с другой стороны, Катул был слишком опытным политиком, чтобы разъяснять ему, как логика конкуренции и честолюбие сделали сулланца популяром, а потом мятежником³⁸. Тогда в чем смысл письма с дороги? Катилина хотел дать приверженцам слова из первых уст, вооружая в неоконченной борьбе³⁹.

Готовящееся покушение (Ibid. 35. 5) — такая же инсинуация, как заявления Цицерона (Cic. Mur. 52; Cat. I. 9; 11; 15–16). Луций Сергий отрицает, что всему виной финансовая несостоятельность: «Гонимый

³⁴ О полемике и доводах сторонников подлинности см.: *Canfora L. La lettera di Catilina*: Norden, Marchesi, Syme // *History of Classical Scholarship*. Vol. 1. 2019. P. 130–133; *Vretska K. Sallustius Crispus. De Catilinae Coniuratione*. Heidelberg, 1976. Vol. 2. S. 412. Л. Канфора обратил внимание на сходство лексики заговорщика в письме Катулу и парафразе в речи «За Мурену». Катилина говорит о *miseri* (Sall. Cat. 35. 3; Cic. Mur. 50), что служит доводом в пользу подлинности документа (*Canfora L. La lettera...* P. 129–130; *Canfora L. Catilina. Una rivoluzione mancata*. Bari, 2023. P. 125–126).

³⁵ Ср. ситуацию, в которой оказались супруга Цицерона Теренция и жена Марка Антония Фульвия.

³⁶ Наш перевод.

³⁷ Определенной аналогией служит казус с подброшенными Крассу письмами (Plut. Cic. 15; Dio Cass. XXXVII. 31. 1; ср.: Cic. Cat. I. 7). См.: *Canfora L. Catilina...* P. 130–138.

³⁸ Вспоминал ли Катул ситуацию 78 г. до н.э. и восстание Лепида, имеющее сходные черты с восстанием Катилины?

³⁹ Близкую точку зрения см.: *Canfora L. La lettera...* P. 134.

оскорблениями и несправедливостями, лишенный плодов своего труда и усердия, я не занимал достойного положения и официально взял на себя, по своему обыкновению, защиту несчастных людей (*fructu laboris industriaeque meae privatus statum dignitatis non obtinebam, publicam miserorum causam pro mea consuetudine suscepi*) — не потому, что не мог выплатить личные долги из собственных средств <...>, но так как видел, что почестей удостоили недостойных людей⁴⁰, а себя чувствовал отвергнутым из-за ложного подозрения (*quod non dignos homines honore honestatos videbam meque falsa suspitione alienatum esse sentiebam*). Поэтому я последовал за весьма приличествующей в моей ситуации надеждой сохранить остатки достоинства (*hoc nomine satis honestas pro meo casu spes reliquae dignitatis conservandae sum secutus*)» (Sall. Cat. 35. 3–4)⁴¹. Речь не только о новом замысле, но и об оправдании политической деятельности 63 г. до н.э.

Наиболее часты в письме слова *honos* и *dignitas/dignus* (в общей сложности 6 раз)⁴². Катилина говорит с Катупом на политическом языке своего времени, оперируя привычными понятиями. *Dignitas* — не индивидуальное достояние, она покоится на фундаменте, заложенном гораздо раньше. В случае с людьми, подобными Луцию Сергию и Квинту Лутацию, собственная личность воспринималась как звено в длинной цепи⁴³. Когда на кону престиж рода, предки и потомки составляли единое целое⁴⁴. *Cursus honorum* и персональные поступки продолжали вековую традицию, надстраивая древнее здание. Цицерон указывает, что «прадед и дед Луция Мурены были преторами, а его отец, с величайшей славой и почетом (*amplissime atque honestissime*) справив триумф после своей претуры, тем самым подготовил ему исходную позицию для достижения консульства:

⁴⁰ Не столь важно, кто подразумевается под недостойными людьми — Цицерон или подкупившие избирателей Мурена с Силаном (Plut. Cato Min. 21). Слова Катилины отражают ситуацию всего 63 г. до н.э.

⁴¹ Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции. В письме проводится мысль, что создатели ситуации, которая вынудила Катилину поднять восстание, — подлинны виновники бед *civitas* (ср.: [Pseudo-Sall.] Inv. In Cic. 2. 3.)

⁴² Это позволило Р. Сайму утверждать: «Здесь говорит подлинный Катилина-аристократ (*authentic Catilina, the aristocrat*)» (Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles, 2019. P. 72).

⁴³ Наиболее зрелищное проявление этой идеи — похоронная церемония, описанная Полибием (Polyb. VI. 52–54). В результате рассмотрения *patria potestas* Д. Аннунциата приходит к выводу о неразрывной связи между живыми и мертвыми, которые «формировали единую семейную общность» (*sia i vivi che i morti <...> costituirebbero, quindi, un unico complesso familiare*)» (Annunziata D. Ius imaginum... P. 21).

⁴⁴ Одна из глав монографии Х. Флауэр названа «Предки на выборах: портреты предков и магистратура». Исследовательница полагает, что «*imagines* воспринимались как наиболее устойчивый и узнаваемый признак отправляющей должности касты (*caste*)» (Flower H. I. Op. cit. P. 62; ср.: 89–90).

ведь консульства, уже заслуженного отцом, добивался его сын (*hoc faciliorem huic gradum consulatus adipiscendi reliquit quod is iam patri debitus a filio petebatur*)» (Cic. Mur. 15)⁴⁵. Эту мысль проводит Саллюстий с его обостренным восприятием *nobilitas*, когда, вопреки исторической правде, заставляет Катилину заискивать в сенате (Ibid. 31. 7)⁴⁶. Похоже, что историк прочитал документ в подобном ракурсе, используя для реконструкции более раннего эпизода, а также объяснения добровольной гибели злодея: *“memor generis atque pristinae suae dignitatis”*, т.е. «помня о своем происхождении и прежнем достоинстве» (Ibid. 60. 7)⁴⁷.

Какие черты характера прадеда импонировали правнуку, не обделенному талантами? В битве при Пистории Катилина «был одновременно и стойким солдатом, и доблестным полководцем (*trenui militis et boni imperatoris officia simul exsequebatur*)» (Ibid. 60. 4; ср.: Vell. II. 35. 5; Flor. II. 12. 12; App. B. C. II. 7. 1; Dio Cass. XXXVII. 40. 1; Cic. Cael. 12), он являлся хорошим оратором (Sall. Cat. 5. 4), поражал силой и выносливостью (Ibid. 5. 3; ср.: 27. 2). Цицерон высмеивает последние качества (Cic. Cat. I. 26; Cat. II. 9), однако, защищая Целия, рисует так называемый «парадоксальный портрет» (Cic. Cael. 12–14)⁴⁸, признавая ряд несомненных достоинств. Высказыва-

⁴⁵ Защищая Мурену перед Сульпицием, Цицерон утверждает: «Ты, Сервий Сульпиций, — я это знаю — весьма родовит (*summam video esse in te <...> dignitatem generis*), неподкупен, усерден и обладаешь всеми другими достоинствами, дающими право приступить к соисканию консульства» (Cic. Mur. 15). Далее оратор напоминает, что (в отличие от родственников Мулены) дед и отец Сульпиция особыми заслугами не отличились; подводится итог: «Столь же великое мужество и ум требуются и для того, чтобы передать своим потомкам славу своего имени (*amplitudinem nominis*), ни от кого не полученную, <...>, и для того, чтобы обновить своей доблестью почти изгладившуюся память о своем роде (*memoriam prope intermortuam generis sua virtute renovare*)» (Ibid. 16). Ср.: Ibid. 55; 86; 88; 90.

⁴⁶ Ср.: «Если бы отечество и твои предки могли говорить с тобой, они, разумеется, сказали бы тебе: “О Цезарь, мы, храбрейшие мужи, породили тебя в лучшем из городов, чтобы ты был оплотом и украшением для нас, а врагам внушал ужас; то, что нам досталось ценой многих трудов и опасностей, мы при твоём появлении на свет передали тебе одновременно с жизнью: величайшее на земле отечество, самые прославленные в отечестве дом и ветвь рода, кроме того, прекрасные качества, честно приобретенное богатство — словом, все украшения мирного и все награды военного времени; за эти величайшие милости мы не требуем от тебя ни низкого или дурного поступка, а восстановления уничтоженной свободы. <...> Итак, если у тебя появится желание послужить родине и предкам (*lubido <...> patriae, parentibus gratificandi*), то ты, восстановив государственный строй, впоследствии славой своей превзойдешь всех людей”» (Sall. [Ad Caes. sen. I]. 13. 1–6).

⁴⁷ На этот эпизод обратил внимание Р. Сайм (Syme R. Op. cit. P. 72).

⁴⁸ См. e.g.: La Penna A. Il ritratto ‘paradossale’ da Silla a Petronio // Rivista di filologia e di istruzione classica. 1976. Vol. 104. P. 285–288; Wiedemann Th. The Figure of Catiline in the Historia Augusta // Classical Quarterly. 1979. Vol. 29. No. 2. P. 480–481.

валось мнение, что оратор отдал дань выдающейся личности⁴⁹, но справедливее усматривать здесь нагнетание опасности путем демонизации врага.

Марк Сергий вознесен Плинием на вершину славы. Рассказ о нем — один из ключевых в «антропологической» VII книге; он венчает список *exempla virtutis* на войне. Более того «Сергий Сил становится <...> образцом (*le modèle*) *civis Romanus*, который благодаря силе духа торжествует над невзгодами и достигает славы, служа Риму. По глубокому убеждению Плиния, *fortitudo* — качество, присущее римскому народу. Здесь содержится гражданский и коллективный дискурс (*discours civique et collectif*), подвергшийся неоспоримому стоическому влиянию»⁵⁰. Есть проблема близости портрета к оригиналу. Мы уже указывали⁵¹, что в 198 г. до н.э. впервые выбрали не двух, а шестерых преторов (*Liv. XXXII. 27. 6*) и, образно выражаясь, фортуна улыбнулась тогда Сергию. К. ван Ломмел допускает, что «Плиний <...> изменил некоторые элементы повествования. Сергий Сил, возможно, не был таким скромным политиком»; скудность информации препятствует дальнейшим выводам⁵². Принципиально важный исход коллизии с другими преторами неизвестен, поскольку рассказ построен соответствующим образом⁵³. Автор «Естественной истории» изобразил оскорбленного героя, стойко переносящего угрозы судьбы, ибо доблесть ценна сама по себе. Читатель подводился к мысли, что нельзя судить о человеке согласно критериям внешнего успеха; счастливый конец снижал пафос.

Ситуацию 197 г. до н.э. можно рассматривать под разным углом. Плиний задает оптику: доблестного инвалида несправедливо обидели товарищи. Реконструируя аргументацию коллег, мы выходим на такие проблемы, как чистота участника священнодействия, антитеза «право — лево» и, по предположению некоторых ученых⁵⁴, роль

⁴⁹ Грабарь-Пассек М.Е. Цицерон // ИРЛ. Т. 1. М., 1959. С. 231; ср.: Радциг С.И. Цицерон и его время. Социально-политические отношения в Риме в эпоху Цицерона // Цицерон. 2000 лет со времени смерти. М., 1959. С. 44.

⁵⁰ *Suspène A.* Op. cit. P. 254; ср.: *Beagon M.* Beyond Comparison... P. 111. Об описании Сергия Сила в духе стоицизма см.: *Lommel K., van.* Op. cit. P. 22. Исследователь утверждает, что фрагмент «Естественной истории» «дает мало информации о жизненной философии (*philosophy of life*) Сергия Сила, но гораздо больше об идеологии (*ideology*) Плиния» (*Lommel K., van.* Op. cit. P. 22; ср.: *Beagon M.* Beyond Comparison... P. 131).

⁵¹ Бугаева Н.В. Указ. соч. С. 128.

⁵² *Lommel K., van.* Op. cit. P. 22.

⁵³ *Beagon M.* Beyond Comparison... P. 125, 131, 112–113; *Laes Chr.* Op. cit. P. 924–925; *Libero L., de.* Op. cit. P. 189.

⁵⁴ *Rey S.* Manus. Une autre histoire de Rome. Paris, 2024. P. 85–86.

железа в ритуале. Предполагая специально обратиться к этому сюжету, констатируем, что преторы сомневались в способности Сила совершать необходимые действия. Боги разгневаются на *civitas* за дефектный выбор лица для контакта с ними. Если страхи не безосновательны, в Марке Сергии надо видеть человека, подвергающего коллектив опасности ради своих амбиций⁵⁵.

Как бы то ни было, фраза из арсенала стоиков⁵⁶ «победил даже фортуна» не преувеличение. Лишившемуся правой руки закрыт путь к военной деятельности и магистратурам, включающим эту составляющую. М. Бигэн говорит о «катастрофе, которая закончила бы военную карьеру (курсив наш. — Н.Б.) личности меньшего масштаба (*lesser men*)»⁵⁷. Продолжим недосказанное: в конце III — начале II в. до н.э. достичь высокого положения в обществе мог только пригодный для битвы. Катастрофа, постигшая Сила, была абсолютной, его уникальность заключена в яростном стремлении участвовать в великих событиях и делать карьеру наравне с другими. Как результат — предопределенная увечьем жизнь не состоялась, Сергей победил судьбу.

Даже учитывая, что сведения о герое восходят к его речи и могли подвергнуться коррекции со стороны Плиния, нельзя не признать, что это был человек большой физической силы, громадного упорства и железной воли. Прадед Катилины терпеливо переносил боль от ран и тяготы походов, питал честолюбивые амбиции и бросал вызов фортуне как в кавалерийской атаке, так и на политической арене. Следует говорить об авантюристических чертах характера и, безусловно, значительной гордости. Едва ли Марк Сергей имел репутацию выдающегося оратора, хотя победил на выборах и произнес речь в свою защиту. В «Естественной истории» эта апология звучит как рассказ о преодолении «полосы препятствий». Однорукий воин вернулся в строй, побеждал врагов, с бою взял претуру⁵⁸. Нет ясности, чем закончилась коллизия с сотоварищами, но в 197 г. до н.э. оба консула отправились на войну, и в Риме их замещал *praetor urbanus* — Марк Сергей Сил. Катилина имел право читать историю предка, извлекая мораль: упорство и дисциплина приводят к вершинам власти, позволяют вырвать магистратуру у находящихся в лучшей

⁵⁵ Проблема, в сущности, распадается на две: 1) насколько жесткими были требования к ритуальной чистоте участников священнодействия; 2) насколько эти требования выдерживались в начале II в. до н.э.

⁵⁶ См. прим. 5.

⁵⁷ Beagon M. Beyond Comparison... P. 112; ср.: 120.

⁵⁸ Строго говоря, неизвестно, с первой ли попытки Марк Сергей Сил стал претором. Не исключено, что раньше он терпел поражение на выборах.

стартовой позиции конкурентов. В 63 г. до н.э., когда он убедился, что правящая элита категорически не примет его консулат, была востребована такая интерпретация образа прадеда.

В пропаганде Катилины большое место занимает *argumentum ad hominem*. Немногочисленные свидетельства позволяют утверждать, что одним из приемов привлечения электората была демонстрация решительности и силы воли — необходимых для победы качеств. Цицерон напоминает судьям: «Ведь вы не забыли: когда повсюду разнеслись слова (*voces percrebruisse*) этого нечестивого гладиатора, которые он, говорят, сказал на сходке у себя дома, — что никто не может быть преданным защитником (*fidelem defensorem*) обездоленных людей, кроме того, кто обездолен сам; что посулам благоденствующих и богатых людей пострадавшие и обездоленные верить не должны; поэтому пусть те, которые хотят возместить себе растраченное и вернуть себе отнятое у них, взглянут, как велики его долги, каково его имущество, какова его отвага (*quid auderet*); бесстрашным (*minime timidum*) и неимущим должен быть тот, кто станет вождем и знаменосцем неимущих» (Cic. Mur. 50). Подобная мысль заложена в знаменитой метафоре двух тел: «последнее (народ. — *Н.Б.*) если пойдет ему (Катилине. — *Н.Б.*) навстречу, не будет нуждаться в голове, пока он жив (*se vivo*)» (Ibid. 51). Луций Сергий ведет себя намеренно дерзко, выказывая бесстрашие и упорство (Ibid. 51; Plut. Cic. 14). В Первой Катилинарии Цицерон говорит: «Ведь именно для такого образа жизни были придуманы те, о которых говорят (*qui feruntur*) (курсив наш. — *Н.Б.*), твои труды (*labores*) — лежать на голой земле не только чтобы предаваться разврату, но и чтобы совершать преступления; бодрствовать, чтобы злоумышлять не только против спящих мужей, но и против имущества досужих. У тебя есть где выказать свою *прославленную* (курсив наш. — *Н.Б.*) способность терпеть голод, холод, всяческие лишения (*illam praeclaram patientiam famis, frigoris, inopiae rerum omnium*)» (Cic. Cat. I. 26)⁵⁹. Еще более уничтожительна Вторая Катилинария: «Постоянно предаваясь распутству и совершая злодеяния, он привык переносить холод, голод и жажду, не спать по ночам, и именно за эти качества они (всякий сброд. — *Н.Б.*) *превозносили его* (курсив наш. — *Н.Б.*) как храбреца (*frigore et fame et siti et vigiliis perferundis fortis ab istis praedicabatur*); между тем он употреблял подспорья усердия и орудия доблести (*industriae subsidia atque instrumenta virtutis*) для разврата и преступления» (Cic. Cat. II. 9; ср.: Cael. 12–14; Sall. Iug. 85. 33)⁶⁰. Хорошо

⁵⁹ Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции.

⁶⁰ Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции.

прослеживается, что кандидат в консулы делал свои физические качества и силу воли элементом агитации. Готовность претерпеть трудности — еще одно качество, сближающее представителей древнего патрицианского рода.

Итак, на основании косвенных доводов можно сделать вывод, что Катилина обращался к личности Марка Сергия во время избирательных кампаний. Если в 64 г. до н.э. это была традиционная для аристократа апелляция к заслугам выдающегося предка, неразрывной связи с городом Римом, единству интересов, в 63 г. до н.э. Сил являлся «ролевой моделью», примером «победителя фортуны»⁶¹. Нельзя исключать, что сознательное подражание началось значительно раньше. Невероятно выносливый «в отношении голода, холода, бодрствования» (Sall. Cat. 5. 3), он стал таким задолго до 60-х гг. до н.э. Заманчиво было бы думать, что прадед служил образцом для мальчика Катилины⁶².

Мысль о сходстве преторов 197 г. до н.э. и 68 г. до н.э., выразившемся в физической выносливости, силе духа, упрямстве в достижении цели, уже высказывалась в научной литературе⁶³. Современными исследователями отчасти дан ответ на вопрос, неявно поставленный античными авторами. Все же Плиний и Солин ждали от читателей большего — вывода, что всё определяет целеполагание. Идеализированный Сергей Сил, чуждый эгоистическому честолюбию, верно служит отечеству; демонизированный Сергей Катилина ради единоличной власти попирает *res publica* и *libertas* — фундаментальные римские ценности. Еще до «Естественной истории» Флор писал о «прекраснейшей смерти (*pulcherrima morte*)» мятежника,

⁶¹ Хотя едва ли Катилина мыслил в стоических категориях.

⁶² Ср. Sall. Iug. 4. 5–6; Polyb. VI. 54; Val. Max. VIII. 5. 3. Мы не имеем возможности коснуться темы подражания предкам. Это могло выразиться как в сохранении семейных традиций (особенности одежды, способ приносить жертву), так и в воспроизведении поведенческих черт. Нельзя, однако, не назвать в данной связи современника Катилины — Катона Младшего. В речи «За Мурену» Цицерон спорит с ним: «Справедливо и с достоинством говоря о его (Катона Старшего. — Н.Б.) выдающейся доблести, ты сказал, что пример для подражания есть в твоём собственном доме (*domesticum te habere dixisti exemplum ad imitandum*). Правда, пример (*exemplum*) этот в твоём доме тебе дан; натура прадеда тебе, его потомку, могла передаться более, чем кому-либо из нас (*naturae similitudo illius ad te magis qui ab illo ortus es quam ad unum quemque nostrum pervenire potuit*); но, как образец для подражания, он стоит передо мной, право, так же, как и перед тобой» (Cic. Mur. 66).

⁶³ Beagon M. Beyond Comparison... P. 128–129; *Idem*. The Elder Pliny... P. 294; Muse K. Sergestus and Tarchon in the Aeneid // Classical Quarterly. 2007. Vol. 57. No. 2. P. 596; ср.: *Suspense* A. Op. cit. P. 172. Проблема использования Катилиной в своей политической пропаганде образа прадеда не ставилась.

если бы он так погиб, сражаясь за родину (Flor. II. 12. 12). К. Мьюз заметил, что «описание Вергилием искалеченного (crippled) корабля Сергеста намекает на врожденную черту рода Сергиев — упорство, проявленное обоими знаменитыми представителями, чей образ (курсив наш. — Н.Б.) сочетал в себе восхищение, посмешище и предвещание беды (admiration, derision, and foreboding)»⁶⁴. Ученый имел в виду Катилину и Сила, но не реально существовавших, а отраженных в кривом зеркале исторической традиции. Отсюда набор эмоциональных реакций на легендарных Сергиев: если Катилина претендовал на восхищение приверженцев, у врагов это трансформировалось в признание опасным соперником⁶⁵.

Что касается посмешища и предвещения беды, необходимо встать на точку зрения Цицерона и пятерых преторов. Смешон пылающий гневом, прилагающий титанические усилия человек, у которого ничего не получается, — смешон и беспомощный инвалид, рвущийся к руководству *civitas*. Злодей во власти фурий увлекает в пропасть того, кто попал в орбиту его интересов, — герой навлекает гнев богов, оскверняя священнодействия. Перед нами карикатура, созданная политическими конкурентами. Если стереть толстый слой грима, которым покрыты лица Катилины и Сила, проступит схожий облик: насколько позволяет судить традиция⁶⁶, это были люди с одинаковым складом характера. Таким образом, добавляются новые штрихи к хорошо известному портрету политического деятеля I в. до н.э. и выявляются дополнительные обстоятельства его избирательной кампании.

Список сокращений

PWRE — Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft (1893–)

ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (1972–)

ИРЛ — История римской литературы. Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.

⁶⁴ Muse K. Op. cit. P. 596.

⁶⁵ Об этом свидетельствуют как речи Цицерона, так и гигантские усилия, приложенные политической верхушкой, чтобы не допустить Луция Сергия к консулату.

⁶⁶ Разумеется, сохраненный набор сведений не полон и весьма пристрастен. В случае с Катилиной усердно выписаны черты безумного злодея, готового воцариться на пепле родного города. При чтении текста Плиния, несмотря на панегиристичность, сложно уйти от мысли, что потомок отчасти был мерилom для Сергия Сила и что востребованной оказалась соответствующая информация.

References

Annunziata D. Immagini sacre: alle origini della *patria potestas* // Casavola Fr.P., Annunziata D., Lucrezi F. Isola sacra. Alle origini della famiglia. Napoli: Editoriale Scientifica, 2019. P. 35–77.

Annunziata D. *Ius imaginum* e “isola sacra”: una nuova ipotesi. A proposito di una recente relazione di Francesco Paolo Casavola // *Iura & Legal Systems*. Vol. 5. 2018. P. 1–21.

Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la République romaine vulgairement appelées monnaies consulaires. T. 2. Paris: Rollin et Feuardent, 1886. 669 p.

Beagon M. Beyond Comparison: M. Sergius, *Fortunae Victor* // *Philosophy and Power in the Graeco-Roman World: Essays in Honour of Miriam Griffin* / Ed. by G. Clark, T. Rajak. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. P. 111–132.

Beagon M. The Elder Pliny on the Human Animal: *Natural History*. Book 7. Oxford: Clarendon Press, 2005. 515 p.

Brocchieri P.M. Osservazioni sopra alcune monete consolari. Bologna: Nella stamperia di Lelio dalla Volpe, 1762. 127 p.

Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. Atlanta: Scholars, 1984. 639 p.

Bugaeva N.V. *Antichnaya istoricheskaya traditsiya o Marke Sergii Sile* [The Ancient Historical Tradition on Marcus Sergius Silus] // *Aristei*. Vol. 31. 2025. P. 123–147.

Canfora L. Catilina. Una rivoluzione mancata. Bari: Laterza, 2023. 408 p.

Canfora L. La lettera di Catilina: Norden, Marchesi, Syme // *History of Classical Scholarship*. Vol. 1. 2019. P. 128–134.

Crawford M.H. *Roman Republican Coinage*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 919 p.

Evans R.J. Displaying Honourable Scars: A Roman Gimmick // *Acta Classica*. Vol. 42. 1999. P. 77–94.

Flower H.I. *Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 411 p.

Grabar'-Passek M.E. *Tsitseron* [Cicero] // *Istoriya rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. P. 178–233.

Grueber H.A. *Coins of the Roman Republic in the British Museum*. Vol. II. London: W. Clowes and sons Ltd., 1910. 592 p.

Image et droit. Du *ius imaginis* au droit à l'image / Ed. par N. Ghermani, C.M. D'Annoville. — URL: <https://doi.org/10.4000/books.efr38685>

Köves-Zulauf T. Plinius d. Ä. und die römische Religion // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Teil 2. Bd. 16. Teilbd. 1 / Hrsg. W. Haase. Berlin: De Gruyter, 1978. S. 187–288.

La Penna A. Il ritratto ‘paradossale’ da Silla a Petronio // *Rivista di filologia e di istruzione classica*. Vol. 104. 1976. P. 285–288.

Laes Chr. How Does One Do the History of Disability in Antiquity? One Thousand Years of Case Studies // *Medicina nei secoli*. 2011. Vol. 23. No. 3. P. 915–946.

Libero L., de. Mit eisener Hand ins Amt? — *Kriegsversehrte römische Aristokraten zwischen Recht und Religion, Ausgrenzung und Integration* // *Res Publica Reperta: zur Verfassung und Gesellschaft der römischen Republik und des frühen*

Prinzipats, Festschrift für J. Bleicken zum 75 Geburtstag / Hrsg. M. Meier, M. Strothmann. Stuttgart: F. Steiner, 2002. S. 172–191.

Lommel K., van. Stoicism and War Wounds: Mucius Scevola, Sergius Silus and Quintus Sertorius // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 19–26.

Malcovati H. *Oratorum Romanorum Fragmenta Liberae Rei Publicae*. Torino: Societa per Azioni G.B. Paravia & C., 1955. 564 p.

Mattingly H. *Monety Rima* [Coins of Rome]. [S. l.]: Collector's Books, 2005. 386 p.

Münzer F. M. Sergius Silus (42) // Pauly A., Wissowa G., Kroll W. *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. 2. Rh. Hb. IV. Stuttgart: A. Druckermüller Verlag, 1923. Col. 1720.

Muse K. Sergestus and Tarchon in the Aeneid // *Classical Quarterly*. 2007. Vol. 57. No. 2. P. 586–605.

Picard G. Le monument qui réconforta Néron // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1990. 134 année. No. 3. P. 659–666.

Radtsig S.I. *Tsitseron i ego vremya. Sotsial'no-politicheskie otnosheniya v Rime v epokhu Tsitserona* [Cicero and His Time: Social and Political Relations in Rome in the Age of Cicero] // *Tsitseron. 2000 let so vremeni smerti* [Cicero: 2,000 Years Since His Death]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1959. P. 9–54.

Rey S. Manus. Une autre histoire de Rome. Paris: Éditions Albin Michel, 2024. 396 p.

Sear D.R. *Roman Coins and Their Values*. Vol. I. The Republic and the Twelve Caesars, 280 BC — AD 96. London: Spink & Son Ltd., 2000. 532 p.

Suspène A. Le bouclier perdu de Marcus Sergius Silus // *Bulletin de la Société française de Numismatique*. 2007. T. 62. No. 7. P. 167–172.

Sydenham E.A. *The Coinage of the Roman Republic*. London: Spink & Son Ltd., 1952. 343 p.

Syme R. *Sallust*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2019. 381 p.

Urso G. La gens Sergia e gli antenati di Catilina // *Aevum*. 2015. Vol. 89. No. 1. P. 125–141.

Vretska K. C. *Sallustius Crispus. De Catilinae Coniuratione*. Heidelberg: C. Winter, 1976. Vol. 1–2. 708 S.

Wiedemann Th. The Figure of Catiline in the *Historia Augusta* // *Classical Quarterly*. 1979. Vol. 29. No. 2. P. 479–484.

Поступила в редакцию
20 декабря 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-40-63

Е.С. Гавроева

**СОЛДАТСКИЕ «ПИСЬМА ВО ВЛАСТЬ»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЗОВ ЛИДЕРОВ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
М.В. РОДЗЯНКО И А.Ф. КЕРЕНСКОГО
В МАРТЕ — НАЧАЛЕ МАЯ 1917 Г.**

E.S. Gavroeva

**SOLDIERS' "LETTERS TO THE AUTHORITIES"
AS A SOURCE FOR STUDYING THE FORMATION
OF IMAGES OF THE FEBRUARY REVOLUTION LEADERS
M.V. RODZIANKO AND A.F. KERENSKY,
MARCH — EARLY MAY 1917**

Аннотация. В статье речь идет об отношении солдат к лидерам Февральской революции М.В. Родзянко и А.Ф. Керенскому в марте — начале мая 1917 г. Использовались материалы такого массового источника, как «письма во власть», отложившиеся в архивных фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. При подготовке статьи были проанализированы материалы Государственной думы, Временного правительства, Министерства юстиции и личный фонд А.Ф. Керенского. С помощью солдатских приветствий удалось проследить процесс формирования образов лидеров ре-

Гавроева Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Gavroeva Ekaterina Sergeevna, Assistant, Department of Russian History (19th–21st Centuries), Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia

gavroevae@herzen.spb.ru

ORCID 0000-0001-5060-2331

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00576 «Лидеры Февральской революции М.В. Родзянко и А.Ф. Керенский в общественном мнении России в марте — начале мая 1917 г.»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-28-00576 “Popular Perceptions of M.V. Rodzyanko and A.F. Kerenskii as the Leaders of the February Revolution (March — Early May 1917)”).

волюционных событий февраля — начала марта 1917 г. В отечественной исторической науке министр юстиции А.Ф. Керенский традиционно рассматривался как лидер революции, а председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко таковым, по мнению исследователей, не являлся. Благодаря привлечению солдатских «писем во власть» появилась возможность пересмотреть устоявшиеся историографические стереотипы. Изучение приветственных обращений солдат за март — начало мая 1917 г. как исторического источника позволило выявить отношение нижних чинов армии к деятельности М.В. Родзянко и А.Ф. Керенского в период Февральской революции в Петрограде, проанализировать характеристики, которые давались им солдатами. Приветственные обращения также позволяют получить информацию о событиях, происходивших в тылу и на фронте, определить основные требования, которые выдвигались думскому председателю и министру юстиции после победы революции и вплоть до образования первого коалиционного кабинета Временного правительства и ухода А.Ф. Керенского с поста министра юстиции. В результате исследования установлено, что солдаты лидером революции считали М.В. Родзянко, в то время как А.Ф. Керенский воспринимался в большей степени как защитник народа, к которому обращались с просьбами и пожеланиями. Это, в свою очередь, позволяет дополнить имеющиеся у историков представления о феномене власти и политического лидерства в условиях революции 1917 г. в России.

Ключевые слова: Февральская революция, солдаты в 1917 г., Временный комитет Государственной думы, Временное правительство, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский.

Abstract. The article examines soldiers' attitudes toward two prominent figures of the February Revolution, M.V. Rodzianko and A.F. Kerensky, from March to early May 1917. The study draws on a substantial body of so-called "letters to the authorities", preserved in the archival collections of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive. The research is based on materials from the State Duma, the Provisional Government, the Ministry of Justice, as well as the personal archive of A.F. Kerensky. Soldiers' congratulatory and greeting addresses provide valuable evidence for tracing the formation of public images of the leaders associated with the revolutionary events of February and early March 1917. In Russian historiography, Minister of Justice A.F. Kerensky has traditionally been regarded as one of the principal leaders of the revolution, whereas M.V. Rodzianko, Chairman of the Provisional Committee of the State Duma, has generally not been accorded a comparable status. The introduction of soldiers' "letters to the authorities" into the analysis offers grounds for reconsidering these established historiographical interpretations. An examination of soldiers' greeting addresses dating from March to early May 1917 reveals how rank-and-file servicemen perceived the activities of M.V. Rodzianko and A.F. Kerensky during the February Revolution in Petrograd and allows for an analysis of the characteristics and qualities attributed to them by soldiers themselves. These addresses shed light on developments both on the home front and at the front and help identify the principal demands addressed to the Chairman of the State Duma and the Minister of Justice following the victory of the revolution, up to

the formation of the Provisional Government's first coalition cabinet and Kerensky's departure from the Ministry of Justice. The study demonstrates that soldiers tended to perceive M.V. Rodzianko as a leader of the revolution, whereas A.F. Kerensky was more often viewed as a defender of the people to whom requests, appeals, and expectations could be addressed. These findings contribute to a more nuanced understanding of political authority and leadership during the revolutionary upheaval of 1917 in Russia.

Keywords: February Revolution, soldiers in 1917, Provisional Committee of the State Duma, Provisional Government, M.V. Rodzianko, A.F. Kerensky.

* * *

Вплоть до сегодняшнего дня события Великой российской революции 1917 г. вызывают интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Однако, несмотря на тысячи написанных книг и статей, множество защищенных диссертаций, целый ряд аспектов остаются неизученными или малоизученными. Среди них — рассмотрение революционных событий через призму «писем во власть»¹. Граждане России, начиная с решающих дней Февральской революции 1917 г., обращались во Временный комитет Государственной думы (далее — ВКГД), Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Временное правительство.

Данная статья посвящена солдатским письмам, которые поступили на имя председателя ВКГД М.В. Родзянко и министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского в марте — начале мая 1917 г.² Хронологические рамки исследования обосновываются тем, что именно с марта 1917 г. в столицу потоком стали поступать ответственные обращения, в которых граждане России выражали свой восторг по поводу произошедшей революции, называли ее лидеров, давали им характеристики, предлагали свое видение будущего страны, а также выдвигали разнообразные требования. Таким образом, население России использовало эти обращения как способ общения

¹ Зачастую под этим термином понимают совокупность разных видов (групп) источников: телеграммы, доклады, записки, указы, приговоры, постановления, резолюции, ходатайства — делопроизводственные документы; жалобы, заявления, петиции (прошения) — частно-публичные документы, а также собственно письма — источники личного происхождения (см.: *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 255–256).

² Вопрос о лидерстве М.В. Родзянко и А.Ф. Керенского в период Февральской революции 1917 г. совсем недавно стал предметом специального исследования. См.: *Николаев А.Б.* Лидеры Февральской революции 1917 года: почему М.В. Родзянко? // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2020. Vol. 13. P. 46–112; *Hasegawa T.* Aleksandr Fedorovich Kerenskii in the February Revolution of 1917 // *Ibid.* P. 5–45.

с властью. Верхняя хронологическая граница связана с появлением первого коалиционного Временного правительства, а также с уходом А.Ф. Керенского с поста министра юстиции.

Анализ солдатских «писем во власть» дает возможность по-новому взглянуть на председателя ВКГД М.В. Родзянко и министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского в марте — начале мая 1917 г., а также пересмотреть сложившиеся в историографии стереотипы о лидерах Февральской революции. Отметим, что думский председатель в отечественной историографии как лидер революционных событий практически не рассматривается. Господствует иная точка зрения. Так, например, петербургский историк И.Л. Архипов писал: «Внешняя популярность фигуры Родзянко в марте — апреле 1917 года была обманчива. Михаил Владимирович просто по инерции символизировал Думу, являвшуюся уже абсолютно бессильным учреждением, лишенным реальных властных полномочий...»³. Популярность председателя ВКГД в этот период исследователь назвал «психоз поклонения Родзянко»⁴. А вот А.Ф. Керенский, по мнению отечественных историков, лидером Февральской революции как раз был. В.П. Федюк в своей работе утверждал, что популярность его росла с каждым месяцем: «Уже весной министр юстиции, человек, занимающий не самый значимый в кабинете пост, воспринимался как символ Временного правительства и, в широком смысле, всей революции. <...> восторги по адресу Керенского были искренними и бескорыстными»⁵. Б.И. Колоницкий в своей монографии подчеркнул, что «... в первые месяцы революции роль Керенского описывалась исключительно положительно, что обосновывало его статус лидера»⁶.

В данном исследовании впервые предпринят комплексный анализ неопубликованных «писем во власть», связанных с формированием общественного мнения, которое в период революционных событий становится одним из политических факторов, оказывающих влияние на механизм функционирования власти. «Письма во власть» помогают реконструировать настроения солдат, понять, как они относились к председателю ВКГД и министру юстиции, какие характеристики им давали.

³ Архипов И.Л. М.В. Родзянко: второй человек «думской монархии» // Архипов И.Л. Созвездие обреченных: Двенадцать в революции. СПб., 2016. С. 59.

⁴ Там же.

⁵ Федюк В.П. Керенский. М., 2009. С. 144.

⁶ Колоницкий Б.И. Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017. С. 101.

Отечественные историки дают различные оценки «письмам во власть». Например, А.Я. Лившин и И.Б. Орлов писали, что они являлись «суррогатным заменителем обратной связи, общения с государством и воздействия на власть», что это была «весьма опосредованная и неадекватная форма общения народа и государства», что даже при условии реакции властей на письма эта «диалогичность» «весьма условна и нетрадиционна»⁷. Роль и значение апелляций во власть исследователи трактуют как форму «пассивного социального протеста» или, наоборот, считают «проявлением верноподданнических чувств»⁸; другие высказывают мнение, что письма выполняли в обществе «функцию заочного общения и средства массовой коммуникации»⁹; третьи видят в «письмах во власть» определенный способ «для выпуска социальной энергии и недовольства»¹⁰; четвертые полагают, что с помощью «писем во власть» в условиях революционных потрясений люди были «вынуждены искать ответы на экзистенциальные вопросы о том, кем они являются, как себя определяют через отношение к окружающему их миру, как распознают других...»¹¹. Различные взгляды на этот массовый источник объяснимы, так как они отличаются по жанру, стилю, структуре, содержанию. Особо хотелось бы отметить высказанное А.Я. Лившиным и И.Б. Орловым мнение о том, что в основном факт обращения граждан во властные структуры является достаточно продуманным и рациональным действием, поскольку оно было проявлением инициативы граждан по установлению диалога с властью в наиболее приемлемой и доступной для них форме в надежде получить ответ¹².

В отечественной исторической науке «письма во власть» давно и достаточно успешно использовались как ценный исторический

⁷ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Революция и социальная справедливость: ожидания и реальность. («Письма во власть» 1917–1927 годов) // Cahiers du Monde russe. 1998. No. 39 (4). Octobre–decembre. P. 488–489; Они же. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 годов // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 95; Они же. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 13.

⁸ Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / Сост., автор предисл. С.С. Крюкова. М., 2001. С. 5.

⁹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 5.

¹⁰ Письма во власть: 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998. С. 8; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Революция и социальная справедливость: ожидания и реальность. Р. 489.

¹¹ Тихомиров А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138.

¹² Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» ... С. 101.

источник. Особенно часто исследователи, изучающие дореволюционную Россию, обращались к таким видам обращений, как указы, приговоры и прошения¹³, специалисты по послереволюционным периоду особое внимание уделяли письмам трудящихся, адресованным В.И. Ленину¹⁴. В то же время советские исследователи использовали этот исторический источник недостаточно. Ситуация изменилась в 1990-е гг. В настоящее время есть как специальные сборники документов¹⁵, так и ряд изданий, хронологически охватывающих в основном первые два десятилетия советской истории, которые основываются, в первую очередь, на «письмах во власть»¹⁶. Появилось большое количество работ, авторы которых анализируют «письма во власть» в качестве исторического источника или используют их для изучения определенных проблем (например, менталитета различных слоев российского/советского общества, дореволюционной и советской повседневности)¹⁷. Однако исследователи указывают

¹³ См., например: *Нильве А.И.* К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 174–180; *Кузнецов А.А.* Наказы сибирских крестьян в I и II Государственные думы // Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне. Межвуз. тематич. сб. Калинин, 1979. С. 83–92; *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и указы — зеркало крестьянского менталитета // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы международной конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.) / Редкол.: В.П. Данилов, Л.В. Милов (отв. редакторы) и др. М., 1996. С. 173–182; Приговоры и указы крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сб. док. М., 2000 и др.

¹⁴ См., например: Пламя любви всенародной. Письма, резолюции, постановления и телеграммы трудящихся Омской губернии В.И. Ленину / Сост. Н.Б. Хайруллин. Омск, 1963; Дорогой товарищ Ленин: Телеграммы и письма трудящихся Петрограда и Петроградской губернии Владимиру Ильичу Ленину. 1917–1924. Л., 1969; Москва. Кремль, товарищу Ленину: письма коммунистов и комсомольцев Сибири / Сост. В.С. Познанский. Новосибирск, 1979.

¹⁵ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты». Материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов / Сост. М.В. Каиль, О.В. Кобец / Под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2011.

¹⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост., автор предисл. С.С. Крюкова. М., 2001.

¹⁷ См., например: *Соколов А.К.* «Создадим единый фронт борьбы против нэпа»: Анализ общественных настроений конца 20-х гг. по письмам и откликам рядовых советских граждан // НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. Сб. ст. М., 1998. С. 114–159; *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Социологический анализ «писем во власть» (1917–1927-е годы) // Социс. 1999. № 2. С. 79–87; *Суров-*

на то, что «по-прежнему недостаточно исследованными являются проблемы повседневного функционирования власти, ее агентов и институтов; изучение каналов, форм взаимоотношений власти и общества, поведенческих практик населения; индивидуального восприятия событий <...>»¹⁸. При анализе публикаций, основанных на «письмах во власть» или посвященных им как историческому источнику, обращают на себя внимание одно обстоятельство — отсутствие изданий, посвященных периоду нахождения у власти Временного правительства¹⁹.

Несколько слов стоит сказать о зарубежной историографии вопроса. Определенный интерес для нас представляют труды Ш. Фицпатрик, в которых исследовательница обратилась к «письмам во власть», правда, в основном она использует определенный вид обращений — доносы советских граждан²⁰. Единственной специальной работой является труд М.Д. Стейнберга, в которой автор изучил письма рабочих, солдат и крестьян, обращавшихся в Петроградский Совет и к Временному правительству. Особый акцент историк делает на анализе языка революционной эпохи. Он также показал, что

цева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е — 1950-е гг.). М., 2008; *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 300–305; *Журавлев В.В.* Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. С. 108–127; *Абракова Т.А.* «Письма вождям». Историографический аспект // Клио. 2018. № 7 (139). С. 33–41.

¹⁸ *Поринева О.С.* Человек в условиях российской Революции 1917 г.: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 60.

¹⁹ Исключение составляет два сборника под редакцией В.И. Шишкина, посвященные «письмам во власть» от лиц, проживающих на территории Сибири: Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — ноябрь 1919 г.). Сб. док. / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2014; Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 — май 1921 г.). Сб. док. / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расш. и доп. Новосибирск, 2015. Специальных исследовательских работ, посвященных анализу «писем во власть» в адрес Временного правительства, нет. Только в статье Н.М. Таировой упоминаются о поступавших приветствиях. Значение же их автор объясняет следующим образом: «Для закрепления своего статуса Кабинет принимал любую поддержку, которую проявляли представители различных слоев общества. Телеграммы в поддержку ВП приходили со всех областей России» (*Таирова Н.М.* К вопросу о легитимности власти Временного правительства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. № 2. С. 15–16).

²⁰ *Fitzpatrick Sh.* Readers' Letters to Krest'ianskaia Gazeta, 1938 // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 149–170; *Eadem.* Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Journal of Contemporary History. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 831–866; и др.

граждане России (крестьяне, рабочие и солдаты) думали о таких вопросах, как политическая власть, свобода, справедливость, демократия, социальный класс и государственность²¹.

В отечественной историографии накоплен определенный опыт изучения «писем во власть» в адрес ВКГД. Г.Л. Соболев в своей новаторской для советской историографии книге «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.» использовал огромное количество писем/резолуций и т.п. в адрес Петроградского Совета от солдат, рабочих и крестьян, которые призывали советских лидеров к принятию решительных мер²². Особо стоит подчеркнуть, что Г.Л. Соболев упоминал и письма, которые были получены ВКГД²³. В сборнике 1986 г. «Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг.» опубликована статья Б.Д. Гальпериной о петроградских рабочих и Государственной думе в марте–июле 1917 г., где она писала о большом влиянии думского Комитета в среде провинциальных рабочих. Рабочие с разных окраин России считали, что именно Государственная дума сыграла решающую роль в свержении самодержавия: «Они обращались к Государственной думе с приветствиями, требованиями улучшения своего положения, всеобщего избирательного права, созыва Учредительного собрания и т.д.»²⁴.

В современной историографии А.Б. Николаев обратил пристальное внимание на письма в адрес ВКГД. Он проанализировал телеграммы, получаемые М.В. Родзянко и думским Комитетом со всех концов страны, которые направлялись «со словами восторга, восхищения и поддержки шагов Государственной думы»²⁵. Также исследователь привлек «письма во власть» как источник по истории

²¹ *Voices of Revolution, 1917* / Ed. by Mark D. Steinberg. New Haven, 2001. См. также сборник документов под редакцией М. Хикки: *Fighting Words: Competing Voices from the Russian Revolution* / Ed. by Michael C. Hickey. Santa Barbara, 2011.

²² Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 38–39.

²³ Там же. С. 110. Автор указывает в сноске только одно дело из фонда Государственной думы, хотя общее их количество превышает 150 единиц хранения.

²⁴ Гальперина Б.Д. Петроградские рабочие и Государственная дума (март–июль 1917 г.) // Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Сб. ст. / Отв. ред. Г.Л. Соболев. М., 1986. С. 41. Вместе с тем, отдавая дань советским политико-идеологическим установкам, она пишет, что «наиболее сознательные рабочие, находившиеся под влиянием большевиков, с первых дней Февральской революции требовали формального роспуска Думы как остатка старого строя и высказывали недоверие ее деятельности» (Там же. С. 42).

²⁵ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. Т. 2. СПб., 2017. С. 242.

деятельности ВКГД в марте–апреле 1917 г., говоря о том, что они отчасти формировали повестку дня работы думского Комитета²⁶.

Появились также и специальные работы, где рассматриваются телеграммы в адрес ВКГД и его председателя. Одна из них посвящена приветствиям от мусульманского населения России, которое восприняло Февральскую революцию как величайшее событие XX в. Автор статьи Д.М. Усманова считает эти послания плохо востребованными у историков, в то время как они имеют «большое значение для понимания своей эпохи»²⁷. Определенный интерес представляет статья Д.И. Раскина «Телеграммы и письма Временному комитету Государственной думы как источник по истории восприятия событий февраля–марта 1917 г. в России». Историком предпринята попытка проанализировать все имеющиеся в фонде Думы «письма во власть», что в итоге привело к простому цитированию документов, в которых, по словам автора, отразились всего лишь «стереотипы мифологического сознания, тяготеющего к черно-белому восприятию действительности, а применительно к персоналиям — к вождизму»²⁸. Следует назвать также статью, посвященную письмам от крестьян Центрального Черноземья в Государственную думу в марте–апреле 1917 г.²⁹ Так, автор, анализируя обращения крестьян, отмечает, что «в образе председателя Думы явственно фиксируются черты вождя»³⁰.

Стоит особо отметить отсутствие специальных работ, в которых анализировались бы письма, адресованные А.Ф. Керенскому.

²⁶ См.: Николаев А.Б. Временный комитет Государственной думы в марте 1917 г.: хроника первых послефевральских заседаний // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г.). Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2016. С. 176–188.

²⁷ Усманова Д.М. Февраль 1917-го в телеграммах от мусульманского населения России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г.). Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 2. СПб., 2017. С. 143.

²⁸ Раскин Д.И. Телеграммы и письма Временному комитету Государственной думы как источник по истории восприятия событий февраля–марта 1917 г. в России // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция (С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г.). Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2018. С. 213.

²⁹ Разиньков М.Е. Приветственные телеграммы крестьян Центрального Черноземья Государственной думе в марте–апреле 1917 г.: источник и его информационные возможности // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 378–389.

³⁰ Там же. С. 384.

Однако в работах о министре юстиции Временного правительства в марте–апреле 1917 г. историки в той или иной мере привлекают для своих исследований приветствия от населения России. Например, В.П. Федюк в своей статье указывал: «Уже весной он, министр юстиции, — человек, занимающий не самый значимый в кабинете пост — воспринимался как символ Временного правительства и, в широком смысле, всей революции. <...> Никогда, ни раньше, ни позже, ни один из российских лидеров не удостоивался такого масштабного и беззаветного обожания. <...> Весной и летом 1917 г. газеты были полны приветственными телеграммами в адрес Керенского»³¹. Однако в качестве примера исследователь привел телеграмму от 9 мая 1917 г., опубликованную в ярославской газете «Голос» 11 мая. Историк Б.И. Колоницкий в своей работе «Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа”» использовал материалы «писем во власть», которые поступали на имя министра юстиции, отмечая следующее: «Важнейшим источником являются политические резолюции, петиции, поздравления, коллективные письма»³². Однако большинство обращений к А.Ф. Керенскому взяты им из периодических изданий, в то время как большую ценность представляют материалы, отложившиеся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы.

Источники

Источниковая база данной работы включает в себя архивные материалы, связанные с деятельностью Государственной думы, которые отложились в фонде 1278 в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Особый интерес представляет опись 5, где представлены материалы, относящиеся к 1917 г., например, делопроизводственные документы, в первую очередь, письма, адресованные председателю Государственной думы и ее Временного комитета³³, которые он получал со всех концов страны после Февральской революции. Они иллюстрируют особенности восприятия происходящих в России событий, отношение к Временному правительству, а также дают нам сведения о выдвигаемых требованиях

³¹ Федюк В.П. Александр Керенский: феномен политического лидерства // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 2. С. 24.

³² Колоницкий Б.И. Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017. С. 22.

³³ Всего были изучены материалы 143 дел фонда 1278 (Государственная дума) РГИА. Материалы дел систематизированы по группам адресантов, административно-территориальному признаку и хронологии.

к ВКГД после февральско-мартовских дней³⁴. Также были изучены документы 1917 г. из фонда Министерства юстиции (1405), где были выявлены «письма во власть», адресованные как министру юстиции, так и председателю ВКГД³⁵. Не менее ценными являются архивные материалы Государственного архива Российской Федерации: фонды министра-председателя Временного правительства (1778)³⁶ и А.Ф. Керенского (1807)³⁷.

М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский и «письма во власть»

Говоря о революционных событиях, невозможно обойти стороной вопросы, связанные с формированием авторитета, который становился своеобразным источником власти для политических лидеров в 1917 г. После Февральской революции в адрес Государственной думы и Временного правительства поступило более 20 тысяч телеграмм и писем с выражениями сочувствия и поддержки³⁸. Такой массовый источник, как «письма во власть» зачастую отражают то, что тревожило и беспокоило те или иные группы населения, в них присутствуют требования к власти, предложения и просьбы. В них руководящая роль Думы и М.В. Родзянко в свержении царизма не подвергалась сомнению.

Однако начиная с апреля 1917 г. (отчасти это связано с Апрельским политическим кризисом) ситуация меняется. Заметим, что М.В. Родзянко допустил ошибку: он недостаточно активно использовал имеющиеся у него возможности для укрепления своего авторитета среди населения России. Так, например, думский Комитет поздно создал свой печатный орган — «Известия Временного

³⁴ В 1923 г. была составлена характеристика фондов Государственной думы, в которой говорится о ценности источников 1917 г., в том числе и «писем во власть»: «Материалы 1917 г. представляют значительный интерес для освещения Февральской революции, в частности роли в нем Временного комитета Думы, и до некоторой степени отражают настроение провинции в первое время после переворота (всякие приветствия и заявления с мест)» (*Раскин Д.И., Соколов А.Р., Мулина И.В.* Архивный фонд Государственной думы Российской империи: страницы истории // *Вестник архивиста*. 2015. № 2. С. 301–302).

³⁵ Изучены материал 4 дел с телеграммами и письмами, поступившими в Министерство юстиции за март–апрель 1917 г.

³⁶ Для выявления писем в адрес Временного правительства были проанализированы 84 архивных дела. Материалы дел систематизированы по группам адресантов, административно-территориальному признаку и хронологии.

³⁷ Были изучены материалы 31 дела из личного фонда министра юстиции А.Ф. Керенского.

³⁸ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. / Науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 573.

комитета»³⁹. Эта газета начала выходить только 27 апреля 1917 г., т.е. уже после того, как кн. Г.Е. Львов отказался возобновить законодательную деятельность Государственной думы и передать верховную власть думскому Комитету. «Известия Временного комитета» публиковали приказы ВКГД, стенограммы частных совещаний членов Государственной думы, а также сведения о поступающих на имя думского Комитета и его председателя приветствий от различных слоев населения, но приводились только количественные показатели. Исключение составляют номера от 30 апреля и 11 мая 1917 г.⁴⁰, в которых были опубликованы приветственные телеграммы по случаю годовщины начала работы Государственной думы. Еще одним рычагом воздействия на общественное мнение могла стать Московская просветительная комиссия при ВКГД, положение о которой было опубликовано 27 апреля 1917 г. Ее деятельность была нацелена на издание и распространение литературы, устройство публичных лекций, чтений и бесед: «проведение в жизнь начал, возвещенных Временным комитетом, для водворения в стране нового порядка на основах, принятых к руководству Временным правительством»⁴¹. Но и она не сыграла позитивной роли в укреплении позиций думского Комитета, так как была создана в конце апреля 1917 г.

Если говорить о Временном правительстве, то министры еще в середине марта 1917 г. обсуждали на своем заседании вопрос о поступающих приветствиях со всех концов страны, когда управляющий делами правительства сделал представление «о разрешении, ввиду переобременения телеграфа и почтовых учреждений, выразить по выработанному образцу общую благодарность всем, почтившим приветствиями Временное правительство и министра-председателя, с помещением соответственного извещения в “Вестнике Временного правительства” и с приведением списка всех учреждений и лиц, от коих получены приветствия»⁴². В фонде министра-председателя Временного правительства была выявлена справка за апрель 1917 г.,

³⁹ В конце марта в газете «Вечернее время» была напечатана статья «Почему?», в которой автор задавался вопросом о задержке начала выхода печатного органа ВКГД (Не думский. Почему? // Вечернее время. 1917. 29 марта).

⁴⁰ Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. № 2. 30 апреля; № 4. 11 мая.

⁴¹ Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. № 1. 27 апреля.

⁴² Это представление было одобрено на заседании 14 марта 1917 г. (Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года: В 4 т. . Т. 1. М., 2001С. 96). Благодарность от имени Временного правительства была опубликована в № 10 «Вестника Временного правительства» от 16 марта 1917 г. Также в газетах выявлено обращение к населению страны не перегружать телеграф приветственными посланиями, что привело к уменьшению количества посланий в адрес правитель-

в которой указано количество обращений, от кого они поступили, а также представлено их краткое содержание⁴³.

Выявленные обращения относятся к «массовым источникам». Еще Б.Г. Литвак отмечал, что это «документы, само возникновение которых связано с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации этих проявлений, будничных сторон социальной жизни»⁴⁴. Исследователь фиксирует следующие критерии выделения массового документа из всего комплекса имеющихся в распоряжении историков источников: ординарность обстоятельств происхождения, однородность, аналогичность или повторяемость содержания, а также однотипность формы, тяготеющая к стандартизации⁴⁵. Солдатские «письма во власть» отвечают всем трем критериям: так как они стали поступать на имя М.В. Родзянко и А.Ф. Керенского сразу после Февральской революции 1917 г. со словами поддержки, информация, изложенная в приветствиях, повторяется в обращениях, поступавших от разных воинских частей. Соответствие последнему критерию связано с тем, что в большинстве случаев на имя двух лидеров революции поступали телеграммы, в которых были слова поддержки, а также требования, выдвигаемые солдатами.

Обращения к М.В. Родзянко

За март — начало мая 1917 г. удалось выявить 168 обращений от солдат⁴⁶ на имя председателя ВКГД. Рассмотрим, как солдаты обращались к М.В. Родзянко. В строке адреса указывалось следующее: «председателю Исполнительного комитета Государственной думы»⁴⁷, «первому гражданину свободной России Михаилу Родзянко»⁴⁸,

ства (Сократите телеграммы (от Главного управления почт и телеграфов) // Новое время. 1917. 28 марта).

⁴³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 1778. Оп. 1. Д. 191. Л. 226–231 об.

⁴⁴ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 7.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Не исключено, что письма и телеграммы поступали в ответ на обращение М.В. Родзянко к офицерам и солдатам от 6 марта 1917 г. (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1278. Оп. 10. Д. 12. Л. 6).

⁴⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 9, 27. Обращения были получены 4 марта от солдат Кавказского окружного военно-санитарного управления, а 9 марта — от солдат 2 броневое автомобильного дивизиона.

⁴⁸ Телеграмма от организационного бюро Самаркандского совета солдатских депутатов поступила 5 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1257. Л. 23). Схожее обращение «первому гражданину обновленной свободной России» присутствует в письме саперов телеграфной прожекторной полевого инженерного парка 42 са-

«председателю народной Думы»⁴⁹, «председателю комитета Временного правительства»⁵⁰, «главе свободного государства российского»⁵¹, «дорогому отцу»⁵², «доблестному гражданину земли русской»⁵³,

Председателя ВКГД солдаты благодарили за принятия на себя «священного долга по освобождению угнетенного русского народа и дарования ему свободы и равноправия»⁵⁴, также писали о том, что «подлинный русский никогда не забудет имя Родзянко»⁵⁵. М.В. Родзянко в солдатских «письмах во власть» получал следующие характеристики: «вождь народа новой России»⁵⁶, «воплощение всего народа»⁵⁷, «друг народа»⁵⁸, «борец за свободу, организатор стихийных сил народного гнева»⁵⁹, «организатор освободительного движения»⁶⁰, «великий гражданин»⁶¹, «объединитель представителей русского народа»⁶², «великий гражданин русской

перного батальона и 114 отдельной саперной роты от 17 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 138).

⁴⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 25. Приветствие от солдат полевой радиотелеграфной учебной команды при штабе главнокомандующего Юго-Западного фронта поступило 8 марта 1917 г.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 57. Телеграмма от 13 марта 1917 г. от солдат 22 артиллерийской бригады.

⁵¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 62. Обращение от солдат управления корпусного интенданта 5 армейского корпуса от 15 марта 1917 г.

⁵² Приветствие от солдат 15 корпусного радиотелеграфного отделения отправлено 17 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1361. Л. 215).

⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1361. Л. 142. Телеграмма от солдат санитаров, обслуживающих Тифлисский центральный склад Красного Креста, получена 22 марта 1917 г.

⁵⁴ Телеграмма солдат-писарей управления Курского уездного воинского начальника от 9 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 337).

⁵⁵ Такое заявление было сделано в письме от 25 марта 1917 г. от солдат 12 артиллерийской бригады Западного фронта (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1347. Л. 326).

⁵⁶ Телеграмма от больных и раненых солдат, находящихся в лазарете г. Львова получена 5 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1271. Л. 5).

⁵⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1353. Л. 242. Письмо от солдат Кавказской армии от 5 марта 1917 г.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 40. Телеграмма от солдат 122 полуроты 1-этапного батальона от 10 марта 1917 г.

⁵⁹ Так обратились к М.В. Родзянко солдаты техников батальона 3 инженерного полка 11 марта из Киева и солдаты 2 парка 37 артиллерийского дивизиона 19 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 47. 70).

⁶⁰ Телеграмма от солдат саперов 3 Кавказского инженерного полка от 12 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 48).

⁶¹ Характеристика дана солдатами 165 пехотного запасного полка 14 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 60).

⁶² Телеграмма от солдата 1 роты 15 железнодорожного батальона отправлена 17 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 53).

земли»⁶³, «борец за создание новой России»⁶⁴, «поработитель тьмы»⁶⁵, «доблестный герой Родзянко, вождь Государственной думы»⁶⁶, «борец за народные идеи»⁶⁷.

Солдаты сообщали председателю ВКГД о принятии присяги Временному правительству⁶⁸, отправке денег на «нужды семей товарищей, доблестно павших во имя свободы, равенства и братства»⁶⁹, о создаваемых советах солдатских депутатов⁷⁰, проводимых ими собраниях⁷¹ и митингах⁷², организованных лекциях по истории русской революции и ее борцах⁷³, посещении депутатами Государственной думы действующей армии⁷⁴,

Солдаты в своих письмах и телеграммах просили председателя ВКГД о следующем: созыве Учредительного собрания⁷⁵, установле-

⁶³ Телеграммы от солдат 1 парка 79 артиллерийского дивизиона от 20 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 71) и от объединенного комитета солдатских депутатов 59 паркового артиллерийского дивизиона от 21 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 21).

⁶⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 18. Обращение от солдатских депутатов 3 гусарского Елисаветградского полка от 20 марта 1917 г.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1363. Л. 21. Приветствие от солдат 11 легкого мортирного паркового артиллерийского дивизиона от 22 марта 1917 г.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 240. Письмо от солдат 2 батареи 4 стрелковой Финляндской артиллерийской батареи.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1347. Л. 417. Письмо от солдат этапно-ветеринарного лазарета 1 Гвардейского корпуса от 31 марта 1917 г.

⁶⁸ Об этом уведомили председателя ВКГД солдаты 234 Богучарского полка 12 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 52).

⁶⁹ Об отправке денег сообщили солдаты третьей батареи 132 отдельного артиллерийского дивизиона 16 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 64). Пожертвования также были отправлены солдатами XI корпусного радиотелеграфного отделения 5 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1358. Л. 446).

⁷⁰ Телеграмма солдат 16 драгунского Тверского полка от 19 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 17).

⁷¹ Информация поступила от солдатских депутатов 3 гусарского Елисаветградского полка от 20 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 18).

⁷² Об этом М.В. Родзянко уведомили солдаты 2 головного эвакуационного пункта 23 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 20).

⁷³ Сведения поступили от солдат 268 технического полка 20 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 16).

⁷⁴ Речь в письме от солдат 2 батареи 4 стрелковой Финляндской артиллерийской батареи шла о комиссарах ВКГД: князе К.М. Шаховском (балашевец), П.П. Кузьмине (балашевец) и П.М. Макогоне (земец-октябрист) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 240). См. о комиссарах подробнее: *Николаев А.Б.* Думские комиссары в русской армии (февраль–март 1917 г.) // *Новый часовой.* 1996. № 4. С. 72–83.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 6. Обращение от собрания совета солдатских депутатов Нижегородского гарнизона от 7 марта 1917 г., а также постановление полкового солдатского комитета 29 пехотного Черниговского полка от 26 марта 1917 г. (Там же. Л. 23), телеграмма от представителей митинга солдат Тифлисского вещевого интендантства от 27 марта 1917 г. (Там же. Л. 28), резолюция солдат 1 парка

нии политических свобод и уравниении солдат в гражданских правах со всем остальным населением «путем переработки воинского устава»⁷⁶, «стойко защищать интересы солдат»⁷⁷, доведении войны до победоносного конца⁷⁸, принятии мер к устранению засилья немцев, увеличении солдатского пайка⁷⁹, «освобождении России от германского экономического ига и от ужасов милитаризма»⁸⁰, обеспечении снарядами и продовольствием⁸¹, обустройстве беженцев из Холмщины и Гродненской губернии⁸².

Свои обращения к председателю ВКГД солдаты заканчивали следующими выражениями: «да здравствует (великая) свободная Россия»⁸³, «да здравствует новое правительство»⁸⁴, «да здравствует Учредительное собрание»⁸⁵, «да здравствует свобода, равенство и братство»⁸⁶, «да здравствует свободный

40 мортирного паркового артиллерийского дивизиона от 7 апреля 1917 г. (Там же. Д. 1363. Л. 322).

⁷⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 6. Обращение от собрания совета солдатских депутатов Нижегородского гарнизона от 7 марта 1917 г.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 25. Требование высказано в телеграмме от 8 марта 1917 г. солдатами полевой радиотелеграфной учебной команды при штабе главнокомандующего Юго-Западного фронта.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 13, 17, 21, 27. Телеграммы от Совета солдатских депутатов из Тифлиса от 13 марта 1917 г., солдат 16 драгунского Тверского полка 19 марта 1917, от объединенного комитета солдатских депутатов 59 паркового артиллерийского дивизиона от 21 марта, Совета солдатских депутатов Манглисского гарнизона от 29 марта 1917 г.

⁷⁹ Два требования были озвучено в письме от 15 марта 1917 г. солдатами из действующей армии, без указания воинской части (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1361. Л. 162 об.).

⁸⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1353. Л. 128. Письмо от солдат 533 Новониколаевского полка получено 16 марта 1917 г.

⁸¹ Требование из наказа солдат 8 Сибирского стрелкового полка от 4 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1361. Л. 241).

⁸² Такое пожелание было высказано солдатами-беженцами в письме, полученном 29 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1347. Л. 538).

⁸³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 31, 35, 53; Д. 1295. Л. 28; Д. 1361. Л. 23. Телеграммы от солдата из санатория Таммерфорса и солдат телеграфной роты 5 Сибирского батальона от 9 марта 1917 г., солдат 2 роты 50 саперного батальона от 10 марта, солдат 328 Псковской дружины от 12 марта 1917 г., от команды солдат Тифлисского вещевого интендантства от 27 марта 1917 г.

⁸⁴ Телеграммы от граждан солдат 2 батареи 43 артиллерийской бригады от 10 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 39), от солдат 2 батареи 47 артиллерийской бригады от 14 марта 1917 г. (Там же. Л. 61), от солдат 2 батареи 1 Туркестанского стрелковой бригады от 16 марта 1917 г. (Там же. Д. 1295. Л. 15).

⁸⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 156. Обращение солдат 1 батареи 136 отдельного артиллерийского дивизиона от 12 марта 1917 г.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1246. Л. 156. Письмо от солдат 1 батареи 36 отдельного артиллерийского дивизиона от 12 марта 1917 г.

народ»⁸⁷, «да здравствует молодая Россия»⁸⁸, «да здравствует Родзянко»⁸⁹, «да здравствует демократическая республика»⁹⁰, «да здравствует глава свободной России»⁹¹, «да здравствует революция, Исполнительный комитет российской Государственной думы и его председатель Родзянко»⁹², «да здравствует гений свободной России Родзянко»⁹³.

Обращения к А.Ф. Керенскому

В архивах Санкт-Петербурга и Москвы выявлено 33 приветственных письма на имя министра юстиции за март — начало мая 1917 г. Рассмотрим, как обращались солдаты к А.Ф. Керенскому. В строке адреса указывалось следующее: «товарищ председателя Совета рабочих и солдатских депутатов»⁹⁴, «министр юстиции» / «господин министр юстиции»⁹⁵, «министр юстиции граждан

⁸⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 61. Обращение от солдат 2 батареи 47 артиллерийской бригады от 14 марта 1917 г.

⁸⁸ Телеграмма от солдат артиллеристов 61 бригады из действующей армии от 15 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1263. Л. 65).

⁸⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 15, 35. Телеграмма от солдат штаба первой армии от 8 марта 1917 г. и от солдат 2 батареи 1 Туркестанской стрелковой бригады от 16 марта 1917 г.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 15. Телеграмма от солдат штаба первой армии от 8 марта 1917 г.

⁹¹ Письмо от солдат из действующей армии из Галиции было получено 18 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1347. Л. 172).

⁹² Телеграмма от солдатского организационного комитета при втором головном эвакуационном пункте от 23 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1295. Л. 20).

⁹³ Заявление получено 3 апреля 1917 г. от мастеровых солдат-товарищей Юго-Западного фронта (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1347. Л. 274).

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 354. Л. 66. Телеграмма от 4 марта 1917 г. от солдат 2 пехотного запасного полка из Фридрихсгама.

⁹⁵ Приветствия от солдат Муравьевского гарнизона от 7 марта 1917 г., от солдат технического батальона 37 инженерного полка от 11 марта 1917 г., от солдат 16 мортирного артиллерийского дивизиона от 14 марта 1917 г., от группы солдат 71 дивизии и солдат 1 роты 15 железнодорожного батальона от 15 марта 1917 г., от солдат курского артиллерийского склада от 16 марта 1917 г., от группы сознательных солдат 325 пехотного Царевского полка от 18 марта 1917 г., от совета солдатских депутатов района Синявки, от солдат 2 парка 37 паркового артиллерийского дивизиона, рядового 82 пехотного полка Шанина, от солдатского комитета штаба 46 армейского корпуса от 19 марта 1917 г., от солдата Курилина из Тифлиса от 20 марта 1917 г., от солдат 2 стрелкового полка от 22 марта 1917 г., от солдат-граждан команды 470 полевого подвижного госпиталя от 24 марта 1917 г., от солдат 296 Грязовецкого полка 12 роты от 29 марта 1917 г., от солдат корпусного воздухоплавательного отряда от 30 марта 1917 г., от солдат 2 роты 2 Сибирского железнодорожного батальона апреля 1917 г., от товарища председателя батальонного комитета Сибирского запасного телеграфного батальона солдата Юльпе от 4 апреля 1917 г., от солдат 2 взвода ди-

Керенский»⁹⁶, «дорогой вождь, министр юстиции, гражданин Керенский»⁹⁷, «господин министр»⁹⁸.

Солдаты с восхищением писали о назначении А.Ф. Керенского на пост министра юстиции⁹⁹, а также приветствовали его деятельность «на благо человечества»¹⁰⁰, благодарили за «подготовленную почву общего мирного труда»¹⁰¹. В солдатских письмах и телеграммах встречаются такие характеристики министра юстиции: «великий гражданин»¹⁰², «славный борец за право, справедливость и свободу»¹⁰³, «самый яркий выразитель защищаемых республиканских идей»¹⁰⁴, «борец за свободу и вершитель судьбы Николая»¹⁰⁵, «стойкий борец за право, свободу и народовластие»¹⁰⁶, «первый народный министр, печальник и ходатай трудящихся»¹⁰⁷,

визионного обоза 47 пехотной дивизии от 17 апреля 1917 г., от солдат 470 военного транспорта от 18 апреля 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 359. Л. 76; Д. 360. Л. 129; Д. 361. Л. 67; РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 144, 155, 160, 255, 266, 457, 468, 495, 501, Д. 2 А-2. Л. 57, 154, 296, 314, 445; Д. 2 А-3. Л. 195, 216, 235).

⁹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 343. Телеграмма от собрания солдат управления интенданта 2 Туркестанского корпуса от 20 марта 1917 г.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 538. Письмо от солдат пехотной Черниговской нестроевой роты поступило 7 апреля 1917 г.

⁹⁸ Там же. Д. 360. Л. 37. Письмо от солдат команды броневого автомобильного дивизиона особого назначения от 9 апреля 1917 г.

⁹⁹ Поздравления поступили от совета солдатских депутатов из Синявки 18 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 144) и солдата-гражданина 12 роты 296 Грязовецкого полка Михаила Новикова 29 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 495).

¹⁰⁰ Телеграмма от солдата Курилина из Тифлиса поступила 20 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 154).

¹⁰¹ Телеграмма от солдат 2 взвода дивизионного обоза 47 пехотной дивизии от 17 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 216)

¹⁰² РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 255. Письмо от солдат-граждан 470 полевого подвижного госпиталя из действующей армии от 8 марта 1917 г.

¹⁰³ Там же. Схожая характеристика дана в телеграмме от солдат 2 взвода дивизионного обоза 47 пехотной дивизии 17 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 216).

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 361. Л. 67. Телеграмма отправлена 11 марта 1917 г. солдатами технического батальона 37 инженерного полка. Такая же характеристика присутствует в приветствии от солдат 2 парка 37 паркового артиллерийского дивизиона от 19 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 155).

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 457. Обращение от солдат 71 дивизии из Румынии поступило 15 марта 1917 г. Схожая характеристика «борец за свободу и человеческой совести» дана в письме от солдат 118 команды выздоравливающих из Харькова от 24 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 415 об.).

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 195. Телеграмма от солдат 1 роты 15 железнодорожного батальона от 15 марта 1917 г.

¹⁰⁷ Письмо от группы солдат 325 пехотного Царевского полка от 18 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 314).

«поборник страстей преступного мира»¹⁰⁸, «поборник прав трудящихся масс»¹⁰⁹, «защитник обездоленного рабочего люда, поборник святой правды и страж свободной России»¹¹⁰, «путеводная звезда свободной России»¹¹¹, «славный борец за свободу России»¹¹², «вождь российской революционной демократии»¹¹³.

Солдаты в своих обращениях писали министру юстиции о том, что происходит на местах. Так, например, солдаты броневого автомобильного дивизиона особого назначения из действующей армии в письме 9 апреля 1917 г. сообщили о проведенном благотворительном вечере и собранных деньгах¹¹⁴. О пожертвованиях также сообщили солдаты 6 батареи 7 артиллерийской бригады¹¹⁵ и 2 роты 2 сибирского железнодорожного батальона из действующей армии¹¹⁶. Солдаты-евреи из г. Коломыя уведомили о торжественной манифестации на Пасху, на которой были знамена и национальные флаги¹¹⁷.

В обращениях встречаются разного рода просьбы и требования: важнейшим из них стало доведение войны до победного конца¹¹⁸, а кроме того — улучшение солдатской жизни¹¹⁹, осуществление лич-

¹⁰⁸ Письмо от солдат 118 команды выздоравливающих из Харькова от 24 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 415 об.).

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 144. Схожая характеристика дана в письме от солдат 23 корпусного воздухоплавательного отряда в конце марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 501).

¹¹⁰ Телеграмма от сибирского запасного телеграфного батальона отправлена 4 апреля 1917 г. Небезынтересно, что солдаты приурочили свое обращение к годовщине событий на Ленских приисках (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 296). Как известно, А.Ф. Керенский принимал участие в общественном расследовании причин трагических событий апреля 1912 г. (Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 38).

¹¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 235. Данная характеристика дана солдатами 470 военного транспорта из действующей армии 18 апреля 1917 г.

¹¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 216. Телеграмма от солдат 2 взвода дивизионного обоза 47 пехотной дивизии от 17 апреля 1917 г.

¹¹³ Телеграмма от солдат 290 Валуйского полка отправлена 18 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 236).

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 360. Л. 37. На нужды родины солдаты 9 апреля 1917 г. отправили 467 руб. 37 коп., в качестве приложения был представлен отчет и афиша спектакля.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 360. Л. 98. Министру юстиции было отправлено 215 руб. 42 коп. 4 апреля 1917 г.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 360. Л. 129. Сумма «скудной лепты в пользу увечных воинов и семейств павших на войне» составила 235 руб. 5 коп., а поступила 17 апреля 1917 г.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 83. Л. 75.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 266, 495 об., 501; Д. 2 А-2. Л. 480.

¹¹⁹ Письмо от солдат 16 мортирного артиллерийского дивизиона 3 батареи из действующей армии от 14 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 445).

ных политических свобод, развитие социально-политических прав народа, демократизация России¹²⁰. Среди обращений к министру юстиции с требованиями и просьбами особняком стоит письмо от 325 пехотного Царевского полка от 18 марта 1917 г. из действующей армии. Солдаты указывали на следующие проблемы: отсутствие достоверной информации о произошедшей революции в Петрограде, нехватка «демократической литературы»¹²¹, сложное материальное положение нижних чинов, отсутствие единения солдат и офицеров¹²². В качестве решения были высказаны следующие пожелания: «открыть глаза Гучкову»¹²³, просвещение солдат (с помощью просветительских организаций), создание полкового комитета, а также созыв Учредительного собрания¹²⁴.

«Письма во власть» солдаты закачивали следующими фразами: «да здравствует товарищ Керенский»¹²⁵, «да здравствует будущая демократическая республика»¹²⁶, «да здравствует свободная Россия»¹²⁷, «да здравствует дорогой вождь Керенский»¹²⁸, «да здравствует гражданин-солдат»¹²⁹.

Заключение

Выявленные «письма во власть» от солдат на имя председателя ВКГД и министра юстиции являются ценным источником по изучению формирования образов лидеров Февральской революции 1917 г. За рассматриваемый период на имя председателя ВКГД поступило 168 обращений от солдат, в то время как А.Ф. Керенский получил приветствий в 5 раз меньше — 33. В «письмах во власть» подчерки-

¹²⁰ Все три требования были высказаны солдатами 23 корпусного воздухоплавательного отряда (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 501).

¹²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 314 об.

¹²² Там же. Л. 314 об.–315.

¹²³ Там же. Скорее всего, речь шла о необходимости довести до сведения военного и морского министра А.И. Гучкова информацию о происходящем в Царевском полку.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Письмо от солдат 325 пехотного Царевского полка от 18 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 35 об.).

¹²⁶ Эта фраза присутствует в письме солдат Царевского полка 18 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-2. Л. 315 об.) и в телеграмме собрания солдат управления интенданта 2 Туркестанского корпуса от 24 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-1. Л. 343).

¹²⁷ Письмо от солдат 336 пехотной Челябинской нестроевой роты от 7 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 183. Д. 2 А-3. Л. 538 об.).

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

валась особая роль думского председателя в февральско-мартовских событиях 1917 г. Солдаты давали ему различные характеристики, которые позволяют говорить о нем как о лидере Февральской революции: «вождь народа», «организатор освободительного движения», «организатор стихийных сил народного гнева», «объединитель представителей русского народа». А.Ф. Керенскому в солдатских письмах также давались различные характеристики, но в большинстве случаев они были связаны с защитой интересов народа и борьбой за его права: «борец за право, справедливость и свободу», «печальник и ходатай трудящихся», «защитник обездоленного рабочего люда». Лидером и организатором революционных событий для солдат министр юстиции не был. «Письма во власть» также дают возможность выявить требования, которые поступали от солдат на имя М.В. Родзянко и А.Ф. Керенского, среди них важнейшими стали скорейший созыв Учредительного собрания и доведение войны до победного конца.

References

Abakova T.A. "Pis'ma vozhdyam". *Istoriograficheskii aspekt* ["Letters to Leaders": A Historiographical Perspective] // *Klio*. 2018. N 7 (139). P. 33–41.

Arkhipov I.L. *Sozvezdie obrechennykh. Dvenadtsat' v revolyutsii* [A Constellation of the Doomed: Twelve in the Revolution]. Saint Petersburg: Amfora, 2016. 510 p.

Danilevskii I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F. *Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiiskoi istorii* [Source Studies: Theory, History, Method, and Sources of Russian History]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1998. 702 p.

Fedyuk V.P. *Aleksandr Kerenskii: fenomen politicheskogo liderstva* [Alexander Kerensky: The Phenomenon of Political Leadership] // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2015. N 2. P. 23–29.

Fedyuk V.P. *Kerenskii* [Kerensky]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 405 p.

Fitzpatrick Sh. Readers' Letters to Krest'ianskaia Gazeta, 1938 // *Russian History*. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 149–170.

Fitzpatrick Sh. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // *Journal of Contemporary History*. 1996. Vol. 68. No. 4. P. 831–866.

Fitzpatrick S. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Social History of Soviet Russia in the 1930s: The Village]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 421 p.

Gal'perina B.D. *Petrogradskie rabochie i Gosudarstvennaya дума (mart–iyul' 1917 g.)* [Petrograd Workers and the State Duma, March–July 1917] // *Piterskie rabochie v bor'be s kontrrevolyutsiei v 1917–1918 gg. Sbornik statei* [Saint Petersburg Workers in the Struggle against Counterrevolution in 1917–1918: A Collection of Articles] / Ed. by G.L. Sobolev. Moscow: Nauka, 1986. P. 41–46.

Hasegawa T. Aleksandr Fedorovich Kerenskii in the February Revolution of 1917 // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Vol. 13. 2020. P. 5–45.

Klinova M.A. *Pis'ma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izucheniya sovetskoi povsednevnosti* [Letters and Complaints to Government Authorities as a Source for the Study of Soviet Everyday Life] // *Vestnik arkhivista*. 2012. N 4. P. 300–305.

Kolonitskii B.I. *Tovarishch Kerenskii: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta "vozhdya naroda" (mart–iyun' 1917 goda)* [Comrade Kerensky: The Anti-Monarchist Revolution and the Formation of the Cult of the "Leader of the People", March–June 1917]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 520 p.

Kuznetsov A.A. *Nakazy sibirskikh krest'yan v I i II Gosudarstvennye dумы* [Mandates of Siberian Peasants to the First and Second State Dumas] // *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i klassovaya bor'ba v dorevol'yutsionnoi derevne. Mezhevuzovskii tematicheskii sbornik* [Socio-Economic Relations and Class Struggle in the Pre-Revolutionary Countryside: An Interuniversity Thematic Collection]. Kalinin: Kalininskii gosudarstvennyi universitet, 1979. P. 83–92.

Litvak B.G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoi dokumentatsii XIX — nachala XX v.* [Essays on the Source Study of Mass Documentation of the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka, 1979. 294 p.

Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Revol'yutsiya i sotsial'naya spravedlivost': ozhidaniya i real'nost'. ("Pis'ma vo vlast'" 1917–1927 godov)* [Revolution and Social Justice: Expectations and Reality. "Letters to the Authorities", 1917–1927] // *Cahiers du Monde russe*. 1998. Vol. 39. N 4. October–December. P. 487–513.

Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Sotsiologicheskii analiz "pisem vo vlast'" (1917–1927 gody)* [A Sociological Analysis of "Letters to the Authorities", 1917–1927] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1999. N 2. P. 80–88.

Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Vlast' i narod: "signaly s mest" kak istochnik po istorii Rossii 1917–1927 godov* [Power and the People: "Signals from the Localities" as a Source for the History of Russia, 1917–1927] // *Obshchestvennye nauki i sovremen-nost'*. 1999. N 2. P. 79–87.

Livshin A.Ya., Orlov I.B. *Vlast' i obshchestvo: dialog v pis'makh* [Power and Society: A Dialogue through Letters]. Moscow: ROSSPEN, 2002. 205 p.

Nikolaev A.B. *Dumskaya revolyutsiya: 27 fevralya — 3 marta 1917 goda* [The Duma Revolution: February 27 — March 3, 1917]. In 2 Vols. Vol. 2. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2017. 447 p.

Nikolaev A.B. *Lidery Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda: pochemu M.V. Rodzyanko?* [Leaders of the February Revolution of 1917: Why M.V. Rodzianko?] // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2020. Vol. 13. P. 46–112.

Nikolaev A.B. *Revol'yutsiya i vlast': IV Gosudarstvennaya дума 27 fevralya — 3 marta 1917 g.* [Revolution and Power: The Fourth State Duma, February 27 — March 3, 1917] / Scientific ed. by B.D. Gal'perina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2005. 695 p.

Nikolaev A.B. *Vremennyi komitet Gosudarstvennoi dумы v marte 1917 g.: khronika pervykh poslefevral'skikh zasedanii* [The Provisional Committee of the

State Duma in March 1917: A Chronicle of Its First Post-February Meetings] // *Tavrisheskie chteniya* 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statei [Tauride Readings 2015: Current Issues of Parliamentarism — History and the Present. International Academic Conference. Collection of Scholarly Articles] / Ed. by A.B. Nikolaev. Pt. 1. Saint Petersburg: ElekSis, 2016. P. 176–188.

Nil've A.I. *K metodike izucheniya prigovorov i nakazov krest'yan, poslannykh vo II Gosudarstvennyu dumu* [On the Methodology for Studying Peasant Resolutions and Mandates Submitted to the Second State Duma] // *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1970 god* [Archaeographic Yearbook for 1970]. Moscow: Nauka, 1971. P. 174–180.

Porshneva O.S. *Chelovek v usloviyakh rossiiskoi Revolyutsii 1917 g.: osnovnye tendentsii i dostizheniya v izuchenii problemy* [The Individual amid the Russian Revolution of 1917: Major Trends and Achievements in the Study of the Problem] // *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika. Sbornik nauchnykh trudov* [1917 in Russia: The Socialist Idea, Revolutionary Mythology, and Practice. A Collection of Scholarly Works]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2016. P. 50–64.

Raskin D.I. *Telegrammy i pis'ma Vremennomu komitetu Gosudarstvennoi dumy kak istochnik po istorii vospriyatiya sobytii fevralya–marta 1917 g. v Rossii* [Telegrams and Letters to the Provisional Committee of the State Duma as a Source for the History of Perceptions of the Events of February–March 1917 in Russia] // *Tavrisheskie chteniya* 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statei [Tauride Readings 2017: Current Issues of Parliamentarism — History and the Present. International Academic Conference. Collection of Scholarly Articles] / Ed. by A.B. Nikolaev. Pt. 1. Saint Petersburg: Asterion, 2018. P. 207–213.

Raskin D.I., Sokolov A.R., Mulina I.V. *Arkhivnyi fond Gosudarstvennoi dumy Rossiiskoi imperii: stranitsy istorii* [The Archival Collection of the State Duma of the Russian Empire: Pages of Its History] // *Vestnik arkhivista*. 2015. N 2. P. 294–306.

Razin'kov M.E. *Privetstvennye telegrammy krest'yan Tsentral'nogo Chernozem'ya Gosudarstvennoi dume v marte–aprele 1917 g.: istochnik i ego informatsionnye vozmozhnosti* [Congratulatory Telegrams from Peasants of the Central Black Earth Region to the State Duma in March–April 1917: The Source and Its Informational Potential] // *Vestnik arkhivista*. 2021. N 2. P. 378–389.

Senchakova L.T. *Prigovory i nakazy — zerkalo krest'yanskogo mentaliteta* [Resolutions and Mandates as a Mirror of the Peasant Mentality] // *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Mentality and Agrarian Development in Russia, Nineteenth–Twentieth Centuries: Proceedings of an International Conference] / Ed. by V.P. Danilov, L.V. Milov. Moscow: ROSSPEN, 1996. P. 173–182.

Sobolev G.L. *Revolutsionnoe soznanie rabochikh i soldat Petrograda v 1917 g.* [The Revolutionary Consciousness of Petrograd Workers and Soldiers in 1917]. Leningrad: Nauka, 1973. 330 p.

Sokolov A.K. "Sozdamim edinyi front bor'by protiv nepa". *Analiz obshchestvennykh nastroyenii kontsa 20-kh gg. po pis'mam i otklikam ryadovykh sovetskikh grazhdan* ["Let Us Create a United Front in the Struggle against the NEP": An Analysis of Public Sentiment in the Late 1920s Based on Letters and Responses from Ordinary Soviet Citizens] // *NEP: zavershayushchaya stadiya. Sootnoshenie ekonomiki i politiki. Sbornik statei* [The NEP: Its Final Stage. The Relationship between Economics and Politics. A Collection of Articles]. Moscow: IRI RAN, 1998. P. 114–159.

Surovtseva E.V. *Zhanr "pis'ma vozhdyyu" v sovetskuyu epokhu (1950-e – 1980-e gg.)* [The Genre of the "Letter to the Leader" in the Soviet Era, 1950s–1980s]. Moscow: AIRO-XXI, 2010. 117 p.

Tairova N.M. *K voprosu o legitimnosti vlasti Vremennogo pravitel'stva* [On the Legitimacy of the Provisional Government's Authority] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 2. Istoriya*. 2007. N 2. P. 12–19.

Tikhomirov A.A. *Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe "ya" v pis'makh vo vlast' v rannei Sovetskoi Rossii* [Earning, Justifying, and Regaining the Party's Trust: The Soviet "Self" in Letters to the Authorities in Early Soviet Russia] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2016. N 3 (17). P. 138–158.

Tyutyukin S.V. *Aleksandr Kerenskii. Stranitsy politicheskoi biografii (1905–1917 gg.)* [Alexander Kerensky: Pages from a Political Biography, 1905–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 309 p.

Usmanova D.M. *Fevral' 1917-go v telegrammakh ot musul'manskogo naseleniya Rossii* [February 1917 in Telegrams from Russia's Muslim Population] // *Tavricheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'*. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statei* [Tauride Readings 2016: Current Issues of Parliamentarism — History and the Present. International Academic Conference. Collection of Scholarly Articles] / Ed. by A.B. Nikolaev. Pt. 2. Saint Petersburg: ElekSis, 2017. P. 133–143.

Zhuravlev V.V. *Vozhdizm v ideologicheskoi praktike kontrrevolyutsionnogo dvizheniya na vostoke Rossii: opyt analiza privetstvennykh poslanii A. V. Kolchaku* [The Cult of Leadership in the Ideological Practice of the Counterrevolutionary Movement in Eastern Russia: An Analysis of Congratulatory Addresses to A.V. Kolchak] // *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoke Rossii v period revolyutsii i Grazhdanskoi voyny. Sbornik nauchnykh statei* [Political Systems and Regimes in Eastern Russia during the Revolution and Civil War: A Collection of Scholarly Articles]. Novosibirsk: Parallel', 2013. P. 108–127.

Поступила в редакцию
15 октября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-64-81

Д.В. Родин

**ГЕНРИХ ШНЕЕ И ГЕРМАНСКОЕ КОЛОНИАЛЬНОЕ
РЕВИЗИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

D.V. Rodin

**HEINRICH SCHNEE AND THE GERMAN
COLONIAL REVISIONIST MOVEMENT
IN THE INTERWAR PERIOD**

Аннотация. В период между двумя мировыми войнами в Германии сохранялась идея возвращения колониальных владений, утраченных в соответствии с положениями Версальского мирного договора 1919 г. Ключевой фигурой колониального ревизионистского движения стал Генрих Шнее, последний губернатор Германской Восточной Африки. Целью данного исследования является анализ его многогранной деятельности, направленной на реабилитацию Германии как колониальной державы и реституцию ее заморских территорий. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении деятельности Г. Шнее как в веймарский, так и в нацистский период, что остается слабоизученным в отечественной историографии. В 1920-е годы Г. Шнее сформулировал и активно продвигал тезис о необходимости борьбы с «колониальной ложью» — обвинениями в некомпетентности и жестокости германского колониального управления, предъявленными лагерем победителей в мировой войне с целью отторжения заморских

Родин Денис Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Rodin Denis Valerievich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

enigma9307@mail.ru

ORCID: 0009-0002-5378-5342

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00011 «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00011 “Transfers of Colonial Order: Internal Security Models after the Great War”).

владений Германии. Он использовал разнообразные методы: публицистику, включая издание книг на нескольких иностранных языках, выступления в рейхстаге, руководство влиятельными колониальными организациями (в том числе Немецким колониальным обществом) и установление связей с высшими политическими фигурами, включая рейхспрезидента П. фон Гинденбурга и министра иностранных дел Г. Штресемана. Результаты исследования показывают, что активная пропагандистская и организаторская деятельность Г. Шнее способствовала удержанию колониального вопроса в общественно-политической повестке Веймарской республики. Его риторика в определенной степени подрывала легитимность демократического режима и объективно способствовала радикализации общественных настроений. Однако с приходом к власти нацистов его влияние резко снизилось. Несмотря на вступление в НСДАП и демонстрацию лояльности, его услуги оказались невостребованными. Новые власти сместили внешнеполитические приоритеты в сторону завоевания «жизненного пространства» в Восточной Европе, а контроль над колониальным движением был передан партийным структурам. Таким образом, карьера Г. Шнее наглядно иллюстрирует эволюцию колониального ревизионистского движения в Германии, которое, сыграв свою роль в дискредитации Веймарской демократии, было отброшено Третьим рейхом как не соответствующее его геополитическим амбициям.

Ключевые слова: Веймарская республика, Третий рейх, Генрих Шнее, Немецкое колониальное общество, колониальный ревизионизм, колониальное лобби.

Abstract. In interwar Germany, the recovery of the colonial possessions lost under the Treaty of Versailles of 1919 remained an important political objective for colonial revisionists. Heinrich Schnee, the last governor of German East Africa, emerged as one of the movement's leading figures. This article examines the range of activities through which Schnee sought to restore Germany's standing as a colonial power and secure the return of its former overseas territories. Its scholarly contribution lies in considering Schnee's role across both the Weimar and Nazi periods, a subject that has received limited attention in Russian historiography. During the 1920s, Schnee developed and vigorously promoted the claim that Germany must combat the so-called "colonial lie" — accusations of incompetence and brutality in German colonial rule that, in his view, had been used by the victorious powers to justify depriving Germany of its overseas possessions. He pursued this campaign through a wide range of channels, including political journalism and books published in several foreign languages, speeches in the Reichstag, leadership of influential colonial organizations such as the German Colonial Society, and the cultivation of ties with prominent political figures, among them Reich President Paul von Hindenburg and Foreign Minister Gustav Stresemann. The findings suggest that Schnee's extensive public and organizational activities helped keep the colonial question on the political agenda of the Weimar Republic. His rhetoric also contributed, to some extent, to undermining the legitimacy of the democratic order and to the broader radicalization of public opinion. After the Nazi seizure of power, however, his political influence declined sharply. Despite joining the NSDAP and openly demonstrating his loyalty to the

new regime, Schnee found himself increasingly sidelined. The Nazi leadership shifted its foreign-policy priorities toward the acquisition of *Lebensraum* in Eastern Europe, while control over the colonial movement passed increasingly into the hands of party organizations. Schnee's career thus reflects the broader evolution of German colonial revisionism in the interwar period. Having contributed to the delegitimization of Weimar democracy, the movement was ultimately pushed to the margins under the Third Reich, as its aims increasingly diverged from the regime's wider geopolitical priorities.

Keywords: Weimar Republic, Third Reich, Heinrich Schnee, German Colonial Society, colonial revisionism, colonial lobby.

* * *

С окончанием Первой мировой войны время существования германских колоний закончилось как «история реального» — но, по справедливому замечанию немецкого историка Д. ван Лаака, «не как история фантазий и проектов»¹. На протяжении всего межвоенного периода — и в годы Веймарской республики, и в период нацистского господства — в публичном пространстве Германии велись дискуссии о колониальном прошлом страны и возможностях возвращения ей статуса колониальной державы. В них участвовали как старые объединения, существовавшие с довоенных времен (например, Немецкое колониальное общество), так и новые (Имперское колониальное содружество рабочих, Союз памяти колониальных воинов, Немецкий союз ветеранов колониальных войск и др.).

Главными выразителями ревизионистских устремлений Германии в отношении утраченных заморских владений в эти годы стали бывшие колониальные чиновники и администраторы, чья карьера была неразрывно связана с африканскими и тихоокеанскими колониями Второго рейха. Среди них особо выделялись такие деятели, как Теодор Зайц (бывший губернатор Камеруна и Германской Юго-Западной Африки), Эдмунд Брюкнер (бывший губернатор Того) и Генрих Шнее (бывший губернатор Германской Восточной Африки). Последний, по признанию зарубежных исследователей, являлся «самым ярким колониальным ирредентистом Германии» и выступал в роли «главного рупора немецкого колониального ирредентизма»². При этом если в зарубежной историографии имеются крупные работы, посвященные биографии Шнее и его роли в колониальном лобби

¹ Laak D., van. "Ist je ein Reich, das es nicht gab, so gut verwaltet worden?" Der imaginäre Ausbau der imperialen Infrastruktur in Deutschland nach 1918 // Phantasiereiche. Zur Kulturgeschichte des deutschen Kolonialismus. Frankfurt, 2003. S. 71.

² Wempe S.A. *Revenants of the German Empire: Colonial Germans, Imperialism, & the League of Nations*. New York, 2019. P. 17, 40.

Веймарской республики и Третьего рейха³, то в отечественной исторической науке вклад Шнее в развитие германского колониального ревизионистского движения — как в веймарский, так и в нацистский период — остается слабоизученным. Настоящая статья призвана заполнить данную лакуну и раскрыть роль бывшего губернатора Восточной Африки в развитии колониального ревизионистского движения в Германии в межвоенный период.

Шнее родился в 1871 г., и его молодость пришлась на период становления германской колониальной империи. После окончания гимназии в Нордхаузене он обучался в университетах Гейдельберга, Киля и Берлина, а также в Восточной семинарии при Берлинском университете, где он изучал основы колониального управления и учил язык суахили. В 26 лет он уже работал в колониальном отделе Министерства иностранных дел Германской империи. В 1898 г. он был назначен на должность заместителя губернатора в Германской Новой Гвинее, а два года спустя стал заместителем губернатора в Германском Самоа. Погружение в исследование жизни туземцев, нашедшее отражение в ряде научных публикаций Шнее⁴, способствовало его стремительному карьерному росту: в 1904 г. он вернулся в Берлин, где стал советником колониального отдела МИД, в 1905 г. командирован в Лондон в качестве советника посольства по колониальным вопросам, в 1906 г. повышен до действительного советника колониального отдела, а уже через год стал его директором. В 1911 г. он был назначен на пост министра-директора и руководителя политико-административного отдела Имперского колониального управления в Берлине, а в 1912–1919 гг. служил губернатором Германской Восточной Африки.

Таким образом, к концу Первой мировой войны половину своей взрослой жизни Шнее провел в заморских колониях. В годы войны он совместно с подполковником П.Э. фон Леттовым-Форбеком руководил германскими войсками в Восточной Африке. При этом если Леттов-Форбек выступал за ведение наступательной войны с целью нанести максимальный урон противнику и ослабить его силы на основных театрах военных действий в Европе, то Шнее, осознавая малочисленность немецких сил в Африке, придерживался оборонительной тактики⁵. Это порождало серьезные трения между

³ См., например: *Gann L.H. Heinrich Schnee (1871–1949) // African Proconsuls: European Governors in Africa. New York, 1978. P. 492–522; Abermeth K. Heinrich Schnee. Karrierewege und Erfahrungswelten eines deutschen Kolonialbeamten. Kiel, 2017.*

⁴ См., например: *Schnee H. Bilder aus der Südsee. Unter den kannibalischen Stämmen des Bismarck-Archipels. Berlin, 1904; Schnee H. Unsere Kolonien. Leipzig, 1908.*

⁵ *Schnee H. Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. Heidelberg, 1964. S. 137–138.*

губернатором и командующим войсками в Германской Восточной Африке: в своих воспоминаниях Леттов-Форбек упоминал, что ему приходилось отправлять «оскорбительные телеграммы» в адрес губернатора, и считал ошибкой «в условиях войны отдавать высшую военную власть в руки человека, который ничего не смыслил в военных делах»⁶. Тем не менее совместными усилиями с опорой на сохранившие верность туземные отряды им все же удавалось два года сдерживать натиск превосходящих войск Антанты, а после 1916 г. развернуть успешную партизанскую войну против оккупантов. Готовность Шнее, Леттова-Форбека и их подчиненных воевать до последнего объяснялась не только патриотическими настроениями, но и опасениями, что переход Восточной Африки в руки англичан привел бы к конфискации имущества немцев-переселенцев и их изгнанию из колонии⁷. Как следствие, немецкие войска в Германской Восточной Африке капитулировали лишь в ноябре 1918 г., уже после заключения Компьенского перемирия. В марте 1919 г. вся Германия приветствовала возвращение Леттова-Форбека и Шнее на родину: если первого газеты называли «героем борьбы и военного сопротивления», то второго именовали «неутомимым организатором военной экономики и системы управления»⁸. Командующий и губернатор стояли во главе восточноафриканских войск, вступивших в Берлин через Бранденбургские ворота.

После окончания Великой войны прошлая карьера Шнее в колониальной администрации, связи с колониальным лобби и крупнейшими германскими издателями, определенные симпатии со стороны германской и зарубежной публики — всё это позволяло Шнее совместно с другими бывшими колониальными чиновниками выступать от имени всех колониальных ревизионистов в новообразованной республике. Когда текст Версальского мирного договора был доведен до сведения правительства Ф. Эберта и Ф. Шейдемана, Шнее был включен в состав комиссии, перед которой была поставлена задача разработать контрпредложения к договору⁹. Однако подготовленный комиссией текст, получивший высокую оценку со стороны германского правительства, был отвергнут странами-победителями на Парижской мирной конференции, которые обосновали требование о лишении Германии всех колониальных владений

⁶ *Lettow-Vorbeck P.E., von. Mein Leben. Koehler, 1957. S. 117, 134.*

⁷ *Schnee H. Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 146–147.*

⁸ *Unseren heimkehrenden Ostafrikanern zur Begrüßung // Bonner Zeitung. 1919. 2. März. S. 1.*

⁹ *Schnee H. Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 155–156.*

неэффективной системой управления ими. Впоследствии один из участников конференции — советник президента США В. Вильсона по колониальным вопросам Дж.Л. Бир — свел воедино подобного рода обвинения против Германии, указав, что ее владения в Африке и на Тихом океане «практически никогда не рассматривались как самоцель, а лишь как средство распространения немецкой культуры, укрепления престижа и могущества Германии и преумножения германских богатств»¹⁰.

Именно против подобных обвинений выступил Шнее совместно с другими представителями германского колониального лобби. Уже в первых послевоенных трудах он утверждал, что германский народ «на колониальном поприще, не менее чем в других областях экономического и культурного развития, доказал, что он по крайней мере равен другим западным народам»¹¹. В 1919 г. в работе, посвященной военным действиям в Восточной Африке, Шнее выступал против решений Парижской конференции о лишении немцев их колониальных владений и заявлял, что «утверждения о том, что Германия недостойна колоний из-за жестокого обращения с коренным населением, является лицемерным предлогом для прикрытия кражи территорий»¹². Сам факт отказа Германии от колоний Шнее объявлял «несовместимым с национальной честью»¹³.

Тем самым Шнее закладывал фундамент для так называемой борьбы с «ложью о колониальной вине» Германии, а именно — с обвинениями со стороны стран-победительниц в том, что Берлин неудовлетворительно управлял своими заморскими территориями, из-за чего немцы должны уступить их странам Антанты. Считая «абсолютно необходимым полностью опровергнуть лживую пропаганду врагов»¹⁴, Шнее подготовил и издал в 1924 г. в журнале «Южногерманский ежемесячник» (*Süddeutsche Monatshefte*) статью «Ложь о колониальной вине», в которой, опираясь на материалы, собранные за период его службы в колониальном ведомстве, официальные документы Германии и стран Антанты, публицистику времен Великой войны, бывший губернатор Германской Восточной Африки опровергал обвинения оппонентов в том, что Германия была «некомпетентной в колониальном плане». Приводя в пример собственный

¹⁰ *Beer G.L.* African Question at the Paris Peace Conference with Papers on Egypt, Mesopotamia, and the Colonial Settlement. New York, 1923. P. 37.

¹¹ *Schnee H.* Deutsch-Ostafrika im Weltkrieg: Wie wir lebten und kämpften. Leipzig, 1919. S. 438.

¹² *Ibid.* S. 425.

¹³ *Ibid.* S. 426.

¹⁴ *Schnee H.* Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 167.

труд на поприще губернатора, Шнее пытался доказать, что он (равно как и все остальные управляющие германскими колониями) «ставил во главу угла заботу о вверенном ему населении» и с этой целью стремился защитить туземцев от любых притеснений, развивал трудовое законодательство, обеспечивал необходимые санитарные меры и боролся с эпидемиями, облегчал чернокожему населению доступ к образованию и совершенствовал методы ведения сельского хозяйства. Доказывая, что немецкая колониальная политика была направлена на «экономическое развитие колоний, сохранение коренного населения и его прогресс в области культуры», раскрывая агрессивные замыслы стран Антанты в отношении заморских владений Германии накануне мировой войны и подчеркивая несостоятельность мандатной системы, воздвигнутой на «фундаменте из лжи», Шнее провозглашал, что кампанию борьбы с тезисом о «колониальной вине» следует вести до тех пор, пока «практическим ее следствием не станет возвращение Германии ее колоний»¹⁵.

На статью откликнулись многие авторы, написавшие большое количество рецензий и новых работ по данной тематике. Вслед за Шнее участники дискуссии опровергали «колониальную вину» по двум направлениям: с одной стороны, указывалось, что злоупотребления и недостатки были присущи всем колониальным державам, а с другой — всячески подчеркивались положительные достижения Германии в ее бывших владениях и преуменьшались неудачи¹⁶. Сам Шнее уже в 1926 г. развил свои идеи в книге «Германская колонизация в прошлом и будущем», в которой доказывал, что мандаты на бывшие африканские владения должны быть переданы Германии на том основании, что туземное население и в годы Великой войны, и после ее окончания сохраняло верность Берлину — «какие бы формальные заявления об обратном ни делались под давлением военных угроз, страданий и голода»¹⁷.

Свои взгляды Шнее активно продвигал не только на страницах печатных изданий, но и в публичных выступлениях. В 1924 г. Шнее принял участие в Колониальном конгрессе в Берлинском университете, приуроченном к 40-летию начала активной колониальной деятельности Второго рейха. В качестве главы секции «Колониальная

¹⁵ Dr. Heinrich Schnee (Gouverneur): Die koloniale Schuldfrage; Druck. Süddeutsche Monatshefte. Jan. 1924 // Bundesarchiv (далее — BArch). R 43-I/625. Bl. 10-32v.

¹⁶ Schmokel W.W. Dream of Empire: German Colonialism, 1919–1945. New Haven; London, 1964. P. 66.

¹⁷ Schnee H. German Colonization Past and Future: The Truth about the German Colonies. London, 1926. P. 66.

политика» он выступил с докладом «Мандатная политика», в котором обвинил страны-мандатарии, получившие под свой контроль бывшие германские колонии, в стремлении к их аннексии. Он подчеркивал, что по сравнению с временами германского владычества условия для жизни и экономической деятельности туземного населения значительно ухудшились, налоговый гнет возрос, новые власти (особенно французские) обвинялись в милитаризации бывших заморских владений Германии. Шнее видел лишь один выход из сложившейся ситуации: бывшие колонии должны быть возвращены Германии. Без этого, как утверждал докладчик, страна «зачахнет в континентальной узости»¹⁸. К аудитории же он обращал призыв: «Совместными усилиями мы должны добиться возобновления заморской колонизации ради блага нашего Отечества, ради блага коренных народов и ради блага всего человечества»¹⁹.

В аналогичном ключе Шнее выступал и в рейхстаге, куда он неоднократно избирался от Немецкой народной партии. Сторонники партии называли его «одним из самых успешных и энергичных колониальных лидеров, чья кампания против колониальной вины вызвала большой резонанс как внутри страны, так и за рубежом»²⁰. В стенах парламента по его инициативе в 1925 г. была создана «Межфракционная колониальная ассоциация». На заседаниях рейхстага Шнее в спорах с представителями КПП и СДПГ, клеймившими колониальные устремления как дело исключительно воинствующих шовинистов, подчеркивал неравноправное положение немцев в подмандатных территориях и продолжал свою борьбу с «ложью о колониальной вине» Германии. Он утверждал, что германские колониальные власти «за 30 лет превратили дикие и неразвитые страны в благоустроенные, процветающие колонии», которые производили «все больше продукции для внутреннего и мирового рынка»²¹. Обращаясь к экономическим аргументам, Шнее заявлял: «Наша родная земля слишком тесна для нас, она не может прокормить всё население. У нас должны быть свободные территории, где мы сможем производить продукты питания и сырье для преумножения внутреннего

¹⁸ Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1924 zu Berlin am 17. Und 18. September 1924. Berlin, 1924. S. 13.

¹⁹ Ibid. S. 14.

²⁰ Oppenheimer F. Gouverneur Dr. Schnee Reichstagskandidat // Kolonial-Warte. 14. März 1924. Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv (далее — HWWA). pe/015752, f. 0021. — URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json> (дата обращения 10.09.2025).

²¹ Dr. Schnee. Auslandsdeutschtum. Lage der Deutschen im Ausland // Verhandlungen des Deutschen Reichstags. Bd. 385, 64. Sitz. S. 1967B.

производства»²². «Вопросом жизни и смерти для немецкого народа» он провозглашал борьбу с «ложью о колониальной вине» и за возвращение утраченных заморских владений²³.

Шнее был готов бороться за реституцию германских колониальных владений не только в роли публициста, но и в качестве дипломата. В 1919 г. в Министерстве иностранных дел рассматривали возможность отправить бывшего губернатора Германской Восточной Африки послом в Аргентину в связи с распространенной в то время идеей переселения немцев из утраченных заморских владений в Южную Америку. Не веря в подобные планы и не имея достаточных знаний о южноамериканском континенте, Шнее выражал надежду, что его направят послом в Великобританию или США для того, чтобы он мог вести в Лондоне или Вашингтоне переговоры о возвращении Веймарской республике отторгнутых колоний²⁴. Однако этим мечтам не было суждено сбыться, ввиду чего Шнее сосредоточил свое внимание на публицистической деятельности, стремясь повлиять на внешнеполитический курс Германии своими трудами, выступлениями, обращениями и петициями. В немалой степени этому способствовали связи бывшего губернатора: в апреле 1920 г. во время пребывания в Ганновере он нанес визит генерал-фельдмаршалу П. фон Гинденбургу, с которым сошелся во взглядах на многие вопросы, в том числе о причинах войны, которые оба деятеля усматривали в экономической конкуренции между Великобританией и Германией²⁵. Впоследствии Шнее мог использовать дружественное расположение Гинденбурга, избранного в 1925 г. рейхспрезидентом, для укрепления позиций колониального лобби и оказания давления на правительство Веймарской республики.

Потенциальную возможность реституции бывших колониальных владений Шнее видел во вступлении Германии в Лигу Наций и, в частности, ее присоединении к работе Постоянной мандатной комиссии. Следует отметить, что до середины 1920-х гг. он относился к самой идее мандатов крайне отрицательно и в своих трудах с опорой на донесения представителей Лиги доказывал, что «экономическое и культурное развитие народов, оказавшихся под мандатным управлением, серьезно подорвано»²⁶ и что «на подмандатных терри-

²² Ibid. S. 1968A.

²³ Ibidem.

²⁴ *Schnee H.* Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 156–157.

²⁵ Ibid. S. 172.

²⁶ *Schnee H.* Die deutschen Kolonien unter fremder Mandatherrschaft. Leipzig, 1922.

ториях практикуется расовая дискриминация, а коренное население подвергается жестокому и унижительному обращению»²⁷. Причину этого он видел в том, что немецкие колонии были переданы нациям, «уже пресыщенным заморскими владениями» и «обремененным значительными и грозными колониальными проблемами», из-за чего они, по мнению Шнее, «не имели ни склонности, ни необходимых сил, чтобы посвятить себя решению великих конструктивных задач, подразумеваемых современной колонизацией»²⁸. В связи с этим он требовал прямого возврата отторгнутых территорий Германии и восстановления ее «в рядах колонизаторских держав — со статусом, равным тому, что она завоевала для себя неисчислимыми усилиями и жертвами в борьбе, длившейся более тридцати лет»²⁹.

Однако постепенное осознание невозможности скорого восстановления прямого контроля над бывшими заморскими владениями подталкивало Шнее к переосмыслению тактики борьбы и склоняло его к согласию с существованием мандатной системы, но при условии участия в ней Веймарской республики. Шнее подчеркивал, что равноправный статус с другими членами Лиги невозможен без признания за Германией права на колонизацию, и потому «для принятия в Лигу Наций необходимо выдвинуть безусловное требование о том, чтобы Германия получила мандат на свои колонии»³⁰. При этом ему явно было близко мнение, высказанное обер-бургомистром Кёльна К. Аденауэром, что участие в мандатной системе должно рассматриваться лишь как первый шаг на пути к конечной цели в виде «свободного распоряжения собственными колониями»³¹, т.е. от аннексионистских замыслов Шнее все же не отказывался.

Это в определенной степени совпадало с мнением министра иностранных дел Германии Г. Штреземана, признававшего в те же годы, что «исключенная после проигранной войны из любой колониальной деятельности Германия рассчитывает со временем активно участвовать в мандатной системе»³². Однако на Вильгельмштрассе

²⁷ Ibid. S. 70.

²⁸ *Schnee H.* German Colonization Past and Future: The Truth about the German Colonies. P. 175.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Verhandlungen des Deutschen Kolonialkongresses 1924 zu Berlin am 17. Und 18. September 1924. S. 13.

³¹ Abschrift aus: "Europäische Gespräche", Hamburger Monatshefte für Auswärtige Politik. Inhalt: Soll Deutschland Kolonialpolitik treiben? 12. Dezember 1927 // BArch. R 8023/664. Bl. 9.

³² Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten. Leipzig, 1938. S. 500.

придерживались мнения, что первоочередными для германской внешней политики являлись иные вопросы, а именно: реструктуризация и сокращение репарационных выплат, вывод сил Антанты из Рейнской демилитаризованной зоны и пересмотр послевоенных границ в Европе (прежде всего на востоке). Направляя на их решение свои основные силы, Штресман и его подчиненные отмечали, что, не отказываясь от «надежды на возвращение колониальных территорий», германской дипломатии следует быть «чрезвычайно осторожной в этом деликатном вопросе»³³. Подобная осторожность вызывала определенное недовольство в колониальных кругах, на что указывал Штресману сам Шнее в одном из писем в апреле 1925 г.³⁴ В ответном письме министр заверял бывшего губернатора Германской Восточной Африки в том, что в Министерстве иностранных дел осознают всю важность колониального вопроса³⁵.

Потенциальная возможность для выдвижения германских претензий на возобновление колониальной деятельности, по мнению многих деятелей ревизионистского движения, появилась в 1925 г. в связи с подготовкой Локарнской конференции. Представители колониального лобби надеялись, что переговоры в Локарно возвестят о восстановлении великодержавного статуса Германии и завершат период исключения немцев из числа народов-колонизаторов. В связи с подготовкой конференции некоторые представители колониального лобби предпринимали попытки поднять шум в прессе и направляли в Министерство иностранных дел письма, телеграммы и петиции с целью гарантировать, что колониальные интересы страны не будут забыты за столом переговоров.

Что касается Шнее, то он в это время активно работал над сведением своих статей о колониальном прошлом Германии и «лжи о колониальной вине» в единую книгу с последующим ее переводом на английский язык. К июлю 1925 г. рукопись уже была принята к публикации лондонским издательством Allen & Unwin и ожидала предисловия от английского историка У.Х. Доусона, симпатизировавшего Германии. Планировался также перевод книги на французский язык. Шнее надеялся, что его труд выйдет вовремя и сможет склонить общественное мнение Великобритании и Франции на

³³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. A. Bd. IX. 16. November 1923 bis 6. April 1924. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. S. 651–652.

³⁴ Gouverneur a. D. Schnee an Stresemann. 25. April 1925 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее — PAAA). NL 306/24. Bl. H158812-H158813.

³⁵ Stresemann an Gouverneur a. D. Schnee. 28. April 1925 // PAAA. NL 306/24. Bl. H158877-H158878.

сторону Германии до начала переговоров в Локарно. Однако книга вышла в свет лишь весной 1926 г., соответственно, повлиять на ход переговоров она никак не смогла³⁶. Тем не менее впоследствии она была издана не только на английском и французском, но также на итальянском и испанском языках и привлекла достаточно широкое внимание во всем мире (несмотря на данную книге невысокую оценку со стороны газеты «Таймс», которая пренебрежительно назвала труд Шнее «поразительнейшей коллекцией обвинений в адрес британского правления»³⁷).

На самой же конференции германская делегация не рискнула поднимать вопрос о реституции германских колониальных владений: Штреземан понимал, что его коллеги из Великобритании и Франции — О. Чемберлен и А. Бриан — в первую очередь были заинтересованы в сохранении мира в Европе посредством сближения Франции и Германии и интеграции последней в систему международных отношений посредством приема в Лигу Наций. Соответственно, обращение к колониальной теме могло вызвать серьезное сопротивление с их стороны и поставить под угрозу сам замысел конференции. В результате единственной по-настоящему важной уступкой в пользу Германии по колониальному вопросу стало решение о допуске германского представителя в Постоянную мандатную комиссию Лиги Наций после принятия Веймарской республики в международную организацию. Вслед за этим Колониальный конгресс в Гамбурге, проходивший с 31 июля по 4 августа 1926 г., принял резолюцию, провозглашавшую, что вступление в Лигу Наций будет «воспринято немецким народом как признание того, что Германия в своем положении в семье наций не уступает никому, и, следовательно, должно рассматриваться как подтверждение ее права на приобретение колоний»³⁸.

Уже после смерти Штреземана в 1929 г. Шнее согласился с подходом экс-министра, признав, что на первом месте для страны являлось решение вопросов репараций и восстановления германского контроля над Рейнской областью, из-за чего решение колониального вопроса могло быть временно отложено. Но с окончанием эвакуации войск Антанты из Рейнской области в 1930 г., по мнению Шнее, настал момент, когда «колониальным требованиям следует придать большее значение», поскольку это связано с «требованием равных

³⁶ Wempe S.A. Peripheral Players? German Colonial Interests, the Press, and the Spirit of Locarno // *The International History Review*. 2018. Vol. 40. No. 1. P. 186.

³⁷ Germany's Lost Colonies. Dr. Schnee's Plea // *The Times*. 1926. 15 June. P. 10.

³⁸ Germans Agitate To Regain Colonies // *The New York Times*. 1926. 15 August. P. 2.

прав для Германии»³⁹. Оценивая итоги внешней политики за первое послевоенное десятилетие, Шнее писал, что немцы «все еще далеки от восстановления свободы и независимости Германии и от ее подлинного равенства между нациями» в том числе потому, что Веймарская республика была исключена из процесса колонизации⁴⁰.

И Шнее не оставлял попыток добиться исправления данной ситуации. Под его влиянием германский представитель в Постоянной мандатной комиссии Л. Кастл озвучивал требования об отказе Бельгии в пользу Германии от мандата на Руанду-Урунди в связи с неэффективной медицинской помощью в условиях голода и гуманитарной катастрофы⁴¹. Сам Шнее, используя свое положение главы «Межфракционной колониальной ассоциации», пристально следил за соблюдением мандатного режима в бывших германских владениях и, в частности, выступал против попыток стран-мандатариев более тесно интегрировать подмандатные территории в свои колониальные империи. Так, в 1928 г. бывший губернатор Восточной Африки выступил в рейхстаге с речью против планов Лондона по созданию Восточно-Африканской федерации в составе Танганьики, Кении и Уганды⁴². Позднее, в 1932 г., будучи членом комиссии графа Литтона, которая расследовала обстоятельства японского вторжения в Маньчжурию, Шнее предлагал наказать Японию за совершенный акт агрессии посредством отзыва ее мандата на тихоокеанские владения с последующей передачей его Германии⁴³.

Политическая и публицистическая активность Шнее способствовала его популярности в 1920-е гг., проявлением чего было его избрание в 1925 г. президентом Рабочего комитета немецких ассоциаций (организации, основанной в 1921 г. с целью борьбы с Версальским договором и с обвинениями Германии в развязывании мировой войны), в 1926 г. — президентом действующей с 1919 г. Ассоциации немцев за рубежом, а в 1930 г. — президентом Немецкого колониального общества, основанного еще в 1887 г. с целью продвижения колониальных идей среди германской общественности. Заняв последний пост, Шнее начал кампанию за объединение «всех элемен-

³⁹ Dr. Schnee. Kolonialfragen // Verhandlungen des Deutschen Reichstags. Bd. 428, 185. Sitz. S. 5915B.

⁴⁰ Zehn Jahre Versailles. Bd. I. Berlin, 1929. S. 182.

⁴¹ Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. New York, 2017. P. 248–249.

⁴² Dr. Schnee. Auswärtige Politik. Januar 1928 // Verhandlungen des Deutschen Reichstags. Bd. 394, 373. Sitz. S. 12566C–12568C.

⁴³ Wempe S.A. Revenants of the German Empire. P. 210.

тов колониального движения», что в конечном итоге привело к слиянию Немецкого колониального общества с другими организациями, в том числе с Немецким союзом ветеранов колониальных войск⁴⁴. Благодаря этому, а также ввиду радикализации германского общества в условиях политической и экономической нестабильности в стране в начале 1930-х гг. число членов объединенной организации начало постепенно увеличиваться и к 1932 г. насчитывало от 20 до 30 тыс. человек. В 1931 г. в германской прессе во множестве печатались поздравления в честь 60-летия Шнее — «самого ревностного борца с ложью о колониальной вине» и «неутомимого поборника колониальных устремлений Германии», которому желали «увидеть плоды своих трудов на благо родины»⁴⁵. Поздравления юбиляру направил сам рейхспрезидент фон Гинденбург⁴⁶. В конце 1932 г. германские газеты (например, дортмундский вестник “General-Anzeiger”) даже рассматривали возможность выдвижения кандидатуры Шнее на пост рейхсканцлера⁴⁷.

Вместе с тем в условиях охватившего Германию кризиса Шнее не мог не реагировать на вызов со стороны национал-социалистов, также активно привлекавших сторонников лозунгами о пересмотре Версальского мирного договора, возвращении утраченных по итогам Великой войны территорий и завоевании «жизненного пространства» на востоке Европы. Ввиду того, что в третьем пункте программы НСДАП говорилось о необходимости колоний «для пропитания германского народа и для расселения избыточного германского населения»⁴⁸, первоначально Шнее видел в них потенциальных союзников в борьбе за реституцию заморских владений. Из-за этого в 1932 г. он вышел из Немецкой народной партии (согласно его открытому письму — в знак протеста против политики кабинета Ф. фон Папена и в целях «объединения всех национальных сил ради

⁴⁴ *Schnee H.* Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 180.

⁴⁵ Gouverneur z. D. Dr. Schnee, M.d.R. 60 Jahre alt // *Übersee- und Kolonial Zeitung*. Deutsche Kolonial-Zeitung (Berlin). 1. Feb. 1931. HWWA. [pe/015752, f. 0025](https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json). — URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json> (дата обращения 10.09.2025).

⁴⁶ Schreiben des Reichspräsidenten // *Übersee- und Kolonial Zeitung*. Deutsche Kolonial-Zeitung (Berlin). 1. März 1931. HWWA. [pe/015752, f. 0032](https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json). — URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json> (дата обращения 10.09.2025).

⁴⁷ Der Herrenreiter vor dem Sturz? Das Kabinett Papen in der Krise // *General-Anzeiger für Dortmund und das gesamte rheinisch-westfälische Industriegebiet*. 1932. 3. November. S. 1.

⁴⁸ «Двадцать пять пунктов» // Хронос: всемирная история в интернете. — URL: https://hrono.ru/dokum/192_dok/19200224punkt.php (дата обращения 10.09.2025).

возрождения Германии»⁴⁹), а уже в 1933 г. вступил в ряды НСДАП. Лишь намного позже он осознал, что нацисты в подавляющем большинстве выступали против расселения немцев за пределами Европы, ввиду чего в определенной степени разочаровался в сотрудничестве с гитлеровцами⁵⁰.

Тем не менее в первые годы после прихода к власти нацистов положение Шнее, как он надеялся, должно было упрочиться. Он продолжал свою публицистическую деятельность и в газетных статьях заявлял, что в условиях, когда «когда немецкий народ под руководством своего лидера Адольфа Гитлера готовится перестроить свои отношения с другими странами на основе равной чести, равной свободы и равноправия... восстановление немецкой чести и равенства также требует устранения колониальной дискриминации»⁵¹. В изданной в 1935 г. книге «Немецкие колонии до, во время и после мировой войны» он приветствовал выход Германии из Лиги Наций, состоявшийся в 1933 г., и провозглашал: «Очевидно, что великая культурная нация, достигшая также значительных успехов в колониальной сфере, не может допустить исключения из круга колонизирующих держав. Рейхсканцлер Адольф Гитлер своим требованием равных прав для Германии нашел единодушное одобрение среди немецкого народа. Это требование в равной степени относится как к колониальным территориям, так и к другим вопросам, затрагивающим жизнь немецкого народа. Оно не умолкнет, пока не найдет удовлетворения»⁵². В марте того же года Шнее направил фюреру доклад «Равноправие Германии и колониальный вопрос», в котором указывал, что возвращение Третьего рейха в Лигу Наций возможно только в том случае, если к нему будут относиться «как к равноправной и равноценной державе в колониальных вопросах», т.е. при условии реституции владений в Африке и на Тихом океане (за вычетом тех, что отошли к Японии — потенциальной союзнице рейха). Как утверждал Шнее, подобное требование проистекало в первую очередь из потребностей экономики: колонии могли бы обеспечить

⁴⁹ Gouverneur Schnee aus der Deutschen Volkspartei ausgeschieden // Honnefer Volkszeitung, 1932. 2. November. S. 3.

⁵⁰ Schnee H. Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 180.

⁵¹ Aufruf des ehem. Gouverneurs Schnee zur Deutschen Kolonialtagung // Freiburger Zeitung, Donnerstag, 16.05.1935, No. 132, Morgenausgabe, 5. Seite. — URL: <https://www.freiburg-postkolonial.de/Seiten/FreiburgerZeitung1935-05-16.htm> (дата обращения 10.09.2025).

⁵² Schnee H. Die deutschen Kolonien vor, in und nach dem Weltkrieg. Leipzig, 1935. S. 157.

поставки сырья, дать рынок сбыта для промышленных товаров и помочь с трудоустройством немецких граждан⁵³.

Подобная демонстрация лояльности в отношении гитлеровского режима объяснялась не только симпатиями Шнее к нацистским идеям расширения «жизненного пространства» для германского народа и желанием направить экспансионистские замыслы фюрера в заокеанском направлении, но и стремлением предотвратить «гляйхшальтунг» возглавляемых им обществ со стороны нацистской партии и сохранить свои позиции как ключевой фигуры в германском колониальном ревизионистском движении. Однако надежды Шнее не оправдались. Уже в 1933 г. он был удален с поста президента Ассоциации немцев за рубежом, а в 1934 г. в НСДАП было создано Колониально-политическое управление во главе с генерал-лейтенантом (с 1935 г. — генералом пехоты) Ф. фон Эппом. Уже в 1935 г. он сообщил Шнее желание фюрера, чтобы в будущем колониальный вопрос решался исключительно партией⁵⁴. С этой целью в 1936 г. по решению Гитлера был создан Имперский колониальный союз, объединивший все колониальные ассоциации — в том числе возглавляемые Шнее. Бывший губернатор Германской Восточной Африки теперь оказался и бывшим президентом Немецкого колониального общества, число членов которого к 1936 г. составляло около 50 тыс. человек.

Отодвинутый на задний план, Шнее во второй половине 1930-х гг. продолжал работу на политическом и публицистическом поприще. Как член НСДАП, он заседал в рейхстаге и возглавлял Немецкое мировое экономическое общество и Немецкое общество международного права и мировой политики. В своих статьях он по-прежнему доказывал, что «потребность в колониях в нашей густонаселенной стране всегда будет возникать как нечто само собой разумеющееся»⁵⁵. В 1941 г. газеты Третьего рейха приветствовали 70-летнего юбиляра словами благодарности за службу колониальной идее и желали ему увидеть «неминуемый рассвет новой германской колониальной империи и всемирное признание Германии»⁵⁶. Однако

⁵³ Deutschlands Gleichberechtigung und die Kolonialfrage, Aufzeichnung von Dr. Heinrich Schnee, Präs. der Dt. Kolonialgesellschaft. 1935 // BArch. R 43-I/627. Bl. 20–27.

⁵⁴ Sandler W.H. "Colonizers Are Born, Not Made": Creating a Colonialist Identity in Nazi Germany, 1933–1945. Duke University, 2012. P. 223–228.

⁵⁵ Schnee H. Deutschlands koloniale Forderungen // Freiburger Zeitung, Samstag, 30.01.1937, 2. Blatt (Sonderausgabe), 4. Seite. — URL: <https://freiburg-postkolonial.de/Seiten/FreiburgerZeitung1937-01-30.htm> (дата обращения 10.09.2025).

⁵⁶ Gouverneur Dr. Heinrich Schnee zum 70. Geburtstag // Afrika Rundschau (Hamburg). Jan. 1941. HWWA. pe/015752, f. 0050. — URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json> (дата обращения 10.09.2025).

реального влияния на общественно-политические процессы в стране Шнее уже не имел.

Тем временем поражения Германии и ее союзников на фронтах Второй мировой войны стремительно сокращали и без того достаточно призрачные возможности для возвращения колониальных владений. После поражения немецких войск под Сталинградом и в Северной Африке Имперский колониальный союз был распущен 1 апреля 1943 г. Как писал Шнее, организация, насчитывавшая к тому времени свыше двух миллионов членов, «внезапно растворилась в воздухе»⁵⁷. При этом на пике экспансии Третьего рейха бывшего губернатора спрашивали, вернется ли он в случае победы в Восточную Африку, но Шнее в ответ лишь промолчал. Уже после гибели Шнее авторы его некролога рассуждали о причинах этого молчания: «Были ли у него сомнения в искренности колониальных планов Гитлера, что с таким трудом драпировались для неискушенных знатоков? Или он чувствовал, что эпоха колоний старого образца подходит к концу?»⁵⁸

В 1945 г. Третий рейх пал, потерпев сокрушительное поражение в войне. Судьба Шнее теперь оказалась во власти оккупационных властей, и, поскольку он долгие годы являлся депутатом рейхстага от НСДАП, ему было отказано в денацификации⁵⁹ — несмотря на то, что его досье включало множество трогательных писем от противников гитлеровского режима, подтверждавших, что Шнее вместе со своей супругой Адой неоднократно помогал движению Сопротивления в Германии⁶⁰. Как следствие, в последние годы жизни Шнее было запрещено продолжать работу в государственных и общественных организациях, а также публиковать новые труды. В 1949 г. жизнь бывшего губернатора Германской Восточной Африки оборвалась под колесами общественного транспорта в Берлине.

Анализ деятельности Генриха Шнее в межвоенный период показывает, что в 1920-е гг. он был одним из общепризнанных лидеров германского колониального ревизионистского движения и выступал в роли его рупора, стремясь не только сохранять колониальные вопросы в центре внимания общественности Веймарской республики, но и защищать колониальные интересы Германии за рубежом

⁵⁷ *Schnee H.* Als letzter Gouverneur in Deutsch-Ostafrika: Erinnerungen. S. 181.

⁵⁸ Der letzte Gouverneur des ehemaligen Deutsch-Ostafrika erlitt in Berlin einen tödlichen Autounfall // *Interpress* (Hamburg). 27. Juni 1949. HWWA. pe/015752, f. 0058. — URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json> (дата обращения 10.09.2025).

⁵⁹ Heinrich Schnee nicht entnazifiziert // *Die Welt*/Hamburg. 20. Feb. 1947. HWWA. pe/015752, f. 0057. — URL: <https://pm20.zbw.eu/mirador/?manifestId=https://pm20.zbw.eu/iiif/folder/pe/015752/manifest.json> (дата обращения 10.09.2025).

⁶⁰ *Gann L.H.* Op. cit. P. 519.

(в том числе в бывших заморских владениях). Именно он сформулировал одну из ключевых задач данного движения — борьбу с так называемой «ложью о колониальной вине» Германии, и с помощью своих публикаций и выступлений способствовал распространению и укреплению колониальной идеи среди широких слоев германского населения. Своими действиями он и его сторонники способствовали оформлению восприятия Веймарской республики как периода «колониального безвременья», который непременно должен быть преодолен, что в определенной степени ослабляло легитимность демократического режима, установившегося в стране по итогам Ноябрьской революции 1918 г. Тем самым Шнее совместно с другими деятелями колониального лобби приближал захват власти национал-социалистами, не подозревая, что новым властям Третьего рейха его услуги уже не потребуются, прежде всего — ввиду смещения приоритетов во внешней политике на захват «жизненного пространства» в самой Европе.

References

Abermeth K. Heinrich Schnee. *Karrierewege und Erfahrungswelten eines deutschen Kolonialbeamten*. Kiel: Solivagus, 2017. 531 S.

Gann L.H. Heinrich Schnee (1871–1949) // *African Proconsuls: European Governors in Africa*. New York: Free Press, 1978. P. 492–522.

Laak D., van. “Ist je ein Reich, das es nicht gab, so gut verwaltet worden?” *Der imaginäre Ausbau der imperialen Infrastruktur in Deutschland nach 1918 // Phantasiereiche. Zur Kulturgeschichte des deutschen Kolonialismus*. Frankfurt: Campus Verlag, 2003. S. 71–90.

Pedersen S. *The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire*. New York: Oxford University Press, 2017. XVIII, 571 p.

Sandler W.H. “Colonizers Are Born, Not Made”: Creating a Colonialist Identity in Nazi Germany, 1933–1945. Durham: Duke University, 2012. XII, 492 p.

Schmokel W.W. *Dream of Empire: German Colonialism, 1919–1945*. New Haven; London: Yale University Press, 1964. XIV, 204 p.

Wempe S.A. *Peripheral Players? German Colonial Interests, the Press, and the Spirit of Locarno* // *The International History Review*. 2018. Vol. 40. No. 1. P. 177–205.

Wempe S.A. *Revenants of the German Empire: Colonial Germans, Imperialism, & the League of Nations*. New York: Oxford University Press, 2019. XIV, 288 p.

Поступила в редакцию
15 октября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-82-98

Ю.С. Усачева, Л.К. Рябова

**П.Б. СТРУВЕ КАК ИСТОРИК И ПАТРИОТ:
ЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД**

Ju.S. Usacheva, L.K. Ryabova

**P.B. STRUVE AS A HISTORIAN AND PATRIOT:
THE ÉMIGRÉ PERIOD**

Аннотация. Наследие Петра Бернгардовича Струве в области исторической науки изучено в меньшей степени, чем его работы в области общественной мысли, экономической теории или политическая публицистика. Специальных работ по истории России у Струве немного. В небольших публикациях дореволюционного времени им была сформулирована идея Великой России, изложенная в контексте русской истории. Несколько статей посвящены русским историкам, прежде всего — в связи с изучением формирования русского национального самосознания. Основной исторический труд Струве «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» хотя и остался незавершенным, может быть помещен в ряд значительных произведений, выполненных в традициях не только русской историографии, но и русской историософии. В нем прослеживается связь исторической концепции ученого с пониманием национализма и патриотизма и, по сути, изложена «философия патриотизма». В трактовке Струве патриотизм и национализм есть идентичные понятия,

Усачева Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, руководитель галерейного департамента Императорского фарфорового завода

Usacheva Iuliia Sergeevna, PhD Candidate in History, Head, Gallery Department, Imperial Porcelain Manufactory

yul4a@yandex.ru

ORCID 0009-0000-9960-4346

Рябова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ryabova Liudmila Konstantinovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies of Russian History, Institute of History, Saint Petersburg State University

l.ryabova@spbu.ru

ORCID 0000-0002-4127-7693

два проявления национального чувства. В статье обращается внимание на противоречия концепции «истинного национализма», единственным видом которого, по мнению Струве, является либерализм. В эмигрантский период жизни Струве сложность и противоречивость трактовки этих понятий в наиболее очевидной форме проявились накануне и в годы Второй мировой войны, когда перед русской эмиграцией встала задача определить свое отношение к власти большевиков на фоне угрозы потери независимости России. Расхождение между теоретическими воззрениями и практикой, т.е. позиций в отношении России и Германии, обнаружилось в публикациях Струве 1930-х гг. Хотя острота полемики в русском зарубежье по этому вопросу уже была предметом исследований в научной литературе, приводимые в статье документы, в частности — свидетельства близкого друга П.Б. Струве Е.Д. Кусковой, дополняют картину драматического «раскола» сознания Струве-ученого и Струве-политика.

Ключевые слова: П.Б. Струве, историософия, концепция патриотизма, национализм, русское зарубежье 1920–1930-х гг., Е.Д. Кускова.

Abstract. The legacy of Petr Berngardovich Struve as a historian has received considerably less scholarly attention than his contributions to social thought, economic theory, and political journalism. Struve produced relatively few works devoted specifically to Russian history. In a number of shorter publications written before the Revolution, however, he formulated the idea of a *Great Russia* and situated it within the broader context of Russian historical development. Several of his articles were devoted to Russian historians, primarily in connection with his interest in the formation of Russian national consciousness. Struve's principal historical work, *The Social and Economic History of Russia from the Earliest Times to the Present, in Connection with the Development of Russian Culture and the Growth of Russian Statehood*, remained unfinished, yet may nevertheless be regarded as a major contribution to the traditions not only of Russian historiography but also of Russian historiosophy. The work reveals the close relationship between Struve's conception of history and his understanding of nationalism and patriotism and, in effect, articulates a distinctive "philosophy of patriotism". In Struve's interpretation, patriotism and nationalism are essentially identical concepts, representing two manifestations of national sentiment. The article draws particular attention to the contradictions inherent in Struve's concept of "true nationalism", whose only genuine form, in his view, was liberalism. During his years in emigration, the complexity and internal tensions of his understanding of these concepts became especially apparent on the eve of and during the Second World War, when the Russian émigré community was compelled to define its attitude toward Bolshevik rule against the background of the threat to Russia's independence. The divergence between Struve's theoretical convictions and his practical political position – most notably in relation to Russia and Germany — became evident in his publications of the 1930s. Although the intensity of the controversy within the Russian émigré milieu over this issue has already been examined in the scholarly literature, the documents discussed in the present article, particularly the testimony of Struve's close friend E.D. Kuskova, add important detail to the picture of the dramatic inner "split" between Struve the scholar and Struve the political thinker.

Keywords: P.B. Struve, historiosophy, concept of patriotism, nationalism, Russian émigré community of the 1920s–1930s, E.D. Kuskova.

* * *

В истории русского зарубежья Петр Бернгардович Струве (1870–1944) является одной из самых заметных фигур, чье творческое наследие насчитывает более шестисот работ в самых различных областях знания — общественной мысли, философии, экономической теории, истории, литературоведении. Уже его современники говорили о нем как о выдающемся мыслителе и общественном деятеле. В предлагаемом исследовании речь пойдет о Струве-историке и теоретике в области национально-государственных вопросов в эмигрантский период, когда особенно рельефно проявились противоречивость воззрений «патриота Великой России», как назвал Петра Бернгардовича в книге о нем Н. Полторацкий¹.

В российской историографии исследований, посвященных анализу исторических взглядов мыслителя, немного². Большинство работ обращено к таким проблемам в его творчестве, как «либеральный консерватизм», марксизм, а также экономическим построениям ученого. В двухтомном труде Р. Пайпса исторической концепции Струве уделены лишь полторы страницы³. К тому же исторические взгляды ученого, равно как и в целом его биография, в оценке Р. Пайпса требуют осторожного подхода, и здесь нельзя не согласиться с мнением автора объемного сочинения о Струве М. Колерова, что, «воспроизводя ключевые ходы мысли самого Струве в своих трудах о России, Р. Пайпс, тем не менее, оставался русофобом, что придает его фундаментальному исследованию в целом более идеологический, нежели исторический характер»⁴. Если говорить о зарубежной историографии, то следует упомянуть и известную работу М. Раева «Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939». В обширной главе «Память о прошлом. История и историки в русском зарубежье», в которой разбирается

¹ Полторацкий Н. П.Б. Струве как политический мыслитель. Лондон, 1981.

² Балув Б. П. П. Б. Струве как историк (к постановке проблемы) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 117–133; Олегина И.Н. П.Б. Струве о происхождении русской революции 1917 года // Петр Бернгардович Струве (к 125-летию со дня рождения). Сборник научных статей. СПб., 1996; Симачкова Н.Н. и др. Концепция патриотизма П. Б. Струве // Образование и право. 2024. № 5; Жукова О.А. Дискурс о России и проблема общественного идеала в работах П.Б. Струве 1930-х гг. // История философии. 2022. Т. 27. № 1.

³ Пайпс Р. Струве. Биография. Т. 2. Правый либерал, 1905–1944. М., 2001.

⁴ Колеров М.А. Петр Струве: революционер без масс 1870–1918. М., 2020. С. 7.

наследие А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, Е.Ф. Шмурло и других, труд Струве лишь упомянут в сноске вместе с главой о крепостном праве, написанной для первого тома «Кембриджской экономической истории Европы»⁵.

Тот факт, что этот сегмент наследия Струве представлен в историографии не столь обширно, как другие, обусловлен тем, что история в целом и история России в частности не была основным предметом его исследований. Конечно, это не означает, что Струве никогда ранее не обращался к этой теме. Высоко профессиональным историческим сочинением признан его фундаментальный труд «Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» (1913). Серьезным историческим исследованием стала также книга «Торговая политика России» (1913), составленная из курса лекций по истории внешнеторговой политики России от 1667 г. до конца XIX в. В 1914 г. была опубликована статья «Великая Россия и Святая Русь», в которой автор обозначил в качестве ключевого свойства «развития и сложения» России тесную связь между государственным и национальным развитием, а понятие «Великой России» утверждалось им как государственная формула России, как идея и идеал, в то время как понятие «Святая Русь» выражало «идею русской правды»⁶. Фрагментарные обращения к истории России, безусловно, содержались и во многих других его публикациях, как правило, относящихся к жанру политической публицистики и служивших, главным образом, аргументами в защиту тех или иных взглядов Струве-политика. Вместе с тем, Струве с большим вниманием относился к русской историографии, в частности высоко оценивал «Историю России...» С.М. Соловьева⁷, писал о Н.М. Карамзине, С.Ф. Платонове и других русских историках.

Только после Октябрьской революции 1917 г. и событий, последовавших за ней, Струве поставит для себя целью «пересмотреть» русскую историю. Его интерес к истории и работа еще в дореволюционный период над отдельными сюжетами вылились в основательный труд под названием «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской куль-

⁵ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / Предисл. О. Казниной. М., 1994. С. 279.

⁶ Струве П.А. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. Кн. XII. II отд.

⁷ Струве П.Б. Сергей Михайлович Соловьев // Россия и славянство. 1929. 14 декабря.

туры и ростом российской государственности»⁸, оставшийся незавершенным и опубликованный посмертно в 1952 г. Об истории написания этого единственного созданного в эмиграции исторического труда П.Б. Струве остались свидетельства его сыновей Аркадия Петровича и Глеба Петровича Струве⁹, авторов предисловия к книге, а также воспоминания его близкого друга философа С.Л. Франка¹⁰. В годы Гражданской войны, поддерживая «белое дело», Струве-политик уже осознал необходимость теоретического осмысления случившегося в России. В ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону он читает публичную лекцию, своеобразное «размышление о русской революции», представив развернутую картину исторического прошлого — Иван Грозный, Смуты, кризисы XVIII в. и др. — в стремлении понять истоки русской революции в ее связи с историей.

Вновь к переосмыслению русской истории Струве обращается уже в эмиграции. Он читает серию лекций по «Экономической истории России, в связи с ее общей историей и сравнительно с развитием западных стран», а с 1928 г., переехав в Белград, читает лекции по экономической, социальной и политической истории России в Русском научном институте, продолжая изыскания в области истории¹¹.

В 1938 г. Струве завершил работу над «Введением» и написал первые семь глав «Истории». Однако эта часть работы, подготовленная для печати в серии «Русская научная библиотека», в 1941 г. сгорела, а сам Струве был арестован немцами и переживал страшный и в значительной степени переломный период своей жизни, о котором он потом говорил, что это было «время, когда не мог ничего писать, а только думал»¹².

После переезда в Париж в 1942 г. Струве продолжил работу над рукописью, собирая материал в библиотеках. По свидетельству сыновей Струве, в тяжелейших бытовых условиях и с серьезными проблемами со здоровьем вплоть до своей кончины 26 февраля 1944 г. он работал, написав в черновом виде главы, составившие вторую часть книги. Третья часть представляет собой Приложение, содержа-

⁸ *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Посмертно публикуемый, труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П.Б. Струве. Париж, 1952.

⁹ *Струве А.П. и Г.П.* Предисловие издателей // Струве П.Б. Социальная и экономическая история России ...

¹⁰ *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 9.

¹¹ *Струве А.П. и Г.П.* Предисловие издателей. С. VII.

¹² Цит. по: *Струве А.П. и Г.П.* Предисловие издателей. С. X.

щее статьи, хотя и не предназначенные изначально для «Истории», но имеющие к ней отношение по тематике. Поэтому говорить об исторических взглядах Струве, опираясь на точные формулировки, можно, ссылаясь только на первую и третью части.

Книга открывается «Введением в историю России», в котором изложена методология исследования, дана характеристика письменных источников и сформулированы принципы работы с ними. В контексте и лексике современной методологии истории можно говорить о том, что Струве изначально поставил перед собой задачу преодолеть повествовательный дискурс и обратиться к герменевтическому подходу, с тем чтобы на основании сравнительного анализа развития России и других стран, привлекая не только русские источники, но и иные свидетельства, дать фактам русской истории «наиболее вероятное историко-социологическое» объяснение¹³. Струве поясняет, что в «Истории России» преследовал цель написания «объективного трактата о происхождении, т.е. об исторической подготовке русской революции в сравнительно-историческом обобщении», ибо «корни русской революции глубоко заложены в некоторых основных фактах и процессах русской истории»¹⁴.

В периодизацию русской истории Струве включает Раннее русское средневековье (850–1240), Среднее русское средневековье (1240–1500), Позднее русское средневековье (1500–1648). Этот третий период Струве называет эпохой «великих внутренних противоречий, культурных, социальных и политических». Именно тогда, в течение всего XVI в., готовится Смута, и из «кризиса Смуты» московско-русское государство выходит не ослабленным, а усиленным, укрепленным, что обнаруживается в обширной кодификации 1648–1649 гг. и в расширении государства на Западе и на Востоке.

Новая русская история распадается на периоды московский (1648–1700); петербургский (1700–1800); всероссийский (1800–1917), ставший «эпохой европеизации российского пространства и его населения»¹⁵. Реакция эгалитарных слоев населения на многовековую экономическую и социальную европеизацию, полагал Струве, и стала главной причиной большевистского переворота и большевистского «владычества».

Особое внимание историк уделяет пространственному оформлению государства в период Раннего русского средневековья, отмечая, что «Россия стоит между “Западом” и “Востоком”,

¹³ Струве П.Б. Социальная и экономическая история России... С. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 19.

“Европой” и “Азией”, представляя “Евразию” в широком географическом смысле этого слова и являясь с IX века “Россией” в смысле геополитическом»¹⁶. Здесь его взгляды оказываются близки евразийству. В вопросах образования русского государства он стоит на позициях антинорманской теории. Струве полагал, что произошло не покорение славян, а «постепенная замена одного типа государственного властвования, властвования многих племенных князей, другим типом властвования, более совершенным», и варяги не создали русское государство, они просто заменили «слабые племенные государственные власти единой сильной или, во всяком случае, более сильной надплеменной властью»¹⁷.

Обращаясь к вопросу крещения Руси, Струве полагает, что проникновение православия, восточного христианства, началось более чем за сто лет до 988 г., через варяжскую верхушку. Основным результатом принятия православия историк называет упрочение и закрепление идеи государственности и почитания власти¹⁸.

В отношении периода монгольского завоевания Струве настаивает на том, что покорение Руси татарами есть лишь «милитарный факт, объясняемый численным превосходством, большей военно-бытовой сплоченностью и высшей военной техникой татарской вооруженной силы»¹⁹, не затронувший основ русского государственности, поскольку сами татары никогда не стремились «стать целиком и вплотную на место власти туземной, совершенно вытеснить последнюю»²⁰, для них главной целью было «экономическое» владычество.

Следующая часть книги составлена из его статей, в которых рассмотрены отдельные сюжеты экономического, социального и политического развития российского государства, в том числе крестьянство, «республиканский» и феодальный строй, религия и другие. Заключают эту часть статьи, посвященные русским историкам: «Сергей Михайлович Соловьев», «Памяти В.О. Ключевского», «Памяти С.Ф. Платонова», «Три стиля русской исторической науки и С.Ф. Платонов» и другие.

Нужно отметить, что эта работа Струве, в которую были удачно включены незавершенные главы и черновые наброски, а также его статьи на исторические темы, является оригинальным опытом

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Там же. С. 100.

²⁰ Там же. С. 102.

изучения истории России, хотя многие мысли он не успел развить и, тем самым, завершить оформление своей собственной философии русской истории. Этот труд может быть помещен в ряд значительных произведений, выполненных в традициях не только русской историографии, но и русской историософии.

Представление об исторической концепции П.Б. Струве невозможно отделить от его понимания нации и патриотизма, идеи «национальной империи», вне его концепции «Великой России», которая занимает значительное место в теоретическом наследии мыслителя. Концепция «Великой России» была изложена, главным образом, в уже упоминавшихся выше двух статьях: «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» и «Великая Россия и Святая Русь»; она усложняет концепцию «Великой России» идеей сращивания государственной и духовной мощи отечества. Возрождение России, укрепление ее основ должно произойти, по мысли философа, «на идеях нации и отечества, частной собственности, духовной крепости и свободы лица, мощи и величия государства».

Большое значение для понимания развития взглядов мыслителя имеет и написанная значительно раньше (1901 г.) статья «В чем же истинный национализм?», посвященная памяти Вл.С. Соловьева, которую сам Струве оценивал, как «самое драгоценные незабываемые переживания своей личной и политической жизни»²¹ и которая стала значительной вехой в его интеллектуальной биографии. В статье прослеживается генезис либеральной идеи и воссоздается «истинный исторический облик и морально-политический смысл либерализма» через его основной принцип — свободу личности. В ней Струве раскрывает свое понимание «национального либерализма», и его либерализм становится особенным, связанным с понятием «истинного национализма».

Здесь мыслитель исходит из тезиса о том, что ценность нации заключена в культуре и измеряется культурным творчеством. Нация, по выражению Струве, состоит, прежде всего, в «культурной индивидуальности», но в ее основе лежит культурная общность, общее культурное наследие, общая культурная работа. Именно этим убеждением объясняется своеобразие позиции Струве в вопросах сохранения территориальной целостности Российской империи, и в частности, позиции по «финляндскому вопросу». Струве полагал: Финляндия достигла столь высокого уровня национального развития, что ассимиляция в будущем уже невозможна. Вместе с тем он

²¹ Цит. по: Гнатюк О.Л. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. С. 138.

не считал возможным и выход ее из состава Российской империи. А поэтому политика правительства в этом регионе должна быть направлена на поощрение интересов национальной элиты, с тем чтобы удержать эти территории и сохранить их любой ценой²². Однако после революции 1917 г. стало ясно, что распад неизбежен, и политика вносит свои коррективы в теорию вопроса. В декабре 1917 г. П.Б. Струве оказывается в Гельсингфорсе, где принимает активное участие в организации «белого дела». Одновременно в редактируемой им газете «Русская свобода» проявляются первые попытки русской национал-либеральной интеллигенции дать осмысление происходящему не только с политической, но и с философско-исторической точки зрения. Здесь Струве излагает свое, по выражению Н.А. Бердяева, «мистическое» представление о новых формах национально-государственного единства, основанных на идее «внутреннего империализма». Однако на практике, находясь в Финляндии в центре работы по подготовке наступления на Петроград, а затем уже в Париже, Струве связывал воссоздание российской государственности с планами Н.Н. Юденича, А.В. Колчака и А.И. Деникина²³. Эта позиция Струве-политика вступала в конфликт с выводом Струве-теоретика о том, что между социализмом и либерализмом не может быть никаких противоречий, так как «смысл социализма заключается, конечно, не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации»²⁴.

Это противоречие не может быть объяснено в полной мере без обращения к своеобразной «философии патриотизма» Струве. Проследивая этимологию слова «патриот», Струве пишет о том, что первоначально оно обозначало «человека, который сидит на прочно унаследованной “родовой” земле, а *патρῳτική* означает в древнегреческом языке — отчину или вотчину»²⁵. Поэтому, делает вывод мыслитель, говоря о патриоте, о патриотизме, следует связывать эти понятия с понятием собственности, ибо чувство патриотизма не может возникнуть без осознания, что тот ли иной участок земли принадлежит определенному человеку или группе людей.

²² Толстенко А.К. Либеральный и консервативный подходы к этнонациональной проблематике. Сравнительный анализ взглядов П.Б. Струве и М.О. Меньшикова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 21–22.

²³ См. подробнее: Лапина И.А. Дискуссии о национально-государственном устройстве и положении этнических меньшинств в периодической печати революционной эпохи. 1917 г. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1.

²⁴ Цит. по: Гнатюк О.Л. Указ. соч. С. 138.

²⁵ Струве П.Б. Две речи // Струве П.Б. *Patriotica*: Россия. Родина. Чужбина / Сост. и вступ. статья А.В. Хашковского. СПб., 2000. С. 162.

В трактовке Струве патриотизм и национализм — идентичные понятия, два проявления национального чувства, что он и подчеркивает специально: «...в патриотизме (или, что то же, национализме)...»²⁶. В этом отношении нельзя не согласиться с тезисом о некоем созданном Струве феномене объединенного национализма и патриотизма в попытке примирить глубокие противоречия, лежащие между личностью и государством, либерализмом и патриотизмом²⁷.

Отсюда Струве выводит искаженное понимание национального духа, а, значит, и «истинного национализма»: те, кто стремятся вывести формулу национального духа, пытаются привести окончательное содержание этого понятия, совсем не являясь истинными националистами. О таких «псевдонационалистах» мыслитель пишет следующее: «...они начинают национальный дух своими идеями и приглашают нас поклониться перед этим их собственным духом, их же указом возведенным в ранг “национального”»²⁸.

Интересным развитием мысли Струве в контексте трактовки понятия «истинный национализм» стал его вывод о том, что единственным видом «истинного национализма» является либерализм. Либерализм, по его мнению, состоит в признании неотъемлемых прав личности, а национализм есть признание неотъемлемых прав его носителей на свободное творчество, и в основе этих двух понятий лежит категория свободы, поэтому можно говорить об их идентичности. Как справедливо замечает в своей работе о Струве О.Л. Гнатюк, особенностью либерализма Струве «изначально было обоснование им необходимости именно национального либерализма, понимаемого как “истинный национализм”»²⁹.

Эти взгляды Струве нужно рассматривать в контексте полемики о «национальном лице», собственно о национализме, развернувшейся в печати после выхода в свет сборника «Вехи»³⁰. Еще ранее в статье «Спор с Мережковским», опубликованной в 1908 г. в газете «Речь», Струве, отвечая на обвинения его Д.С. Мережков-

²⁶ Струве П.Б. На разные темы // Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997. С. 264.

²⁷ Жукова В.Н. Идеи либерального консерватизма П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica*... М., 1997. Подробнее см.: Усачева Ю.С. Проблемы национализма и патриотизма в трудах П.Б. Струве // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. №. 2. С. 72–78.

²⁸ Цит. по: Жукова В.Н. Идеи либерального консерватизма П.Б. Струве. С. 11.

²⁹ Гнатюк О.Л. Указ. соч. С. 140.

³⁰ См.: Национализм: Полемика 1909–1917. Сб. ст. / Сост., примеч. М.А. Колерова. М., 2000.

ским в «зоологическом патриотизме», пишет, что с «зоологическим патриотизмом» я давно сосчитался не только как практический деятель, но и идейно, еще в той, посвященной памяти Владимира Соловьева, статье «Что же такое истинный национализм?»³¹. Помимо прямого обвинения Струве в «зоологическом национализме» Д.С. Мережковским, нельзя не упомянуть и идейное расхождение с Н.А. Бердяевым. В статье 1908 г. «Россия и Запад. Размышление, вызванное статьей П.Б. Струве «Великая Россия»»³², Бердяев, признавая безусловные заслуги Струве, высоко оценивая написанную ранее его статью «Что такое истинный национализм» как «превосходную», обвиняет автора во «внеисторичности», в том, что статья построена на основах «сложной и запутанной философской методологии» и дает «совершенно отвлеченную апологию идеи государства как чего-то самодовлеющего, как некоего абсолюта. Статья Струве отвлечена от всякой исторической плоти и крови. <...> Лозунг Великой России, который хочет провозгласить Струве, должен быть лозунгом патриотическим и национальным, а не просто государственным»³³.

При этом еще годом ранее Бердяев защищал Струве: «Очень характерно для наших нравов несправедливое, неблагородное, безобразное отношение к П.В. Струве, одному из самых крупных русских людей, так много сделавшему для дела русской свободы, человеку исключительного нравственного мужества и искренности и интенсивной духовной жизни»³⁴. Более того, Бердяев, как это было уже не раз, в полемическом запале (например, в споре 1925 г. с И.А. Ильиным относительно работы последнего «О сопротивлении злу силою») допускает и личные выпады. В частности, говоря о том, что Струве рационалист, он намекает на то, что Струве — немец. Но, помимо этого, в словосочетании «западник-рационалист» Бердяев прямо указывает на западничество философа, имея в виду в самом отрицательном смысле национализм западнический — «буржуазный», т.е. чуждый России, русскому народу. Впрочем, мнению Бердяева о том, что Струве чужда русская религиозная государственность, можно противопоставить тезис самого Струве: «При всем моем национализме я настолько уважаю религию и государство...». И далее Струве

³¹ Струве П.Б. Спор с Мережковским // Струве П.Б. *Patriotica*... М., 1997. С. 71.

³² Бердяев Н.А. Россия и Запад. Размышление, вызванное статьей П.Б. Струве «Великая Россия» // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–1909). СПб., 1910.

³³ Там же. С. 124, 127.

³⁴ Бердяев Н.А. К психологии революции // Духовный кризис интеллигенции... С. 61.

пишет, что для него Великая Россия есть прежде всего «идеал правовой, тесно связанной с духовно-религиозной идеей»³⁵.

Вместе с тем, Струве, исповедуя идеологию правых сил в этом вопросе, утверждал необходимость в России гегемонии русской народности как «державной». Говоря о правах других народностей на политическое самоопределение, философ, как отмечает видный российский историк В.В. Шелохаев, считал, что «вместо слияния различных народностей в некую аморфную общность правые либералы настаивали на целесообразности ограничения их соглашением с “государственной нацией”, которая должна сохранить статус державной»³⁶.

Несмотря на все противоречия, которые присущи концепции «истинного национализма», формуле «Великой России» как проявлению этого «истинного национализма», П.Б. Струве был одним из первых русских мыслителей, кто выдвинул идею «национальной государственности». Соединение воедино государства и нации в патриотизме (это же явление характерно и для национализма, о чем уже упоминалось выше) позволяет многим исследователям говорить о выработке им концепции «просвещенного патриотизма»³⁷, которая достаточно актуально звучит не только для современной России, но и для современной Европы. Под просвещенным национализмом Струве понимал необходимость соединения в сознании интеллигенции идеи свободы и демократических реформ с ощущением ценности российского государства.

Если до сих пор речь шла о взглядах Струве в области, скорее, теории вопроса, то одним из самых сложных в биографии ученого и политика в эмигрантский период стал, если можно так его обозначить, «прикладной» аспект проявления патриотизма. О неоднозначности трактовок понятия «патриотизм» в эмигрантской среде можно судить по многочисленным публикациям в периодике русского зарубежья постреволюционного времени и, особенно, накануне и в период Второй мировой войны и послевоенное время³⁸. Полемика Струве по этому вопросу с оппонентами, объяснение собственной

³⁵ Струве П.Б. Апокалипсис против истории (Спор с Д.С. Мережковским) // Струве П.Б. *Patriotica...* СПб., 2000. С. 64.

³⁶ Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вопрос решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 47–48.

³⁷ Ананьев О.В. Петр Бернгардович Струве. СПб., 2006. С. 30.

³⁸ В отечественной историографии этому сюжету уделено достаточно внимания. См., например: Митрохин В.А. Борьба идей в российской эмиграции накануне Второй мировой войны // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. №. 4; Рябова Л.К. О патриотизме русской эмиграции: интерпретации и практики в 1940-х годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4.

позиции в значительном объеме представлены его текстами в «Дневнике политика»³⁹ и могут быть дополнены некоторыми неизвестными ранее материалами. В библиотеке Женевского института международных отношений в составе коллекции Б. Суварина хранится архив Екатерины Дмитриевны Кусковой, долгие годы дружившей со Струве, содержащий в том числе письма, заметки, воспоминания о Петре Бернгардовиче, свидетельствующие об особенностях проявления его патриотизма накануне войны.

Е.Д. Кускова пишет о частых встречах с П.Б. Струве в Праге в 1924–1936 гг., где они жили до переезда в Женеву. К этому времени, по ее словам, Петр Бернгардович стал уже «убежденным монархистом», «остро-религиозным» человеком и столь же остро ненавидящим большевиков за их посягательства на церковь, на религию, за развращение человеческих душ, «предвещающее полную и абсолютную гибель России». Это новое мировоззрение, отмечала Кускова, «не прибавило блеска к его талантам как публициста и мыслителя». «Напротив, — пишет Екатерина Дмитриевна, — он весь как-то потускнел, духовно потух. Больно было видеть и говорить с этим блестящим когда-то человеком»⁴⁰. Она вспоминает эти встречи довольно подробно, не упуская тех деталей, которые обращают на себя ее внимание. «Как сейчас вижу его сутуловатую фигуру с золотистой бородой и прекрасными близорукими глазами. Неизменно повторял он маневр: звонил и отходил от двери на площадку в нашем саду, в прелестной вилле Бенеш на горе, над Прагой. Я или муж отворяли дверь и слышали неизменный вопрос: “Здесь, в этом доме, контр-революционеров принимают?”. Да, тут “контр-революционеров” принимали... В этом доме с покон веков было правило поведения: побороть эту ужасную русскую привычку видеть врага, заклятого врага во всяком человеке, не разделявшего от *a* до *z* ваших убеждений»⁴¹. Не разделял республиканско-демократических и патриотических, независимо от власти большевиков, убеждений Кусковой и Струве, несмотря на их давнюю дружбу.

В одном из номеров своей газеты «Россия и славянство» Струве напечатал статью, в которой заявил, что иностранное занятие Рос-

³⁹ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004.

⁴⁰ Boris Souvarine Collection, Graduate Institute, 4.1.1 C.D. Kouskova's and S.N. Prokorporovich's archive (далее — C.D. Kouskova's archive). Dossier x-18. Страницы прошлого. П.Б. Струве. Л. 4.

Уже после смерти П.Б. Струве рукопись Е.Д. Кусковой была опубликована (Кускова Е. Страницы прошлого. I. П.Б. Струве // Новое русское слово. 1945. 21 октября. № 12229) в отредактированном виде, поэтому здесь и далее цитируется ее архивный вариант.

⁴¹ Там же. Л. 4.

сии будет ей стоить меньше, чем разложение, производимое большевиками. Е.Д. Кускова пишет, что подобные «с позволения сказать “идеи” в нашей квартире никогда не прощались». Это заявление Струве вызвало ее абсолютное неприятие: «Я напечатала против Струве резкую статью, он ответил также резкостями. Значит, конец толерантным отношениям... Эта его статья обошлась ему дорого. В Белградском университете студенты устроили ему скандал, не позволив читать лекции: изменник матке России...»⁴². Этот эпизод был описан и Р. Пайпсом, который замечает, что «причиной такого ажиотажа и хамства толпы стало решение коммунистической ячейки университета сорвать выступление»⁴³. Именно так объяснял скандал и сам Струве, однако Е.Д. Кускова отмечает, что, по ее сведениям, «это были не только коммунисты, но и сербы, горячие сторонники России»⁴⁴.

Полемика Струве с Кусковой, публично развернувшаяся на страницах журнала-газеты «Меч» (публикации Струве) и газеты «Последние новости» (публикации Кусковой) затронула самые «больные» вопросы, дискутируемые в эмигрантской среде, — «непримиримость» и «примиренчество» в отношении большевиков, а, следовательно, «истинный» и «ложный» патриотизм. Струве в довольно резких выражениях обвинил «г-жу Кускову» в искажении его позиции, в том, что она приписывает ему стремление «нагнать на Россию иностранные полки», обвиняя, в свою очередь, Струве в недостатке патриотизма. Струве отвечал крайне эмоционально, заявив, что, как и ранее, будучи редактором влиятельного «Освобождения», не позволял таких обвинений в свой адрес, так и теперь «нищий, “эмигрант” Петр Струве не позволит ни г-же Кусковой, ни младороссам, ни коммунистическим свистунам из иностранцев судить “об его отношении к родине”»⁴⁵.

После этого «обмена мнениями» Кускова и Струве долго не виделись, но в феврале 1940 г. она получает от философа письмо, которое восстанавливает прерванный диалог. В письме, несмотря на его примирительный тон, Струве, тем не менее, подтверждает их прежние идейные разногласия, которые столь значительны, что он «мог бы написать о них целую книгу»⁴⁶. Эти разногласия, остро обо-

⁴² C.D. Kouskova's archive. Dossier x-18. Страницы прошлого. П.Б. Струве. Л. 5.

⁴³ *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 279.

⁴⁴ C.D. Kouskova's archive. Dossier x-18. Страницы прошлого. П.Б. Струве. Л. 6.

⁴⁵ *Струве П.Б.* Дневник политика. С. 811–812.

⁴⁶ «Меч» — литературно-политический журнал-газета, издававшийся в Варшаве в 1934–1939 гг. под редакцией Д.В. Философова и Д.С. Мережковского.

значившиеся в описанной выше полемике, стали поводом для новых пространственных размышлений в письме о революции 1917 г., которую Струве продолжал осуждать «теоретически и морально». Однако им уже по-иному оценивается происходящее в Европе и Германии, которая «еще не может очнуться от волшебства, во главе которого стоит человек, бездарный во всем, кроме психопатии»⁴⁷. Здесь уже нет идеи бороться с большевизмом путем германского завоевания. В этом смысле ценно упоминание Р. Пайпса о «всплесках патриотической гордости» во время русско-турецкой войны, патриотических чувствах в период русско-японской войны, о готовности Струве поддержать коммунистический режим, если тот будет отстаивать «национальный образ» России; наконец, его симпатии к Советскому Союзу во время войны с нацистской Германией⁴⁸.

Эта позиция Струве в его последние годы жизни существенно отличалась от тех убеждений, которых он придерживался ранее. Для русского патриота, писал он в 1934 г., единственным твердым критерием оценки иностранных держав должны быть не личные симпатии или антипатии, но «антисоветизм и антибольшевизм, присущие им в данный исторический момент»⁴⁹. В другой статье того же года «Германия и Австрия» Струве, говоря о Германии, называет ее «огромным успехом» «избавление от коммунистов как открытой политической силы» и водворение «национального духа»⁵⁰. В то же время как политик Струве не мог не увидеть, что официальная пропаганда национал-социализма накладывает на современную духовную и культурную жизнь Германии «какой-то зловещий оттенок». И здесь особенно проявляется его осознание необходимости выбора между государством-нацией и властью, им управляющей. «Меня нельзя упрекнуть в том, чтобы я не ощущал и не понимал силы нации и государства как начал сверхличных (индивидуальных), реальность которых граничит с мистичностью». И далее Струве, цитируя свою работу 1908 г., пишет: «Можно ненавидеть свое государство. Но нельзя ненавидеть свою нацию»⁵¹. В этих двух коротких фразах звучит его своеобразное *credo*, оправдание той позиции в отношении русской революции и власти большевиков, которой он будет придерживаться вплоть до 1940-х гг.

⁴⁷ C.D. Kouskova's archive. Dossier x-42. Письмо Е.Д. Кусковой от П. Струве, Белград, 02.02.1940. Л. 4.

⁴⁸ Пайпс Р. Указ. соч. С. 296.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 275.

⁵⁰ Струве П.Б. Дневник политика. С. 798.

⁵¹ Там же. С. 799.

Пайпс пишет, что «эта неспособность распознать один из наиболее зловещих феноменов человеческой истории отнюдь не красит Струве-аналитика; она показывает, с какой легкостью догматические соображения (к примеру, убеждение в том, что для России нет врага злее большевизма) иной раз оттесняли его чутье и здравый смысл»⁵². В последние годы жизни П.Б. Струве, так и не принявший новую власть, продолжал размышлять о Великой России и революции, ее изменившей.

В этом отношении можно говорить не только об определяющем воздействии событий 1917 г. на эволюцию взглядов П.Б. Струве как «патриота Великой России», но и об определенной «методологической зависимости» Струве-историка, автора созданного в эмиграции значительного исторического труда, имея в виду его постоянное обращение к революции, подчинившее себе всё творчество выдающегося ученого.

References

Anan'ev O.V. *Petr Bergardovich Struve: zhizn', bor'ba, tvorchestvo* [Petr Bergardovich Struve: Life, Struggle, and Creative Work]. Saint Petersburg: [s. n.], 2006. 156 p.

Baluev B.P. *P.B. Struve kak istorik (k postanovke problemy)* [P.B. Struve as a Historian: Towards the Formulation of the Problem] // *Otechestvennaya istoriya*. 2001. N 2. P. 117–133.

Gnatyuk O.L. *Struve kak sotsial'nyi myslitel'* [Struve as a Social Thinker]. Saint Petersburg: SPbGTU, 1998. 374 p.

Kolero M.A. *Petr Struve: revolyutsioner bez mass. 1870–1918* [Petr Struve: A Revolutionary without the Masses, 1870–1918]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina “Tsiolkovskii”, 2020. 462 p.

Lapina I.A. *Diskussii o natsional'no-gosudarstvennom ustroistve i polozenii etnicheskikh men'shinstv v periodicheskoi pechati revolyutsionnoi epokhi. 1917 g.* [Discussions on the National and State Structure and the Status of Ethnic Minorities in the Periodical Press of the Revolutionary Era: 1917] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2012. N 1. P. 60–65.

Mitrokhin V.A. *Bor'ba idei v rossiiskoi emigratsii nakanune Vtoroi mirovoi voiny* [The Struggle of Ideas within the Russian Émigré Community on the Eve of the Second World War] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 2007. N 4. P. 161–172.

Natsionalizm. Polemika 1909–1917. Sbornik statei [Nationalism: The Polemics of 1909–1917. A Collection of Articles] / Comp. and notes by M.A. Kolerov. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 2000. 237 p.

Olegina I.N. *P.B. Struve o proiskhozhdenii russkoi revolyutsii 1917 goda* [P.B. Struve on the Origins of the Russian Revolution of 1917] // *Petr Bergardovich Struve (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya). Sbornik nauchnykh statei* [Petr Bergardovich

⁵² Пайпс Р. Указ. соч. С. 275.

Struve: On the 125th Anniversary of His Birth. A Collection of Scholarly Articles]. Saint Petersburg: Tretya literatura, 1996. 141 p.

Pipes R. *Struve. Biografiya. T. 2. Pravyi liberal, 1905–1944* [Struve: A Biography. Vol. 2. The Right Liberal, 1905–1944]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001. 668 p.

Poltoratskii N. *P.B. Struve kak politicheskii myslitel'* [P.B. Struve as a Political Thinker]. London: Zarya, 1981. 75 p.

Raev M. *Rossiya za rubezhom: istoriya kul'tury russkoi emigratsii. 1919–1939* [Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939]. Moscow: Progress-Akademiya, 1994. 296 p.

Ryabova L.K. *O patriotizme russkoi emigratsii: interpretatsii i praktiki v 1940-kh godakh* [On the Patriotism of the Russian Émigré Community: Interpretations and Practices in the 1940s] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2020. Vol. 10. N 4. P. 948–963.

Shelokhaev V.V. *Natsional'nyi vopros v Rossii: liberal'nyi variant resheniya* [The National Question in Russia: A Liberal Approach to Its Resolution] // *Kentavr*. 1993. N 2. P. 45–49.

Simachkova N.N., Zarubina E.V. et al. *Kontseptsiya patriotizma P.B. Struve* [P.B. Struve's Concept of Patriotism] // *Obrazovanie i pravo*. 2024. N 5. P. 631–636.

Tolstenko A.K. *Liberal'nyi i konservativnyi podkhody k etnonatsional'noi problematike. Sravnitel'nyi analiz vzglyadov P.B. Struve i M.O. Men'shikova: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk* [Liberal and Conservative Approaches to Ethno-National Issues: A Comparative Analysis of the Views of P.B. Struve and M.O. Menshikov: Abstract of a PhD Candidate Dissertation in History]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2012. 22 p.

Usacheva Yu.S. *Problemy natsionalizma i patriotizma v trudakh P.B. Struve* [Problems of Nationalism and Patriotism in the Works of P.B. Struve] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2011. N 2. P. 72–78.

Zhukov V.N. *Idei liberal'nogo konservatizma P.B. Struve* [P.B. Struve's Ideas of Liberal Conservatism] // *Struve P.B. Patriotica*. Moscow: Respublika, 1997. P. 3–10.

Zhukova O.A. *Diskurs o Rossii i problema obshchestvennogo ideala v rabotakh P.B. Struve 1930-kh gg.* [The Discourse on Russia and the Problem of the Social Ideal in P.B. Struve's Works of the 1930s] // *Istoriya filosofii*. 2022. Vol. 27. N 1. P. 84–95.

Поступила в редакцию
6 октября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-99-122

В.П. Богданов

**МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

V.P. Bogdanov

**LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
LITTLE-KNOWN ASPECTS OF ITS OPERATIONS**

Аннотация. Несмотря на длительную традицию изучения того, как работал Московский государственный университет в годы Великой Отечественной войны, тема эта до сих пор имеет существенные лакуны. Связано это в значительной степени с тем, что чаще всего упор делается на ратном подвиге сотрудников и студентов МГУ. Функционирование университета как организации редко становится предметом самостоятельного изучения. Чрезвычайная военная ситуация породила новые типы отношений как внутри МГУ, так и в рамках системы Наркомпроса (например, ликвидировались и объединялись вузы), между университетом и государственными органами (мобилизация студентов в ополчение, РККА, трудовой фронт и т.д.). Всё это привело к появлению новых должностей (в частности, «уполномоченных» ректора и факультетов) и структур в составе МГУ, определило возникновение ряда специфических документов. При подготовке статьи использованы материалы двух хранилищ (Архив МГУ и Центральный Государственный Архив г. Москвы), отразившие работу МГУ, Московского института философии, литературы, истории (МИФЛИ) в 1941–1945 гг., а также комплекты газет «Московский университет». Обращение к этим источникам по-новому показывает работу как отдельных сотрудников, так и целых подразделений МГУ в годы Великой Отечественной войны. В частности, архивные документы полностью опровергают устоявшееся в мемуарной литературе представление о некой растерянности в руководстве МГУ

Богданов Владимир Павлович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bogdanov Vladimir Pavlovich, Doctor in History, Senior Researcher, Laboratory of Cultural History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

vpbogdanov@gmail.com

OCRID: 0000-0002-3129-406X

и слабой координации действий. Как свидетельствует записка исполняющего обязанности ректора Б.П. Орлова (начало 1942 г.), в университете был четко налажен учет местонахождения всех сотрудников и студентов. Эвакуация и реэвакуация также были организованы достаточно четко. Потеря части документов военного времени связана не с халатностью, а с пожаром, случившимся в здании, которое МГУ занимал в Свердловске. Кроме того, в статье также подведены промежуточные итоги межфакультетского проекта «МГУ в годы Великой Отечественной войны. Новые находки», инициированного ректоратом МГУ в 2025 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, реэвакуация, Ашхабад, Свердловск, ректор университета.

Abstract. Despite a substantial body of scholarship on Lomonosov Moscow State University during the Great Patriotic War, significant gaps remain in our understanding of its institutional functioning under wartime conditions. This is largely due to a historiographical emphasis on the military service and personal sacrifice of MSU faculty, staff, and students, while the university as an institution has rarely been examined in its own right. The exceptional conditions of wartime transformed relations both within MSU and across the wider system of higher education administered by the People's Commissariat for Education, as institutions were dissolved, merged, and reorganized. They also altered the university's relationship with state authorities, particularly through the mobilization of students into the people's militia, the Red Army, and the labor front. These changes prompted the creation of new administrative posts, including special representatives appointed by the rector and individual faculties, as well as new organizational units within MSU, and generated a distinctive body of wartime documentation. The article draws on archival materials from two repositories — the MSU Archive and the Central State Archive of Moscow — documenting the activities of Moscow State University and the Moscow Institute of Philosophy, Literature, and History (MIFLI) between 1941 and 1945. It also makes use of wartime issues of the newspaper *Moskovskii universitet* (*Moscow University*). Taken together, these sources shed new light on the activities of individual members of the university community as well as entire MSU departments and administrative units during the Great Patriotic War. In particular, the archival evidence calls into question the view, well established in memoir literature, that the MSU administration lacked direction and that its actions were poorly coordinated. A memorandum prepared by acting rector B.P. Orlov in early 1942 indicates that the university maintained careful records of the whereabouts of its faculty, staff, and students. The evacuation and subsequent re-evacuation were likewise carried out in an orderly and coordinated manner. The loss of a portion of the university's wartime records was due not to administrative negligence, but to a fire in the building occupied by MSU in Sverdlovsk. The article also presents preliminary results of the interfaculty research project *MSU during the Great Patriotic War: New Discoveries*, initiated by the MSU Rectorate in 2025.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation, re-evacuation, Ashgabat, Sverdlovsk, university rector.

Осмысление вклада коллектива МГУ в Победу началось уже в 1943–1945 гг. В конце 1943 г. на филологическом факультете была открыта выставка «Комсомол университета в Отечественной войне», где рассказывалось о подвигах Героя Советского Союза Е. Дыскина (экономист), В. Гальрозе (химик), Л. Цвиллинга, Л. Шамшиковой (историки), А. Кронрода (математик), Ф. Тяпунина (физик), Л. Шершера, З. Азарх (филолог) и др.¹ В 1944 г. в газете «Московский университет» была опубликована статья профессор В.И. Спицына (был в то время проректором по естественным факультетам) «Научная работа университета в годы Отечественной войны»². Вскоре после Победы, в мае 1945 г., в газете «Московский университет» была напечатана статья ректора И.С. Галкина, которая так и называлась: «Московский университет в годы Великой Отечественной войны»³.

К 30-летию Победы был снят фильм, посвященный данной теме, и вышло первое издание книги «Московский университет в Великой Отечественной войне». С 1975 по 2025 г. вышло еще три издания этой книги, были подготовлены десятки статей и сборников документов, в которых жизнь университета и судьбы его студентов и сотрудников в 1941–1945 гг. раскрывались более полно.

Изучение вклада в дело Победы выпускников и сотрудников отдельных подразделений МГУ на десятилетия стали одной из постоянных тем⁴. Библиография работ подобного плана насчитывает несколько десятков публикаций⁵.

В то же время, за десятилетия изучения основной упор делался на ратном подвиге студентов и сотрудников МГУ, как учившихся и работавших в университете до войны, так и пришедших в него после 1945 г. Вопрос функционирования МГУ как организации, научные достижения старейшего отечественного вуза в период войны

¹ Товарищи фронтовики (с выставки) // Московский университет. 9 декабря 1943. № 1. С. 4.

² *Спицын, профессор*. Научная работа университета в годы Отечественной войны // Московский университет. 5 июня 1944. № 23–24. С. 4

³ *Галкин И.С.* Московский университет в годы Великой Отечественной войны // Московский университет. 23 мая 1945. С. 2–3.

⁴ Из последних публикаций: Книга памяти преподавателей, аспирантов и студентов философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, павших в Великой Отечественной войне (1941–1945). М., 2025; Почвоведы на фронте и в тылу: материалы к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, посвященные сотрудникам факультета почвоведения — участникам войны и труженикам тыла / П.В. Красильников, С.А. Шоба, Т.И. Хуснетдинова; под ред. Т.И. Хуснетдиновой. М., 2025; и др.

⁵ Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 2020. С. 448–455, 552–555.

ранее не оказывались в центре внимания. Во многом это связано с тем, что указанные сюжеты очень запутаны.

Во-первых, работа любой организации (а тем более такой крупной, как Московский университет) в условиях военного времени сама по себе связана с рядом проблем. Так, часть сотрудников и студентов добровольно вступали в ряды РККА или призывались на общих основаниях по плану мобилизации. Кроме того, военная обстановка требовала активизации новых структур управления, в частности, штаба МПВО.

Во-вторых, МГУ функционировал, будучи разделенным на две части: московскую и эвакуированную. При этом эвакуация проводилась в разные центры. Большая часть университета изначально оказалась в Ашхабаде, столице Туркменской ССР, а ГАИШ был вывезен в Свердловск. Но летом 1942 г. в Свердловск была переведена и ашхабадская часть университета.

В-третьих, структура университета неоднократно менялась. В конце 1942 г. года в него вошел МИФЛИ, а затем Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Если факультеты МИФЛИ так и остались в структуре МГУ, составив гуманитарный блок университета, то геологоразведочный факультет вышел из МГУ, снова став отдельным вузом. В 1944 г. на базе факультета международных отношений был создан отдельный вуз — МИМО (ныне МГИМО (университет)). В фильме 1975 г. эти непростые сюжеты вообще не нашли отражения. А героически погибшая Лия Канторович, до войны учившаяся на литературном/филологическом факультете МИФЛИ, названа студенткой филологического факультета МГУ, хотя такого подразделения до 1941 г. в университете не было.

В-четвертых, раздельное местонахождение и функционирование МГУ в условиях войны определило постоянное перемещение кадров. Так, Е.В. Ильченко обращает внимание на работу декана механико-математического факультета И.Г. Петровского в период войны. Он был командирован в Ташкент в качестве представителя МГУ для организации приезда сюда коллектива университета. В Ташкенте он пробыл три месяца и 3 февраля 1942 г. переехал в Ашхабад. Затем 1 августа 1942 г. он был командирован в Свердловск, 27 октября едет отсюда в Москву, а 31 декабря снова возвращается в Свердловск. С 6 февраля по 15 марта 1943 г. Петровский опять в Москве, а затем возвращается в Свердловск и оттуда с первым эшелоном профессорско-преподавательского состава прибывает в Москву 16 мая 1943 г.⁶

⁶ Ильченко Е.В. Академик И. Г. Петровский — ректор Московского университета. Посвящ. 100-летию со дня рождения. М., 2001. С. 89.

Кроме того, сотрудники и студенты московской и эвакуированной групп (включая исполняющих обязанности ректора) регулярно откомандировывались в ту или иную часть университета или мобилизовывались на задания, связанные с обороной или развитием народного хозяйства страны.

В-пятых, части университета, которые оказались в разных концах страны, продолжали функционировать в тесном взаимодействии как друг с другом, так и со многими организациями на местах, например, — с Туркменским филиалом АН СССР.

Указанные обстоятельства порождали обширное делопроизводство (приказы об отчислении с работы/учебы, зачислениях или переводах сотрудников и студентов, создании новых структур, объединении, ликвидации или «временной приостановке» действий старых и т.д.), в котором объективно трудно разобраться. Тем более, что в ночь с 15 на 16 октября 1941 г. были уничтожены (сожжены) дела спецотдела, списки, адреса и другие документы МГУ⁷, а существующий комплекс архивных документов МГУ представлен в разрозненном виде. Часть документов находится в Архиве МГУ, а часть — в архивохранилищах Москвы, Екатеринбурга, Туркменистана.

Помимо существования «белых» пятен, характерных для изучения любой темы, в картину участия университета в Великой Отечественной войне неминуемо закрались неточности, которые теперь могут тиражироваться из публикации в публикацию. На это тем более важно обратить внимание в условиях развития интернета.

Всё это требует комплексного подхода и координации усилий всех подразделений МГУ. Значительное подспорье в деле систематизации разрозненной информации сыграла масштабная «Летопись МГУ» (<https://letopis.msu.ru>), создаваемая под руководством Е.В. Ильченко. В ряде случаев для освещения того или иного сюжета, который не был отражен в изданиях книги «Московский университет в Великой Отечественной войне», требовалось обратиться именно к сайту «Летопись МГУ». Таковы, например, данные об именных стипендиях МГУ, созданных в годы войны.

В марте 2025 г. в Московском университете начал реализовываться проект «МГУ в годы Великой Отечественной войны. Новые находки». Были привлечены сотрудники всех факультетов, являющихся правопреемниками соответствующих структур довоенного

⁷ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). В частности, были уничтожены многие личные дела студентов довоенных наборов. По этой причине мы не всегда располагаем фотографиями погибших учащихся МГУ.

и военного времени. Новое исследование должно по возможности устранить накопившиеся ошибки, продвинуть изучение вклада Московского университета в науку и дело обороны, а также показать сложности, связанные с функционированием МГУ как организации в 1941–1945 гг. Важную роль в этом сыграли сотрудники Архива МГУ: начальник архива О.В. Золототрубова и специалист Е.В. Лепенина.

На конференции 26 ноября 2025 г. были представлены доклады некоторых участников проекта⁸. Итоговое исследование еще не завершено, и в рамках предлагаемой статьи автор сосредоточится лишь на некоторых вопросах, которые возникают при изучении темы Московский университет и Великая Отечественная война.

Пересмотр статистических данных

Первое, с чем пришлось столкнуться коллективу проекта, — это сверка устоявшихся в историографии цифр. Такая цель не ставилась как самостоятельная, пересмотр произошел «сам собой».

Так, в частности, было с изучением структуры Московского университета.

Устоявшимся фактом стало следующее соотношение: до войны в МГУ было 75 кафедр, а к концу войны стало 151. Получается, что структура Московского университета за четыре военных года увеличилась более чем в два раза. Но если вторая цифра не вызывает вопросов (действительно, по отчетам 1944–1945 гг. выявляется именно она), то первая не может быть однозначно принята. Тем более, что рост числа факультетов шел далеко не так стремительно.

Дело в том, что в докладе ректора А.С. Бутягина 1940 г. действительно названо 75 кафедр⁹. Эта же цифра вошла в 3-е и 4-е издания

⁸ «Советская философия и советские философы о фашизме в предвоенные и военные годы» (Пуцаев Ю.В., философский ф-т), «Деятельность географического факультета МГУ в годы Великой Отечественной войны» (Агирречу А.А., географический ф-т), «Исследования геологов МГУ на службе топливно-энергетического комплекса СССР в годы Великой Отечественной войны» (Ситар К.А., геологический ф-т), «Учебная и научная работ геологического отделения геолого-почвенного факультета в годы Великой Отечественной Войны» (Маслов А.А., геологический ф-т), «Физический факультет для Победы в Великой войне» (Орешко А.П., физический ф-т), «Память об участниках войны на химическом факультете» (Богатова Т.В., химический ф-т), «На идеологическом фронте: первые четыре года экономического факультета (1941–1945)» (Калашнов Ю.Н., экономический факультет), «Новые факты о работе философского факультета МГУ в годы Великой Отечественной войны» (Фурцев Д.О., философский ф-т), «Московский университет в Великой Отечественной войне: новые цифры и факты» (Богданов В.П., исторический ф-т).

⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 121. Доклад ректора МГУ А.С. Бутягина о работе МГУ в 1939–40 уч. г. Л. 1.

книги «Московский университет в Великой Отечественной войне». При этом в статье того же А.С. Бутягина 1943 г. сказано, что за годы войны число факультетов увеличилось с 7 до 12, а кафедр с 90 (!) до 133¹⁰. В воспоминаниях И.С. Галкина (ссылающегося на 1-е издание книги «Московский университет в Великой Отечественной войне», до войны он не работал в МГУ, а был сотрудником МИФЛИ) значится 81 кафедра¹¹. Однако если мы берем устав МГУ 1939 г., то выясняется, что в МГУ было 93 кафедры. Каких-либо крупных структурных сокращений в 1939–1941 гг. не происходило.

Соответственно, существенное приращение числа кафедр с 1941 по 1945 гг. — факт неоспоримый. Однако справедливости ради следует признать: рост числа кафедр был не в два раза, а на 60%.

То же относится и к статистике погибших сотрудников и студентов МГУ.

На различных сайтах интернета можно увидеть следующие цифры: «во время войны погибло около 3 тысяч студентов, преподавателей и других сотрудников Московского университета»¹², «более 1000 сотрудников и студентов МГУ»¹³... Однако поименный учет погибших студентов и сотрудников дает иную цифру. Списки погибших, составленные на разных факультетах, содержат 971 имя. Кроме того, некоторые студенты и сотрудники университета были «своими» для разных организаций. Например, старший научный сотрудник ГАИШ Николай Федорович Флоря (1912–1941) числится как среди сотрудников механико-математического, так и физического факультета. Есть и другие совпадения. Соответственно, можно говорить о том, что погибло около 950 человек. Конечно, еще далеко не все имена выявлены, в частности — сотрудников ректората и разного рода технических служб. Однако их добавление не может кардинально увеличить число погибших. Поэтому число 950–970 человек на сегодняшний момент можно считать наиболее верным.

Число Героев Советского союза, связанных с Московским университетом, также варьируется в разных публикациях.

Обычно указывается, что их было 16. Однако сюда входят лишь те лица, которые были связаны с Московским университетом к началу войны. В это число не входят те, кто учился или работал в МИФЛИ, а также те, кто пришел в МГУ после 1945 г. В 3-м и 4-м из-

¹⁰ Бутягин А.С. В дни Отечественной войны // Московский университет. 9 декабря 1943. № 1. С. 1.

¹¹ Галкин И.С. Записки ректора Московского университета. М., 2004. С. 122.

¹² war.history.msu.tilda.ws (дата обращения 01.09.2025)

¹³ <https://msu.ru/info/struct/rectintv/rektor-i-studenty-mgu-pochtili-pamyat-pogibshikh-v-velikoy-otechestvennoy-voyne.html> (дата обращения 01.09.2025).

даниях книги «МГУ в Великой Отечественной войне» значится 25 Героев Советского Союза. В рамках проекта «МГУ в годы Великой Отечественной войны. Новые находки» было выявлено еще два имени: Иван Петрович Чиликин (1914–1985) и Владимир Геронтьевич Тырса (1923–2009). Оба они были связаны с университетом относительно недолго. И.П. Чиликин участвовал в строительстве Главного здания на Воробьевых горах, затем работал в МГУ гранитчиком и сантехником; имел звание Заслуженного строителя РСФСР¹⁴. В.Г. Тырса работал в МГУ в 1972–1979 гг. на административных и хозяйственных должностях, а в 1980 г. перешел в Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (выделившимся в 1974 г. из МГУ) — директором общежития¹⁵.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о 27 Героях Советского Союза¹⁶, учившихся и работавших в МГУ, а также в вошедших в него организациях (МИФЛИ и Юридический институт). Впрочем, в статье января 1944 г. в числе Героев Советского Союза, связанных с МГУ, авторы называли Е. Дыскина и некоего Тихонова. Кто имелся в виду, неясно. Может быть, это ошибка редактора. Но факт есть факт: никто из известных Героев Советского Союза с такой фамилией, не был связан с МГУ.

Кроме того, удалось установить деталь биографии еще одного Героя Советского Союза — Александра Петровича Назарова (1919–1944). Его имя выбито золотыми буквами на Доске памяти погибших сотрудников, установленной в свое время в здании Музея В.И. Ленина, которое ныне занимает Музей войны 1812 г. Про самого А.П. Назарова было известно, что он учился в МИФЛИ. Однако нигде не указано, какой факультет он окончил. В книгах, отразивших участие в войне филологов и философов МИФЛИ, он не фигурировал. Работа в музее могла указывать на его профессиональные занятия историей. По этой причине в издании «Московский университет в Великой Отечественной войне» он был отнесен к историкам. Однако в ходе работы над проектом была найдена его студенческая карточка¹⁷, и выяснилось, что А.П. Назаров учился на литературном/филологическом факультете МИФЛИ.

¹⁴ Архив МГУ. Ф. 85. Оп. 2 л. Д. 145. Р–Ф. Личные карточки административно-управленческого, линейного и обслуживающего персонала. Л. 55. Тырса В.Г.

¹⁵ Там же. Д. 146. Ц–Ч. Личные карточки административно-управленческого, линейного и обслуживающего персонала. Л. 57, 57 об. Чиликин И.П.

¹⁶ В последнем издании «Московский университет в Великой Отечественной войне» их учтено 25.

¹⁷ ЦГА г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 59. Карточки. Л. 194.

Так или иначе, статистика 27 установленных в настоящее время Героев Советского Союза, связанных с МГУ, следующая: 7 женщин и 20 мужчин, 5 были награждены этим званием посмертно.

15 человек пришли в Московский университет (а один даже еще в Императорский Московский университет) до Великой Отечественной войны, судьбы 12 человек оказались связаны с МГУ и Московским юридическим институтом (в 1954 г. волился в состав МГУ) после войны, 5 человек после окончания университета остались работать в нем.

По роду военных занятий: 10 летчиков, 6 пехотинцев, 4 артиллериста, 2 медика, 2 политработника, 2 танкиста, 1 сапер. Е.М. Клунов и Л.С. Ратушная олицетворяют собой двойной ратный подвиг: врачи и партизаны-подпольщики.

По университетской специальности среди Героев Советского Союза 7 мехматовцев, по 4 историка и юриста, 3 филолога, по 2 специалиста по гражданской обороне и сотрудника административно-хозяйственной части, по одному медику, физику, географу, философу и экономисту.

Всё это — старые (пусть и уточненные) цифры. Они были установлены предшествующими исследователями и еще будут уточняться. А что нового могло дать инициированное исследование?

Наиболее яркими выглядят цифры, отразившие признание ученых Московского университета, — награждение орденами и званиями СССР, а также данные по защитах диссертаций. Это действительно новые цифры, которые ранее не были выявлены.

На сегодняшний момент известно о защитах 545 диссертаций в стенах Московского университета. Число это установлено по соответствующему справочнику под ред. П.А. Зайончковского¹⁸, а также дополнено сотрудниками Научной библиотеки МГУ при обращении сотрудников философского и экономического факультетов (данных о защитах на этих факультетах в справочнике нет). Но есть одно обстоятельство: в справочник попадали сведения только о тех работах, тексты которых сохранились.

30 ноября 1942 г. на заседании Ученого совета МГУ обсуждался вопрос диссертантки Фани Владимировны Ливанской. Защита проходила 6 октября 1941 г., за 10 дней до эвакуации. Дело было уничтожено, как и многие другие документы, 16 октября. А вскоре сама диссертация была утрачена, так как в дом Ливанской попала бомба.

¹⁸ Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в Московском государственном университете с 1934 по 1954 гг. Библиогр. указатель / Под ред. проф. П.А. Зайончковского [и др.]. Т. 1–3. М., 1956–1960.

Остались только свидетельство декана, что защита была, а также «публикация в газете» (видимо, «Московский университет»). Исполняющий обязанности ректора С.Д. Юдинцев настаивал на положительном решении вопроса, так как это было связано, кроме всего прочего, с социальным обеспечением человека, а сам случай — с уничтожением документов и текста работы — он назвал прецедентным. В результате было принято решение (26 голосов «за» и 4 «воздержался») об утверждении соискательницы в ученой степени кандидата наук¹⁹.

Возможно, на других факультетах были аналогичные случаи. Они могут быть установлены только при обращении непосредственно к документам Ученого совета МГУ.

В ученых советах МГУ защищались диссертации, подготовленные не только в Московском университете, но и в других организациях. Сотрудники многих научных учреждений в годы войны оказались оторваны от своих мест работы, поэтому они защищали диссертации в МГУ. Таковых работ выявлено 271. Впрочем, эти данные также требуют уточнения. Например, А.С. Бутягин на конец 1943 г. упоминал, что «питомец университета лейтенант Гаврилов, приехав в краткосрочный отпуск в Москву, блестяще защитил диссертацию на степень кандидата наук и опять вернулся на фронт»²⁰. Пока выявлена диссертация только одного Гаврилова, и она, хотя и была защищена в МГУ в 1943 г., но готовилась в Ленинградском университете²¹.

Интересные цифры были также установлены при изучении числа сотрудников Московского университета, получивших государственные награды за научную и педагогическую деятельность. Эти сведения, хотя и находятся в свободном доступе, также никогда не были объектом внимания.

За годы войны²² 80 сотрудников МГУ получили Государственные премии (за 42 работы), звания Героев Социалистического труда, были награждены орденами за свою научную и педагогическую деятельность.

¹⁹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 88. С. 52–56.

²⁰ Бутягин А.С. В дни Отечественной войны // Московский университет. 9 декабря 1943. № 1. С. 1.

²¹ Гаврилов Б.Г. Взаимодействие натровых солей тиоловых кислот с предельными альфа-дибромидами. Диссертация защищена 30.07.1943.

²² В 1941 г. Государственные премии вручались за 1940 г., а в 1946 — за 1944 и 1945 гг.

Должность «уполномоченного» в МГУ

Во всех изданиях книги «Московский университет в Великой Отечественной войне» довольно подробно говорится о первых шагах руководства МГУ по перестройке учебного и научного процесса. Однако и здесь есть своего рода «белые пятна». В данном случае обратимся к одному сюжету: введению в годы войны должности «уполномоченных».

На особые должности — «уполномоченных» («ректора» и «по факультетам»), фактически введенные в октябре 1941 г., — внимание никогда не обращалось. Единственное упоминание должности «уполномоченный ректора» есть в книге «Московский университет в Великой Отечественной войне»²³ в связи с работой профессора кафедры высших растений в 1941–1943 гг. Даниила Александровича Транковского (1902–1979). В октябре 1941 г. он возглавил местную противовоздушную оборону (МПВО) МГУ.

Должность была введена приказом 9 ноября 1941 г. («на время отсутствия ректора в Москве»)²⁴. Первый приказ Транковским был подписан 18 ноября 1941 г.²⁵ Важно отметить: подписанные Транковским приказы имеют визу и.о. ректора Б.П. Орлова — и тогда, когда тот был в Москве, и когда отсутствовал. В приказе сказано: «Уполномоченный издает приказы, которые до моего отъезда утверждаются мной». Видимо, Орловым было подписано несколько бланков, чтобы «не тормозить» работу. Помимо организации работы бригад по охране объектов Д.А. Транковский занимался вопросами приема на работу и увольнения административно-технического персонала московской части МГУ. В первом приказе назначаются не только коменданты зданий и др. должности МПВО, но и бухгалтеры МГУ. Приказами от 3 и 4 декабря Транковскому передавалось право «первой подписи финансовых документов» в связи с отъездом помощника ректора по АХР К.И. Лазарева в служебную командировку²⁶.

«Уполномоченные» были также на факультетах. Судя по приказам, на которых стоят подписи «уполномоченных», они взяли на себя основные административно-хозяйственные функции, поскольку те касались работы МПВО. Например, в период функционирования

²³ Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 2015. С. 37.

²⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 32. Л. 172. Приказ № 334 (9 ноября 1941 г.).

²⁵ Там же. Д. 35. Л. 130. Приказ № 1 (17 ноября 1941 г.).

²⁶ Там же. Д. 32. Л. 117. Приказ № 345 (3 декабря 1941 г.); Л. 104 Приказ № 347 (4 декабря 1941 г.).

московской группы университета (с февраля 1942 г.) обязанности «уполномоченного» географического факультета исполняла доцент М.В. Карандеева²⁷.

Для проведения эвакуации также была предусмотрена указанная должность. Согласно приказу № 2, подписанному М.М. Филатовым в г. Ташкенте, командированный в Ашхабад Соломон Хаймович Брайнин был назначен «временным уполномоченным по организации встречи и приема в Ашхабаде эвакуированных эшелонов МГУ»²⁸. Когда уже ожидалась отправка МГУ из Ташкента в Ашхабад, в городе отправления был оставлен проф. И.Г. Петровский, назначенный «уполномоченным в гор. Ташкенте по делам эвакуации»²⁹. Причем назначение это датировано 17 ноября, что коррелируется с датой первого приказа за подписью Д.А. Транковского.

Таким образом, в период войны функционировала должность «уполномоченных» — лиц, наделенных от ректоров или тех, кто их замещал, большими полномочиями, по сравнению с другими должностями.

Процесс эвакуации МГУ и МИФЛИ

План эвакуации Московского университета в случае войны был составлен еще в марте 1941 г.

В первые недели войны были приняты нормативные документы, в дальнейшем обеспечившие порядок эвакуации: постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г., а также ряд документов «Об эвакуации Академии наук» от 2 июля, 16 июля 1941 г. и др. На основании решения СНК СССР № 14322сэ от 15 октября 1941 г. Московский университет подлежал эвакуации в г. Ашхабад — столицу Туркменской ССР (куда также был направлен МИФЛИ). Конечным пунктом был указан Ашхабад, путь лежал через Ташкент.

В результате эвакуированная часть Московского университета оказалась в четырех регионах:

²⁷ Там же. Д. 55. Приказ № 71 (4 марта 1943 г.)

²⁸ Там же. Д. 34. Л. 2. Приказ № 2 (12 ноября 1941 г.). Фигура С.Х. Брайнина интересная. Судя по публикациям 1930-х гг., он жил и работал в Казахской ССР. Видимо, при эвакуации МГУ он был временно зачислен в штат кафедры марксизма-ленинизма. В 1942 г. в объединенном Ученом совете по гуманитарным наукам, действовавшем в эвакуированной части МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. Во всяком случае, ему, в числе других сотрудников, директор Уральского промышленного института им. С.М. Кирова (УИИ) профессор А.С. Качко объявил благодарность. — Там же. Д. 61. Л. 12, 12об. Приказ № 234 (25 мая 1943 г., по УИИ); Д. 61. Л. 11. Приказ № 132 (25 мая 1943 г., по МГУ, г. Свердловск).

²⁹ Там же. Д. 34. Л. 4. Приказ № 4 (17 ноября 1941 г.).

- основная часть МГУ была отправлена в г. Ашхабад (Туркменская ССР), затем в г. Свердловск,
- сотрудники АН СССР — в г. Ташкент (Узбекская ССР)³⁰,
- Научная библиотека МГУ — в г. Хвалынск, затем в г. Кустанай,
- ГАИШ — в г. Свердловск.

Эвакуация началась 15 октября 1941 г. (Постановление ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»)³¹. Согласно решению СНК СССР №14322сз, научные работники и студенты университета в трех эшелонах следовали в Ашхабад с остановкой в Ташкенте³².

Сам процесс эвакуации МГУ, а затем и МИФЛИ из Москвы также не исследован полностью. Притом что в соответствующих разделах «Летописи МГУ», книге «Московский университет в Великой Отечественной войне» есть отсылки к пространной записке и.о. ректора Б.П. Орлова, которая была составлена в начале 1942 г. Многие данные из нее не учтены (например, не сверены списки, приведенные в приложении), а сама информация не соотнесена с другими источниками. Записка Орлова — уникальное свидетельство. В ней фигурируют имена 2062 человек — сотрудников и студентов МГУ и МИФЛИ с указанием того, где они находятся. Видимо, одним из источников записки стали таблицы с информацией о студентах МГУ, в которых указано: остался ли студент в Москве, эвакуировался или находится в рядах РККА³³. В этой связи нельзя не поразиться тому, насколько хорошо в тех тяжелых условиях был поставлен учет сотрудников и студентов! Это в значительной степени объясняет, почему именно университет был центром притяжения: здесь аккумуляровались сведения, по возможности, обо всех лицах, связанных с университетом.

Эвакуация была проведена в несколько этапов: тремя эшелонами, двумя пешими переходами, отдельными индивидуальными и групповыми выездами, — которые в памяти многих «перемешались». Обстоятельства пребывания в Муроме или Ташкенте (по пути в Ашхабад) могли забываться.

Многолетняя сотрудница Московского университета Александра Федоровна Вадюнина (1907–1994) об эвакуации вспоминала (сама она значится как выехавшая в Ашхабад 25 октября с двумя

³⁰ Именно здесь умер и был похоронен выдающийся филолог член-корреспондент АН СССР Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942), работавший в МИФЛИ.

³¹ История Москвы. Хрестоматия. Т. IV. М., 1997. С. 219.

³² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2026; Оп. 4. Д. 91.

³³ Там же. Оп. 10. Д. 807. Списки студентов МГУ по факультетам.

членами семьи³⁴) так: «Работникам МГУ выдали зарплату за месяц вперед. В середине октября наш поезд отправился в Среднюю Азию. Помню, только отъехали от Москвы, появились фашистские самолеты. Поезд остановился. Нам было приказано как можно скорее высадиться и рассыпаться по лесу. Когда все стихло, мы возвратились на места. На станциях наш поезд часто загоняли в тупики и отправляли дальше по мере разгрузки дороги. Из Ташкента в Ашхабад, например, поезд был отправлен через четверо суток...»³⁵. Со слов А.Д. Вадюниной можно предположить, что остановка в Ташкенте была вынужденной.

На самом деле она была предусмотрена, сотрудники и студенты разместились в зданиях Среднеазиатского государственного университета³⁶. Причем «уполномоченным в гор. Ташкенте по делам эвакуации» был назначен проф. И.Г. Петровский, а проф. К.А. Высоцкий должен был «взять на себя консультацию по делам приема, отбора и направления студентов МГУ в Ашхабад». В связи с «командировкой» И.Г. Петровского в Ташкент обязанности декана механико-математического факультета были возложены на проф. В.В. Степанова³⁷. Именно последний (а не И.Г. Петровский, который по-прежнему находился в Ташкенте³⁸) уже в самом Ашхабаде вошел в состав Ученого совета 5 января 1942 г. .

Приказы «Зам. Ректора МГУ» проф. М.М. Филатова по г. Ташкенту датированы с 7 (№ 1) по 19 (№ 6) ноября 1941 г. Известно также, что отдельным приказом (№ 6 от 19 ноября) проф. М.В. Нечкиной было разрешено остаться в Ташкенте, где она и провела период эвакуации, а Н.А. Машкину трехдневное пребывание здесь было оформлено как командировка³⁹ (он заканчивал докторскую диссертацию, и в Ташкенте были лучше условия для работы). Петровский пробыл в Ташкенте три месяца. В дальнейшем здесь работали некоторые научные коллективы МГУ⁴⁰.

Согласно записке Б.П. Орлова, еще в течение августа–сентября часть сотрудников (не менее 300) и студентов покинула Москву самостоятельно⁴¹. Централизованная эвакуация была организована позже.

³⁴ Там же. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 43–46.

³⁵ Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 2020. С. 36.

³⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 34. Л. 5. Приказ № 5 (17 ноября 1941 г.).

³⁷ Там же. Л. 4. Приказ № 4 (17 ноября 1941 г.).

³⁸ Там же. Д. 36. Л. 41. Приказ № 2 (5 января 1942 г.).

³⁹ Там же. Д. 34. Л. 6. Приказ № 7 (19 ноября 1941 г.).

⁴⁰ Ильченко Е.В. Академик И. Г. Петровский — ректор Московского университета. С. 89.

⁴¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 2.

Первый эшелон (88 человек — 35 сотрудников и 53 члена семей), согласно аналитической части записки Орлова, был сформирован к 14 октября 1941 г. Однако в приложении, в Списке № 2, стоит дата 15 октября⁴². В числе выехавших значатся ректор А.С. Бутягин и М.М. Филатов, возглавивший в дальнейшем университет в эвакуации. Однако, как выяснилось, выезд самого ректора не был согласован с НКВШ, за что он был снят с поста и предан суду⁴³. Фамилии Бутягина мы не находим и в делопроизводстве, ведшемся в Ашхабаде и Свердловске. Основная его вина — потеря связи с университетом и НКВШ. К 23 ноября отряд был уже в Ашхабаде⁴⁴.

Прибытие первого эшелона в Ашхабад датируется 18 ноября⁴⁵. Видимо, речь идет о прибытии группы сотрудников из Ташкента под руководством уполномоченного Х.С. Брайнина.

16 октября эвакуация продолжилась. В этот день поездом должен был быть отправлен отряд в 220 чел.⁴⁶ Однако в связи с объявленной эвакуацией населения Москвы в целом и начавшейся паникой, отъезд был отложен. По воспоминаниям Б.Л. Цетлина, в то время студента химического факультета МГУ, зам. декана химфака Н.В. Костин объявил ожидавшим отправки студентам, что централизованного выхода не будет⁴⁷. Как отмечал Б.П. Орлов, в этот день состоялся выход «пешим порядком индивидуально и самостоятельными группами» нескольких сотен сотрудников и студентов МГУ⁴⁸. Самостоятельная эвакуация в этот день подтверждается воспоминаниями Б.Л. Цетлина, а также студента М.Г. Рабиновича, назначенного в этот день и.о. декана исторического факультета⁴⁹. Как значится в записке Б.П. Орлова, часть людей, покинувших Москву 16 октября, осталось «в районах Поволжья и в местах, куда были ранее с эшелонам эвакуированы семьи...»⁵⁰.

Впрочем, 17 октября централизованно поездом удалось отправить 96 чел. под руководством директора НИИ зоологии проф.

⁴² Там же. Л. 4, 21, 22.

⁴³ Там же. Л. 4.

⁴⁴ Продолжительность устанавливается по выплате суточных начальникам эшелонов (Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. № 34. Приказ № 34 от 31 декабря 1941 г. Л. 155).

⁴⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 135. Л. 2.

⁴⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 4–5.

⁴⁷ Цетлин Б.Л. «Золотые химфаковские годы»: в эвакуации // Великая война и ее великие воины. Фронтовики-химфаковцы вспоминают. М., 2005. С. 24–25.

⁴⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 4–5.

⁴⁹ Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 175.

⁵⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 4–5.

В.В. Азарова. Из Ташкента отряд выехал 20 ноября 1941 г. в пяти вагонах⁵¹ и прибыл в Ашхабад 23 ноября 1941 г.⁵²

22 октября был сформирован пеший отряд студентов и аспирантов общей численностью 208 чел. (190 студентов и 18 членов семей). Руководил «военизированным переходом» доцент кафедры географии почв геолого-почвенного факультета Николай Николаевич Большев (1903–1972). Отряд шел пешком через г. Егорьевск в г. Муром (туда же НКВШ доставил нужное количество пайков), откуда 9 ноября уже поездом был отправлен в Ашхабад, где оказался только 6 декабря 1941 г. Видимо, именно об этой группе писал Председателю СНК СССР А. Худайбергенову «зам. ректора ... по Ашхабадскому филиалу» И.С. Галкин 20 февраля 1942 г.: «Эвакуация личного и переменного состава МГУ происходила следующим порядком: студенты из Москвы эвакуировались пешим порядком без вещей, которые (вещи) должны быть позднее вывезены в Ашхабад по железной дороге. Научные сотрудники, эвакуированные по железной дороге, могли возить собственные вещи в пределах 25 кг на каждого члена семьи, а остальные вещи должны быть вывезены позднее»⁵³.

Вообще практика пеших переходов до г. Мурома (при эвакуации «на Восток») была распространена. Так, известный поэт, студент исторического факультета (поступил в 1937 г.) Николай Петрович Майоров (1919–1942) описывал своей переход до Мурома на «формировочный пункт, расположенный где-то около Горького»⁵⁴.

25 октября под руководством профессора С.И. Кулаева и сотрудника И.Д. Гурьева была отправлена еще одна группа в 220 чел.⁵⁵ Эшелон был в пути с 25 октября по 18 ноября 1941 г. Сперва эта группа оказалась в Ташкенте, затем была отправлена в Ашхабад, видимо, с той частью эвакуированных, что оказались здесь раньше.

29 октября 1941 г. был организован последний централизованный выезд. Была отправлена «в комфортабельных условиях группа высококвалифицированных профессоров, по преимуществу престарелых, в количестве 35 человек»⁵⁶.

Для отправки учебного и научного оборудования 2 ноября, а затем 20 ноября были выделены дополнительные вагоны. Первая

⁵¹ Там же. Оп. МГУ. Д. 34. Л. 6. Приказ № 7 (19 ноября 1941 г.).

⁵² Там же. Д. 34. Приказ № 34 (31 декабря 1941 г.).

⁵³ Архив Комнаты боевой и трудовой славы исторического ф-та МГУ. Ф. Документы из Центрального Государственного архива Туркменистана. Л. 108.

⁵⁴ «Мы шли навстречу ветру и судьбе...». Воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 207.

⁵⁵ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П. Орлова). Л. 5.

⁵⁶ Там же.

партия оборудования (82 тонны, в том числе документы ректората, бухгалтерии и т.д.) была отправлена под руководством сотрудника центрального аппарата МГУ И.Э. Германа только 22 ноября и доставлена 20 декабря. Вторая (118 тонн, в том числе часть фонда НБ МГУ им. АМ. Горького) была вывезена из Москвы под руководством сотрудника отдела главного инженера И.В. Попова 9 декабря и на момент составления записки Б.П. Орлова еще в Ашхабад не прибыла⁵⁷. Впрочем, уже к середине декабря 1941 г. угроза Москве миновала, и вопрос дальнейшей эвакуации стоял менее остро. Поэтому было решено не вывезенные грузы (135 тонн) оставить в Москве. Однако в дальнейшем это привело к сложностям функционирования МГУ в эвакуации: привычного оборудования не хватало.

30 ноября и 1 декабря пешим переходом были отправлены еще две группы студентов (231 чел.) и преподавателей (11 чел., включая семьи). Отряд возглавил доцент географического факультета Андрей (Анджей) Войцехович Гедымин⁵⁸ (1909 — после 1982). Отряд также двигался до Муром, откуда выехал 19 декабря. На момент составления записки Б.П. Орлова сведений о его дальнейшем передвижении не было. Отряд добрался до Ашхабада только 20 января 1942 г.

3–7 декабря 1941 г. из Москвы выехали последние группы сотрудников (103 человека) «уже не эшелонами, а в пассажирских вагонах»⁵⁹.

Что касается МИФЛИ, то централизованный выезд сотрудников был организован 26 ноября⁶⁰. В ведомости о выплате суточных фигурирует И.И. Захаров, бывший в пути с 27 октября по 13 декабря. Судя по всему, речь идет об отряде МИФЛИ: И.И. Захаров фигурирует в списках сотрудников вуза (в частности, был назначен «дежурным по институту» 1 июля 1941 г.⁶¹), а после — преподавателем экономического факультета МГУ. Видимо, одновременно выехали 39 сотрудников⁶². Однако в списке И.И. Захарова, который, видимо, руководил передвижением, нет. Кроме того, есть список (35 сотрудников и 58 членов семей), озаглавленный, как «Список профессорско-преподавательского состава, подлежащего эвакуации после 29 / X с.г.». Далее идет схожий список (36 сотрудников и 67 членов семей), имеющий

⁵⁷ Там же. Л. 5–6.

⁵⁸ Приказ о его назначении был подписан накануне: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 32. Л. 132.

⁵⁹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П.Орлова). Л. 58.

⁶⁰ Там же. Л. 59–62об.

⁶¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 34. Л. 131.

⁶² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П.Орлова). Л. 59–60.

схожее заглавие, но с другой датой «после 26 / XI-41». В обоих списках среди имен значится и ректор И.С. Галкин. Однако известно, что он выехал из Москвы 31 декабря вместе с академиком В.П. Волгиным⁶³.

К концу декабря 1941 г. эвакуировано 65 кафедр, 90% сотрудников и преподавателей, отправлено основное оборудование⁶⁴.

Московский университет в эвакуации: отдельные штрихи

По состоянию на 15 января 1942 г. из МГУ в Ашхабад прибыло 650 студентов и сотрудников всех факультетов. Всего в Ашхабаде список наличного состава работников МГУ включал 1099 человек, в том числе: профессоров — 92 человека; доцентов — 111; ассистентов, лаборантов, учебно-вспомогательного персонала — 107; аспирантов — 28; студентов — 495; работников ректората — 29; библиотечных работников и обслуживающего персонала — 20. С учетом членов семей в Ашхабаде находились 1551 человек⁶⁵ (в документах, отложившихся в архиве Туркменистана, значится 1537 сотрудников и студентов МГУ⁶⁶).

В литературе высказана идея, что раздельное пребывание частей университета приводило к конфликтам в управлении⁶⁷. На самом деле имевшееся трения следует считать рабочими моментами. Получилось так, в эвакуации оказалась основная часть университета. В то же время и.о. ректора Б.П. Орлов находился в Москве, при этом Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) и Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) пребывали не в столице, а соответственно в г. Кирове и Томске. С конца 1941 г. в Москве возобновились занятия, и часть оборудования, подлежавшего эвакуации в Ашхабад, была оставлена на месте (тем более, что любые лишние перевозки — всегда риск). Но ее ждали в Ашхабаде и на нее рассчитывали при планировании научной работы.

⁶³ Галкин И.С. Записки ректора Московского университета: воспоминания. С. 105–106.

⁶⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 800 (Записка и.о. ректора МГУ Б.П.Орлова); Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 100.

⁶⁵ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 41. Л. 318об.

⁶⁶ Архив Комнаты боевой и трудовой славы исторического ф-та МГУ. Ф. Документы из Центрального Государственного архива Туркменистана. Л. 198.

⁶⁷ Якобы «руководство московского подразделения не желало признавать своих ашхабадских коллег ввиду их “дезертирства” из военной Москвы» (Меркулова А.М. Управление Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова под руководством ректора И.С. Галкина в 1941–1947 гг. // Социология власти. Научный и общественно-политический журнал РАГС. 2011. № 3. С. 75).

В результате 4 марта 1942 г. Ученый совет МГУ в Ашхабаде (в присутствии Б.П. Орлова) постановил:

— не допускать создания параллельных структур («параллельных кафедр, должностей директоров институтов и деканов факультетов»),

— активизировать командировки сотрудников из Ашхабада в Москву и наоборот (но не создавать на местах дублирующие друг друга штаты),

— координировать работу московской части «Ученым Советом, деканами, директорами институтов и заведующими кафедрами, которые несут за нее полную ответственность»,

— признать «важность объединения в Московском университете организаций, которые были выделены из него в 1929–30 годах»⁶⁸.

Что касается возвращения в МГУ выделенных когда-то из его структуры организаций, то было постановлено: этот процесс должен вестись с санкции Ученого совета и с большой осторожностью. Это было явно ответом на присоединение МИФЛИ к МГУ, прошедшее без каких-либо согласований. При этом было сказано о необходимости отличать «постоянное присоединение того или другого вуза от временного присоединения, производимого из соображений текущего момента для сбережения находящихся в Москве студентов других ВУЗов, не возобновивших своей деятельности». Видимо, это, в свою очередь, был ответ на ожидавшееся присоединение к МГУ Юридического и Геолого-разведочного институтов.

Кроме того, была даже высказана идея, чтобы Ашхабад сделать местом постоянного пребывания ректора и секретаря партийного бюро, однако она не была реализована.

Так или иначе, взаимоотношения между московской и эвакуированной частями были выстроены довольно прозрачные: именно в эвакуированной части был представлен основной научный и педагогический потенциал, но обе части должны были работать совместно (что не исключало конкуренции и даже «социалистического соревнования»).

Практически сразу коллектив Московского университета включился в работу. Уже 25 ноября М.М. Филатов представил план работы МГУ народному комиссару просвещения Туркменской ССР Т.Б. Бердыеву. Перед старейшим вузом были поставлены следующие задачи:

- А) Сохранение старейшего в СССР университета как функционирующего научно-исследовательского и педагогического учреждения,

⁶⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 28. Д. 9. Л. 5 – 6 (Протокол, 4 марта 1942 г.).

- Б) оказание всемерной помощи в деле создания Туркменского университета в соответствии с пожеланием директивных органов ТССР,
- В) усиление ведущейся в ТССР научно-исследовательской работы силами работников МГУ.

Предполагалось, что учебный и научно-исследовательский процессы Ашхабадского государственного педагогического института, на базе которого должен был работать Московский университет, будут объединены с работой МГУ. Это должно было бы в дальнейшем создать «основы существования и работы Туркменского Госуниверситета». При этом перед МГУ ставилась задача подготовки «из местных кадров квалифицированных научных работников путем организации аспирантуры, руководства в деле подготовки диссертаций, создавая таким образом научные кадры для ТССР». Университет, по предложенному плану, кроме резервов педагогического института, также мог привлекать лаборатории и учреждения медицинского, сельскохозяйственного институтов, военного и других ведомств. В значительной степени это касалось выполнения заданий оборонного характера. Предложенный план предусматривал всестороннее изучение «природных и народнохозяйственных ресурсов Туркмении, истории страны, широкого участия в культурном строительстве республики и выполнения различных поручений правительства Туркменского ССР», а также «исследовательские работы, связанные с нуждами народного хозяйства и других республик Средней Азии». Работу эту предполагалось осуществлять «при широком участии местных работников и в тесном контакте с Туркменским филиалом Академии наук СССР»⁶⁹.

То есть задачи изучения Средней Азии, а также подготовки местных высококвалифицированных кадров изначально были сформулированы как основные направления работы МГУ (наравне с обычным учебным и научным процессом и работой по оборонным направлениям).

Примечательно, что Георгий Васильевич Никольский (1910–1977), ученый-ихтиолог, прибывший в Ашхабад с эшелонам 18 ноября 1941 г., уже в начале декабря стал объектом споров разных научно-хозяйственных организаций. Так, Наркомат рыбной промышленности и филиал Академии наук Казахской ССР просили командировать ученого в г. Алма-Ату. В этой связи С.И. Кулаев обратился в Наркомат госконтроля Туркменской ССР (даты обращения нет, но, судя по соседним документам архивного дела, оно

⁶⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 135. Л. 1.

составлено до 13 декабря), сообщив, что МГУ может туда командировать Г.В. Никольского, только если правительство Туркмении не заинтересовано в его работе в республике. Вскоре М.М. Филатов писал в военкомат г. Ашхабада об отсрочке призыва Г.В. Никольского, который «работает по заданию Правительства Туркменской ССР и Туркменским филиалом АН СССР над обширными рыбохозяйственными исследованиями»⁷⁰. В дальнейшем Г.В. Никольский руководил масштабной работой по хозяйственному освоению рыбных ресурсов Туркмении.

1 декабря в Ашхабаде начались занятия (в это время в Москве они были временно прекращены). Сохранились воспоминания о работе МГУ в это время: «Занятия формально шли по программе. Однако, конечно, регулярность и последовательность не могли соблюдаться. На одни лекции не хватало преподавателей, на другие — студентов. Часто мы — два-три студента — сидели с профессором на солнышке и дружески беседовали — об истории, о политике, о войне, конечно. Главное время мы проводили в библиотеке. Сказать честно, с точки зрения программных занятий учебный 1941/42 год прошел почти впустую. <...> Студенты участвовали в весенних полевых работах (в МГУ действовали курсы трактористов), профессора и преподаватели читали лекции на предприятиях, в воинских частях, госпиталиях. Студенты проводили субботники»⁷¹.

Во время пребывания университета в Ашхабаде были усилены некоторые дисциплины (военное дело) или введены новые (сельское хозяйство)⁷².

Некоторые студенты Ашхабадского педагогического института (на базе которого функционировал МГУ) на время становились студентами Московского университета. В этом статусе они получали высшее образование, уходили на фронт, работали на нужды обороны. Один из них — Сурен Соломонович Бабаханов (1924–1942) — в 1942 г. в числе других студентов был переведен в МГУ из Ашхабадского педагогического института. Призван в армию. Последнее место службы и звание — лейтенант 76-й отдельной морской стрелковой бригады. Пропал без вести. Его имя значится на Доске памяти исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

В эвакуации сотрудники и студенты МГУ участвовали в мероприятиях, связанных с обороной страны, а также подлежали моби-

⁷⁰ Там же. Л. 5, 7.

⁷¹ Поляков Ю.А. Минувшее. Фрагменты. Воспоминания историка. М., 2011. С. 159.

⁷² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 38. Л. 23.

лизации. Например, студент 4-го курса исторического факультета Г.А. Цявловский вместе с пятью студентами других факультетов были отчислены «в связи с призывом в ряды РККА»⁷³. Сам Цявловский погиб.

В течение декабря 1941 г. и до сентября 1942 г. руководство Московского университета писало постоянные обращения в различные инстанции ТССР с просьбой о содействии в том или ином направлении работы. Например, 9 января датировано письмо в дирекцию Государственного Туркменского музея с просьбой разрешить доценту биологического факультета Н.В. Шибанову изучить имеющиеся профильные коллекции⁷⁴. 14 января направлено письмо в СНК ТССР с просьбой о содействии в расширении коллекции Зоологического музея МГУ за счет чучел животных местной фауны. При этом в письме есть ссылка на принципиальную договоренность Заготуправлением Туркменбирлешика о выделении соответствующих шкур⁷⁵. Обширная переписка касалась возможности участия московских исследователей в изучении Копетдага.

В Ашхабаде активно защищались диссертации. Причем из-за относительно малого количества ученых гуманитариев к началу 1942 г. они были объединены в один Ученый совет гуманитарных факультетов, в котором работали филологи Р.А. Аванесов, Н.К. Гудзий и др., историки А.В. Арциховский, Б.Н. Граков и др., философ И.Г. Каплан, психолог А.Н. Леонтьев⁷⁶:

Этот Ученый совет в период эвакуации присуждал степени кандидата и доктора наук по гуманитарным дисциплинам. В Ашхабаде была защищена 21 диссертация (среди авторов — два человека из числа 11 первых членов АН Туркменской ССР, открытой в 1951 г.⁷⁷), в Свердловске — 10.

Всего же за период пребывания в Ашхабаде было защищено 7 докторских диссертаций (к этому следует прибавить решение о присвоении степени доктора наук доценту З.С. Родионову без защиты как лауреату Сталинской премии) и 40 кандидатских. Из этих 40 человек: сотрудников МГУ — 11, аспирантов — 10, научных работников других вузов — 19 (главным образом Туркмении и Киргизии).

⁷³ Там же. Д. 40. Приказ № 72 (15 октября 1942 г.). Л. 232об.

⁷⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 138. Л. 1.

⁷⁵ Там же. Л. 2.

⁷⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 34 (3). Л. 1.

⁷⁷ Имеются в виду: Пигам Азимович Азимов (1915–1994), туркменский государственный деятель, ученый-тюрколог, языковед (диссертация «Аффиксация как метод словообразования в современном туркменском литературном языке») и Гаиб Непесович Непесов (1907–1976), туркменский историк (диссертация «Хивинская народная революция 1918–1920 гг.»).

И еще один момент, уже связанный с функционированием МГУ в Свердловске. По выражению И.С. Галкина, директор Уральского индустриального института (УИИ) Аркадий Семенович Качко (1895–1959)⁷⁸ «не очень любезно встретил столичный университет»⁷⁹. Однако следует помнить, что МГУ стал далеко не первой организацией, размещенной в институте. Здесь во втором и третьем учебных корпусах располагались два крупных эвакуированных завода, научно-исследовательский институт, а также Военно-воздушная академия им. Жуковского. Понятно, что для А.С. Качко, так же, как и для государственных и партийных органов города, МГУ стал еще одной «головной болью». Поэтому чисто физически эвакуированному вузу трудно было уделить должное внимание. Как известно, крайнее напряжение и большой фронт ответственности, стоявший перед А.С. Качко, привел и к неминуемым сбоям. Так осенью 1942 г. в здании, занимаемом МГУ, случился пожар. Видимо, тогда и была утрачена значительная часть университетского делопроизводства (в том числе и МИФЛИ). В целом, судя по всему, имевшиеся сложности во взаимодействии руководства МГУ и УИИ были сглажены. Уже перед эвакуацией МГУ из Свердловска А.С. Качко просил объявить благодарность сотрудникам университета: профессору В.Г. Юдовскому, доцентам Ж.А. Мауреру, С.Х. Брайнину за участие в методической работе кафедры марксизма-ленинизма Уральского индустриального института⁸⁰.

Заключение

Именно в годы Великой Отечественной войны университет сложился как научно-образовательный центр не только естественных, но и гуманитарных наук. Кроме того, МГУ дал возможность завершить образование и научные работы десяткам студентов и соискателей других вузов, чья деятельность была прервана войной. Ученые университета дали мощный импульс для становления высшей школы «на местах», активно участвовали в изучении истории, природных ресурсов и экономического потенциала (и развития последнего) республик Средней Азии.

⁷⁸ См. о нем: *Селиванов Н. П., Кислицына Е.А.* Аркадий Семенович Качко — директор УПИ (1937–1951) // Уральский государственный технический университет: страницы истории. Сб. науч. студенческих работ. Вып. 1. № 4 (12). Екатеринбург, 2000. С. 134–136.

⁷⁹ *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета: воспоминания. С. 109.

⁸⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Ед. хр. 61. Л. 12, 12об. Приказ № 234 от 25 мая 1943 г. (по Уральскому индустриальному институту). Л. 11. Приказ № 132 от 25 мая 1943 г. (по МГУ, г. Свердловск).

Всё это говорит о том, что многие аспекты истории Московского университета в годы Великой Отечественной войны (впрочем, как и судеб Московского университета в целом) требуют дальнейшего кропотливого и методичного изучения.

References

Ilchenko E.V. *Akademik I.G. Petrovskii — rektor Moskovskogo universiteta* [Academician I.G. Petrovskii: Rector of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 559 p.

Kniga pamyati prepodavatelei, aspirantov i studentov filosofskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova, pavshikh v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945) [Book of Remembrance of Faculty Members, Postgraduate Students, and Students of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University Who Fell in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2025. 453 p.

Merkulova A.M. *Upravlenie Moskovskim gosudarstvennym universitetom imeni M.V. Lomonosova pod rukovodstvom rektora I.S. Galkina v 1941–1947 gg.* [The Administration of Lomonosov Moscow State University under Rector I.S. Galkin, 1941–1947] // *Sotsiologiya vlasti. Nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal RAGS*. 2011. N 3. P. 73–77.

Moskovskii universitet v Velikoi Otechestvennoi voine [Moscow University in the Great Patriotic War]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2020. 632 p.

Moskovskii universitet za 50 let sovetskoï vlasti [Moscow University during Fifty Years of Soviet Rule]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. 759 p.

“My shli navstrechu vetru i sud'be...”: vospominaniya, stikhi i pis'ma istorikov MGU — uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny [“We Walked toward the Wind and Destiny...”: Memoirs, Poems, and Letters of MSU Historians Who Participated in the Great Patriotic War]. Moscow: Ves' Mir, 2009. 608 p.

Pochvovedy na fronte i v tylu: materialy k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, posvyashchennyye sotrudnikam fakul'teta pochvovedeniya — uchastnikam voiny i truzhenikam tyla [Soil Scientists at the Front and on the Home Front: Materials Commemorating the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Dedicated to Members of the Faculty of Soil Science Who Served in the War and Worked on the Home Front] / P.V. Krasil'nikov, S.A. Shoba, T.I. Khusnetdinova; ed. by T.I. Khusnetdinova. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i Ko”, 2025. 120 p.

Selivanov N.P., Kislitsyna E.A. *Arkadii Semenovich Kachko — direktor UPI (1937–1951)* [Arkady Semenovich Kachko: Director of UPI (1937–1951)] // *Ural'skii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet: stranitsy istorii. Sbornik nauchnykh studentcheskikh rabot* [Ural State Technical University: Pages of History. Collection of Student Research Papers]. Issue 1. N 4 (12). Yekaterinburg: UGTU–UPI, 2000. P. 134–136.

Поступила в редакцию
3 ноября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-123-146

Л.Х. Муромцева

**ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ МГУ 1950–1960-х ГГ.
ЗАЩИТА ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ МИНИСТРОМ
ФИНАНСОВ СССР А.Г. ЗВЕРЕВЫМ**

L.Kh. Muromtseva

**A CHAPTER IN THE ACADEMIC HISTORY OF MOSCOW
STATE UNIVERSITY IN THE 1950s–1960s:
THE DOCTORAL DISSERTATION DEFENCE
OF A.G. ZVEREV, MINISTER OF FINANCE OF THE USSR**

Аннотация. В статье отмечается вклад Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в развитие отечественной науки и высшего образования в 1950–1960-е гг. Освещаются недостаточно изученные аспекты научной жизни МГУ в данный период, в том числе связанные с деятельностью диссертационных советов университета. В рамках реализации федерального историко-патриотического проекта «Наркомы Великой Победы» публикация имеет целью внести вклад в создание научной биографии «главнокомандующего финансовым фронтом» — выдающегося деятеля советской эпохи, на протяжении более 20 лет руководившего финансовой сферой государства, народного комиссара/министра финансов СССР Арсения Григорьевича Зверева (1900–1969). В интересах расширения и актуализации проблематики отечественной исторической персоналистики поставлена задача — осветить как недостаточно исследованные, так и совершенно неизученные страницы его жизни и деятельности, наполнить их достоверными, проверенными историческими фактами и свидетельствами. Основное внимание уделено подготовке и защите А.Г. Зверевым докторской диссертации в МГУ в 1959 г. Показано, что это событие послужило плодотворным импульсом в последующей научно-педагогической деятельности А.Г. Зверева в Институте экономики РАН и во Всесоюзном заочном финансовом экономическом институте. Обоснован вывод о том, что видный советский руководитель, яркий представитель первого поколения со-

Муромцева Людмила Халиловна, кандидат исторических наук, начальник
Управления по надзору за аудиторской деятельностью Федерального казначейства
Muromtseva Liudmila Khalilovna, PhD Candidate in History, Head, Audit
Supervision Department, Federal Treasury
muromtseva_lh@mail.ru
ORCID: 0009-0004-8022-9733

ветской научной интеллигенции, доктор экономических наук, профессор А.Г. Зверев внес значительный вклад в исследование актуальных проблем отечественной экономической науки, в подготовку специалистов и научных кадров для финансовой сферы государства. Основу источниковой базы, наряду с документами Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики, составила впервые вводимая в научный оборот делопроизводственная документация — копии личных дел А.Г. Зверева, полученные по официальному запросу Федерального казначейства из Центрального архива Министерства обороны России, Центрального государственного архива города Москвы, ФКУ «Центр хранения страхового фонда» (г. Ялutorовск, Тюменская обл.), архивов Института экономики РАН и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Министерство финансов СССР, Высшая аттестационная комиссия, защита диссертации, историческая персоналистика.

Abstract. The article highlights the contribution of Lomonosov Moscow State University to the advancement of Soviet scholarship and higher education during the 1950s and 1960s. It examines previously underexplored aspects of the University's academic life in this period, including the activities of its dissertation councils. Produced within the framework of the federal historical and patriotic project People's Commissars of the Great Victory, the study seeks to contribute to a scholarly biography of the "commander-in-chief of the financial front", Arseny Grigorievich Zverev (1900–1969), an eminent Soviet statesman who headed the country's financial administration for more than two decades as People's Commissar and subsequently Minister of Finance of the USSR. In order to broaden and update the agenda of Russian historical and biographical studies, the article sets out to illuminate both insufficiently researched and hitherto entirely unexplored episodes in Zverev's life and career, substantiating them with reliable and carefully verified historical evidence. Particular attention is devoted to Zverev's preparation and defence of his doctoral dissertation at Moscow State University in 1959. The article demonstrates that this event provided an important impetus for his subsequent scholarly and teaching activities at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and the All-Union Correspondence Institute of Finance and Economics. The study argues that A.G. Zverev, a prominent Soviet statesman, a notable representative of the first generation of the Soviet scholarly intelligentsia, Doctor of Economic Sciences and Professor, made a significant contribution to the study of major issues in Soviet economic scholarship, as well as to the training of specialists and researchers for the country's financial sector. Alongside documents from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of the Economy, the source base of the study includes previously unpublished administrative records introduced into scholarly circulation for the first time: copies of A.G. Zverev's personal files obtained, following an official request by the Federal Treasury, from the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation, the Central State Archive of the City of Moscow, the Federal State Institution Insurance Fund Records Storage Centre in Yalutorovsk, Tyumen Region, and the archives of the Institute of Economics of the

Keywords: Lomonosov Moscow State University, Ministry of Finance of the USSR, Higher Attestation Commission, dissertation defence, historical and biographical studies.

* * *

На рубеже 1950–1960-х гг. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова упрочил свои позиции ведущего вуза СССР. В 1958 г. в состав МГУ входили 12 факультетов и Институт восточных языков. В университете обучались 34,5 тыс. чел., в том числе 1200 студентов, аспирантов и стажеров из 48 стран мира. «Научно-педагогическую деятельность осуществляли 2003 профессора и преподавателя, 788 научных сотрудников, в т.ч. 47 академиков и 64 члена-корреспондента АН СССР, 438 профессоров и 683 доцента»¹.

Научная жизнь университета была ознаменована выдающимися достижениями. Лауреатами Нобелевской премии по физике стали профессор МГУ, академики АН СССР И.М. Франк и И.Е. Тамм. Ленинская премия была присуждена педагогам МГУ, создателям научных школ — академикам АН СССР Л.А. Арцимовичу, М.А. Леонтовичу, Н.Н. Боголюбову, Д.И. Блохинцеву, В.И. Векслеру.

Премии имени М.В. Ломоносова были удостоены ученые исторического факультета МГУ: академик АН СССР М.Н. Тихомиров за фундаментальное исследование «Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв.» и профессор Л.В. Черепнин за книги «Русская историография до XIX в. Курс лекций» и «Русская палеография».

Академиками АН СССР стали Б.А. Рыбаков и С.Д. Сказкин (исторический факультет).

Академики А.Н. Несмеянов (химический факультет) и Д.В. Скобельцын (Научно-исследовательский институт ядерной физики МГУ) были избраны депутатами Верховного Совета СССР.

По актуальной общественно-политической тематике перед педагогами и студентами регулярно выступали руководители КПСС и советского государства. Среди них: член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян, секретарь ЦК и МГК КПСС Е.А. Фурцева, секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов, заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин и др.

Видный государственный деятель, яркий представитель первого поколения советской научной интеллигенции, министр финансов СССР А.Г. Зверев, защитивший диссертацию в МГУ, стал доктором

¹ Летопись Московского университета. — URL: <https://letopis.msu.ru/letopis/1958> (дата обращения 03.12.2025).

экономических наук, профессором, внес значительный вклад в исследование актуальных проблем отечественной экономической науки, в подготовку специалистов и научных кадров для финансовой сферы советского государства.

Арсений Григорьевич Зверев родился 2 марта 1900 г. в Клинском районе Московской области, в многодетной рабочей семье. В 13 лет начал свой трудовой путь подмастерьем на ткацкой мануфактуре. В 1919 г. добровольцем вступил в Красную армию и в том же году был принят в партию большевиков. После демобилизации в 1922 г. работал финансовым агентом, заведующим уездным финотделом, председателем Клинского уездного исполкома, заведующим Брянским окружным финотделом.

В 1930 г. по партийной путевке направлен на учебу в Московский финансовый институт, в годы учебы являлся секретарем партбюро вуза. После его окончания работал заведующим райфинотделом, избирался председателем райисполкома и первым секретарем Молотовского райкома партии г. Москвы.

В сентябре 1937 г. после личной встречи в Кремле с И.В. Сталиным был назначен заместителем народного комиссара финансов СССР, в январе 1938 г. — народным комиссаром, в 1946 г. — министром финансов СССР. На этих государственных постах находился более двадцати лет.

Внес выдающийся вклад в обеспечении стабильности финансово-экономической системы СССР в годы Великой Отечественной войны. В научной литературе и публицистике Арсений Григорьевич по праву назван «Главкомандующим финансовым фронтом» и «финансовым маршалом Победы»².

Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. В мае 1960 г. по личной просьбе и по состоянию здоровья был освобожден от обязанностей министра и занялся активной научно-педагогической деятельностью.

Скончался 27 июля 1969 г. на 70-м году жизни. Некролог по случаю кончины пенсионера, уже на протяжении длительного времени не занимавшего государственных постов, подписали первые лица партии и государства, ответственные работники ЦК КПСС и Совета Министров СССР: генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, председатель

² Зверев Арсений Григорьевич — Главкомандующий финансовым фронтом // Народный комиссариат финансов СССР. М., 2025. С. 470–539; *Домбровский А.Н.* Финансовый маршал Победы // Бюджет. 2020. № 3 (207). С. 78–79.

Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, министр финансов СССР В.Ф. Гарбузов, и другие.

В некрологе, а также в других сообщениях центральной печати в связи с кончиной А.Г. Зверева он был назван не только видным государственным и общественным деятелем, но и крупным советским ученым. Отмечен его значительный вклад в подготовку высококвалифицированных кадров для финансовой и экономической системы государства³.

В настоящее время в рамках реализации историко-патриотического проекта «Наркомы Великой Победы» осуществляется написание научной биографии А.Г. Зверева. Прделана значительная работа по освещению его деятельности в годы Великой Отечественной войны⁴.

Однако до последнего времени период в его жизни и деятельности, связанный с подготовкой и защитой докторской диссертации в МГУ в 1959 г. и последующей научно-педагогической работой, оставался вне поля зрения исследователей. Мы располагаем лишь краткими, отрывочными, противоречивыми, а зачастую и ошибочными сведениями по данному периоду.

Так, в предисловии к мемуарам А.Г. Зверева «Записки министра», изданным в 1973 г. уже после кончины Арсения Григорьевича, член-корреспондент АН СССР К.Н. Плотников сообщал: «Уже в последние годы жизни Арсений Григорьевич защитил докторскую диссертацию...»⁵. Это утверждение перешло и в современные публикации, посвященные жизни и деятельности А.Г. Зверева⁶. «Когда А.Г. Зверев стал пенсионером союзного значения (т.е. после 1960 г. — Л.М.), он по совокупности печатных работ защитил докторскую диссертацию»⁷. Однако эти утверждения не соответствуют действительности.

³ Правда. 1969. 29 июля; Известия. 1969. 28 июля.

⁴ Силуанов А.Г. Нарком Победы (К 120-летию со дня рождения А.Г. Зверева) // Финансы. 2020. № 4. С. 4–15; Одно из имен Победы. — URL: <https://tass.ru/opinions/8377417?ysclid=m8ew616ud5925162003> (дата обращения 17.12.2025); Мухомцева Л.Х. Во главе Народного комиссариата финансов СССР в годы Великой Отечественной войны (К 80-летию Великой Победы и 125-летию со дня рождения А.Г. Зверева) // Исторический вестник. 2025. Т. LII. С. 262–277; и др.

⁵ Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 6.

⁶ Пачкалов А., Тростин Е. Железный наркомфин // 100 лет Финансовому университету. Историк. Спецвыпуск. 2019. С. 39.

⁷ Пачкалов А.В. Арсений Григорьевич Зверев — нарком Победы // Финансы. 2023. № 5. С. 26–31; Замечательные люди — URL: <https://www.biblio-klin.ru/filials/visokovsk/zemlyaki/1460-zverev-a.g.html> (дата обращения 04.12.2025) и др.

Поэтому есть необходимость документально, в том числе с использованием доступных нам архивных документов, уточнить хронологию заключительных лет государственной деятельности А.Г. Зверева, на которые пришлись подготовка и защита докторской диссертации в Московском государственном университете.

27 марта 1958 г. на сессии Верховного Совета СССР были утверждены два Указа Президиума Верховного Совета СССР, во исполнение которых Н.А. Булганин был освобожден от обязанностей председателя Совета Министров СССР, а Н.С. Хрущев назначен на эту должность. 31 марта 1958 г. Н.С. Хрущев (депутат от Калининского избирательного округа г. Москвы) на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей представил на утверждение Верховного Совета СССР предложение о составе Правительства СССР. В него на пост министра финансов СССР был вновь предложен и затем утвержден Верховным Советом СССР А.Г. Зверев. В этой должности ему суждено было оставаться немногим более двух лет.

Отметим, что в связи с вышеуказанными назначениями служебная деятельность Арсения Григорьевича осложнилась, поскольку работать в правительстве СССР под руководством и в тесном контакте с импульсивным, непоследовательным, недостаточно компетентным и образованным Хрущевым являлось делом весьма сложным. К тому же, по единодушному мнению очевидцев, Хрущев предвзято и ревниво относился к Звереву, имевшему большой авторитет у И.В. Сталина и неоднократно аргументированно отстаивавшему перед ним свою позицию.

Именно на этом этапе деятельности и состоялась защита А.Г. Зверевым докторской диссертации. Основными источниками для изучения этого события стали архивные документы, подавляющую часть которых впервые вводится в научный оборот.

В Федеральном казенном учреждении «Центр хранения страхового фонда», расположенном в г. Ялуторовске Тюменской обл., находятся документы Государственного архива Российской Федерации. В фонде Р-9506 — «Высшая аттестационная комиссия при Совете Министров СССР, г. Москва, 1932–1991» — имеется дело № 135.314 «Зверев Алексей Григорьевич». В нем подшито и пронумеровано 235 листов, в том числе 10 листов с информацией на обороте — всего 245 листов. Крайние даты создания дела — 1958–1963 гг. Эти документы, полученные по запросу Федерального казначейства, отражают процесс подготовки и защиты А.Г. Зверевым в МГУ докторской диссертации, а также решения, принятые ВАК при Министерстве

высшего образования СССР о присвоении ему ученой степени доктора экономических наук, ученых званий «старший научный сотрудник» и «профессор».

Также изучены и вводятся в научный оборот документы, находящиеся в личных делах А.Г. Зверева, копии которых получены по запросу Федерального казначейства из Центрального архива Министерства обороны России, Центрального государственного архива города Москвы, архивов Института экономики РАН и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

В конце 1950-х гг. порядок присуждения ученых степеней определяло постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 20 марта 1937 г. № 464 «Об ученых степенях и званиях»⁸. В соответствии с ним защита диссертаций проходила на заседаниях ученых советов научных и образовательных учреждений. В исключительных случаях предусматривалась возможность защиты докторской диссертации, минуя кандидатскую: «... лицам, известным выдающимися научными трудами, открытиями или изобретениями»⁹.

Имеющиеся архивные документы позволяют установить хронологию основных событий.

16 сентября 1958 г. А.Г. Зверев обратился в ВАК с просьбой разрешить ему защиту диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук без предварительной защиты кандидатской диссертации. В качестве диссертации он представил монографию «Вопросы национального дохода и финансов СССР», опубликованную «Госфиниздатом» в 1958 г. объемом 12,5 п. л. Кроме указанной работы, сообщал А.Г. Зверев, «мною написано и опубликовано свыше 150 других работ, общим объемом около 130 п. л.»¹⁰.

11 октября 1958 г. заявление А.Г. Зверева было рассмотрено на заседании ВАК. Его стенограмма свидетельствует о том, что мнения членов ВАК по данному вопросу разделились. Например, академик А.М. Терпигорев предложил, чтобы А.Г. Зверев все же вначале защитил кандидатскую диссертацию, а А.В. Щегляев — чтобы ограничиться «снятием необходимости сдачи кандидатского минимума»¹¹.

Профессор А.С. Давыдов высказал следующее мнение: «Не каждый день министры защищают докторские диссертации. Если ми-

⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1937 г. № 1–39. Отдел первый. М., 1937. С. 176–182.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 88.

¹¹ Там же. Л. 94–95.

нистр считает возможным перед ученым советом выступить с диссертацией, такой благородный жест надо поддержать»¹².

Его поддержал профессор А.Л. Лаврищев, который внес предложение: «... решить этот вопрос положительно, учитывая, что тов. Зверев имеет большой производственный опыт и в теоретическом отношении работает, в отличие от многих министров. Правда, маловато денег на науку дает, зажимает науку, это мы ему тактично скажем, но самый факт представления работы о теории развития финансов, это положительный факт и нужно разрешить»¹³.

Итоги обсуждения подвел заместитель председателя ВАК В.Н. Столетов: «Разрешим защищать докторскую диссертацию. А совет — подберем, чтобы был авторитетным, это примерно будет Совет МГУ»¹⁴. В этот же день В.Н. Столетов наложил на заявление А.Г. Зверева следующую резолюцию: «Тов. Линевичу. Оформить разрешение. Основание: решение Пленума ВАК от 11 октября 1958 г.».

Через неделю, 18 октября 1958 г. В.Н. Столетов направил ректору МГУ имени М.В. Ломоносова академику И.Г. Петровскому письмо о том, что в соответствии с решением пленума ВАК от 11 октября 1958 г. А.Г. Звереву разрешена защита диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. ВАК разрешил в состав Совета экономического факультета МГУ при защите диссертации А.Г. Зверевым привлечь, с правом решающего голоса, необходимых специалистов¹⁵.

22 октября 1958 г. председателю ВАК министру высшего образования СССР В.П. Елютину за подписями проректора МГУ И.С. Галкина и декана экономического факультета МГУ М.М. Соколова было направлено следующее ходатайство: «В связи с предстоящей защитой на Совете экономического факультета МГУ докторской диссертации тов. Зверева А.Г. “Вопросы национального дохода и финансов СССР” прошу Вас ввести членами Совета специально на одно заседание видных финансистов страны: 1. Члена-корреспондента АН СССР, профессора, доктора экономических наук Дьяченко В.П. 2. Профессора, доктора экономических наук Любимова Н.Н. 3. Кандидата экономических наук, доцента Бачурина А.Ф.»¹⁶.

На следующий день 23 октября 1958 г. на данное обращение дал ответ заместитель председателя ВАК В.Н. Столетов: «Высшая атте-

¹² Там же. Л. 95.

¹³ Там же. Л. 94.

¹⁴ Там же. Л. 95.

¹⁵ Там же. Л. 87.

¹⁶ Там же. Л. 86.

стационарная комиссия разрешает ввести в состав совета экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на защиту докторской диссертации А.Г. Зверевым с правом решающего голоса докторов экономических наук — профессоров В.П. Дьяченко и Н.Н. Любимова»¹⁷. Как видим, ВАК не поддержал предложение о включении в состав совета доцента А.Ф. Бачурина.

28 ноября 1958 г. на заседании Ученого совета экономического факультета МГУ был рассмотрен вопрос: «О рекомендации на защиту в Ученом совете экономического факультета МГУ докторской диссертации Зверева А.Г. на тему: “Вопросы национального дохода и финансов СССР”. Было принято следующее постановление: «Поставить на защиту в Ученом совете экономического факультета МГУ диссертацию тов. Зверева А.Г. на тему: “Вопросы национального дохода и финансов СССР”». Официальными оппонентами по диссертации А.Г. Зверева назначить В.П. Дьяченко, Н.Н. Любимова и А.И. Пашкова»¹⁸.

Василий Петрович Дьяченко (1902–1971) — видный советский экономист, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. В 1930–1931 гг. работал заместителем директора Московского финансово-экономического института, читал лекции студенту Арсению Звереву. В 1938–1947 гг. по приглашению и под руководством А.Г. Зверева работал в системе Наркомата / Министерства финансов СССР: начальником секретариата наркома, главным редактором НКФ СССР и управляющим Госфиниздатом СССР. Возглавлял группу денежного обращения НКФ СССР в период подготовки и проведения денежной реформы 1947 г. Вел научно-педагогическую деятельность в ряде высших учебных заведений. В 1947–1956 гг. — заместитель директора, директор Института экономики АН СССР. В 1962–1971 гг. — председатель Научного совета по проблемам ценообразования АН СССР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета».

Николай Николаевич Любимов (1894–1975) — ведущий специалист в сфере экономических отношений, доктор экономических наук, профессор. Длительное время работал в Наркомате финансов СССР: заместителем начальника Валютного управления НКФ СССР, консультантом группы денежного обращения в период подготовки и проведения денежной реформы 1947 г. Лауреат Сталинской премии. Заслуженный деятель науки РСФСР. Герой Социалистическо-

¹⁷ Там же. Л. 84, 85.

¹⁸ Там же. Л. 150.

го Труда. Награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, двумя орденами «Знак Почета».

Анатолий Игнатьевич Пашков (1900–1988) — видный специалист в сфере финансов, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР. В 1925 г. окончил экономическое отделение факультета общественных наук МГУ. В 1948–1957 гг. — заведующий кафедрой политэкономии экономического факультета МГУ. Член редколлегии журнала «Известия АН СССР. Серия экономическая». Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями. Почетный гражданин города Ельца.

Отметим, что непосредственная подготовка А.Г. Зверева к защите докторской диссертации совпала с напряженной работой, проводимой им и аппаратом Минфина СССР по подготовке отчета по исполнению Государственного бюджета СССР за 1957 год и утверждению союзного госбюджета на 1959 год.

Этот вопрос был внесен Советом Министров СССР первым на обсуждение сессии Верховного Совета СССР, которая проходила 22–25 декабря 1958 г. На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей был заслушан доклад депутата Верховного Совета СССР от Смоленского избирательного округа А.Г. Зверева, который обсуждался 22 и 23 декабря 1958 г.¹⁹ Также в стенограмме сессии имеется заключительное слово А.Г. Зверева по вопросу утверждения госбюджета СССР на 1959 г.²⁰

30 декабря 1958 г. в газете «Вечерняя Москва» было опубликовано сообщение о том, что 9 января 1959 г. в МГУ (ул. Моховая, 9, ауд. 76) в 16.00 состоится защита докторской диссертации А.Г. Зверевым на тему: «Вопросы национального дохода и финансов СССР»²¹.

9 января 1959 г. на заседании Ученого совета экономического факультета МГУ был рассмотрен один вопрос: «Защита тов. Зверевым А.Г. диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук»²².

В качестве докторской диссертации А.Г. Зверевым была представлена монография «Вопросы национального дохода и финансов СССР», изданная в 1958 г. издательством «Госфиниздат», объемом 243 с. и тиражом 20 тыс. экз. В настоящее время один экземпляр

¹⁹ Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Вторая сессия (22–25 декабря 1958 г.). Стенограф. отчет. М., 1959. С. 12–31.

²⁰ Там же. С. 169–176.

²¹ Там же. Л. 96.

²² ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 151.

монографии под шифром ОД Дд 59–8/7 хранится в отделе диссертаций Российской государственной библиотеки²³.

В Совет на книгу А.Г. Зверева были представлены положительные отзывы кафедры государственного бюджета и кафедры финансов Московского финансового института (МФИ) с предложением на ее основе присудить искомую ученую степень²⁴. Также на монографию поступила положительная рецензия профессора К.А. Ларионова, опубликованная в № 10 журнала «Финансы СССР» за 1958 год²⁵.

Весьма представительным был кворум: из 23 чел. на заседании Совета присутствовал 21. Среди них отметим ученых, внесших весомый вклад в развитие отечественной экономической науки, оставивших заметный след в истории высшего образования и Московского государственного университета.

Председатель совета — доктор экономических наук, профессор Соколов Михаил Максимович (1898–1971). В годы Великой Отечественной войны был ректором Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева (1941–1943). В МГУ с 1947 г.: декан экономического факультета (1954–1959), создал и возглавил кафедру экономики и планирования сельского хозяйства (1954–1971). Проректор по учебно-научной работе гуманитарных факультетов МГУ (1959–1962). Заместитель председателя ВАК при Минвузе СССР (1961–1971). Государственные награды: орден Ленина и «Знак Почета», медали.

Доктор экономических наук, профессор Савинский Дмитрий Васильевич (1885–1966) — видный советский экономист, создатель отечественной научной школы промышленной статистики. В 1912 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1948–1966 гг. — создатель и первый заведующий кафедрой статистики экономического факультета МГУ. Автор первого отечественного учебника для вузов по промышленной статистике (1-е изд. 1939; 5-е изд. 1960). Заслуженный деятель науки РСФСР (1959).

Доктор экономических наук, профессор Спиридонова Нина Сергеевна (1904–1972) — в 1953–1972 гг. заведующая кафедрой политической экономии естественных факультетов МГУ. Дважды награждена орденом Трудового Красного Знамени.

²³ Зверев А.Г. Вопросы национального дохода и финансов СССР. Дис. ... докт. эконом. наук. М., 1958. 243 с. В описи документов, представленных А.Г. Зверевым на защиту, автореферат диссертации отсутствует. Автор не обнаружила его и в отделе диссертаций Российской государственной библиотеки.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 142–145.

²⁵ Там же. Л. 146–148.

Доктор экономических наук, профессор Жамин Виталий Алексеевич (1920–1989), с 1950 г. работал в МГУ: заведующий кафедрой экономики зарубежных стран и декан экономического факультета (1958–1963); ректор Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина (1963–1966); заместитель директора Института экономики АН СССР. Лауреат Государственной премии СССР (1982). Награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями.

Скажем и о партийном контроле за научной работой в МГУ, в частности о представителях партноменклатуры в Ученом совете экономического факультета. Под № 23 в листе явки на заседание совета значится анонимный «представитель партбюро» (его роспись имеется). К этой же категории отнесем присутствовавшего на заседании доцента Владимира Николаевича Ягодкина (1928–1985), еще студентом вступившего в ВКП(б). В 1951 г. он окончил экономический факультет МГУ, учился в аспирантуре. В 1951–1953 гг. — секретарь комитета ВЛКСМ МГУ. В 1954–1967 гг. преподавал на экономическом факультете. В 1967–1971 гг. — секретарь парткома МГУ²⁶.

К сообщению ученого секретаря совета профессора И.Ф. Копыла о трудовой деятельности соискателя, вопросов не последовало. Затем председатель совета профессор М.М. Соколов предоставил слово А.Г. Звереву. Доклад соискателя занимает 19 страниц стенограммы, напечатанной через 1,5 интервала. Таким образом, по самым приблизительным подсчетам доклад А.Г. Зверева продолжался не менее 35–40 мин.²⁷.

Поскольку диссертанту было подано в письменном виде 20 вопросов, председатель совета предложил дать ему время подготовиться к ответам на них и предоставил слово официальным оппонентам.

К стенограмме заседания совета приложены отзывы официальных оппонентов профессоров В.П. Дьяченко и Н.Н. Любимова, ко-

²⁶ Об уровне взаимоотношений партийной власти и руководства МГУ в тот период можно судить по следующему факту. По свидетельству современников, В.Н. Ягодкин и ректор МГУ академик И. Г. Петровский не общались месяцами. В итоге их мирить приезжал сам заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников. Тем не менее, партийная карьера Ягодкина постоянно шла в гору: секретарь Московского горкома партии по идеологии, кандидат в члены ЦК КПСС (1971–1976), депутат Верховного Совета РСФСР (1971–1978). Инициатор сноса «бульдозерной» выставки в Москве в 1974 г., что явилось основной причиной его увольнения с партийного поста (см.: Игорь Иванович Ольховский — красноармеец, профессор, парторг // Советский физик. 2016. № 1 (117). С. 57–58).

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 152–170.

которые они довели до сведения присутствующих и предложили присудить искомую ученую степень А.Г. Звереву²⁸.

Наряду с отзывом официального оппонента А.И. Пашкова, имеющемуся в личном деле А.Г. Зверева, в стенограмме на 10 страницах изложено его выступление²⁹. В нем отмечено, что трактовка вопросов, которая содержится в диссертации, имеет весьма широкий народнохозяйственный аспект, это серьезная работа, посвященная актуальным проблемам советской экономики. Вместе с тем оппонент указал, что ряд выводов автора отражают дискуссию, ведущуюся по ряду проблем развития социалистической экономики: соотношение цены и стоимости товара, зависимость роста национального дохода от экономии материальных средств и др. По мнению профессора А.И. Пашкова, ряд положений, выдвинутых диссертантом, звучат не вполне убедительно: о сущности налога с оборота, его роли в распределении и перераспределении национального дохода; об отнесении финансов к базису, как экономической основе общества и др.³⁰

Затем А.Г. Зверев дал ответы официальным оппонентам, а также ответил на многочисленные вопросы присутствующих³¹.

Стенограмма заседания свидетельствует о том, что диссертация А.Г. Зверева вызвала значительный интерес.

В прениях выступили: И.И. Козодоев, доктор экономических наук, заместитель декана экономического факультета МГУ; А.Ф. Яковлев, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории МФИ; С.Н. Николотов, кандидат экономических наук, доцент Всесоюзного заочного финансово-экономического института; Д.А. Аллахвердян, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой «Финансы» МФИ; З.В. Атлас, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Денежное обращение и кредит СССР и иностранных государств» МФИ³².

Все выступающие отметили, что большой заслугой автора является то, что вопросы национального дохода, его распределение, перераспределение и использование он связывает с финансовой системой, определяет ее роль и значение в деле обеспечения сбалансированного развития советской экономики, соблюдения про-

²⁸ Там же. Л. 98 –116; 117–136.

²⁹ Там же. Л. 171–180.

³⁰ Там же. Л. 171, 172, 173.

³¹ Там же. Л. 180–191.

³² Там же. Л. 191–225.

порций между отраслями хозяйства и экономическими районами. Основное внимание в диссертации уделено роли финансов, кредита и цены в процессе создания и распределения национального дохода, показано, какое воздействие они оказывают на общественное производство.

По мнению выступавших, диссертант собрал и самостоятельно проанализировал большой фактический материал, на основе которого сформулировал ряд предложений, которые заслуживают внимания и способны оказать значительную помощь в практической деятельности. Бесспорным достоинством, как отмечали выступавшие, является оригинальность, значимость, глубокое изучение теоретических проблем и предметное знание современной финансовой практики. Все ученые, принявшие участие в дискуссии, были единодушны: А.Г. Зверев достоин присвоения ему ученой степени доктора экономических наук.

Вместе с тем развернувшаяся дискуссия обозначила ряд научных проблем: закон стоимости и место финансов в современной общественно-экономической формации; методы исчисления и определения эффективности и рентабельности производства; особенности дифференциальной ренты в условиях социалистической системы хозяйствования; проблемы внедрения хозрасчета, соотношения эффективности и окупаемости в процессе производства и ряд других.

В целом, судя по стенограмме, атмосферу заседания, отношение его участников к диссертанту и его научному труду можно оценить как весьма позитивные. Приведем, к примеру, выступление профессора А.Ф. Яковлева³³. Он сказал следующее: «Если опереться на то, что здесь говорили оппоненты, если учесть, такое обстоятельство, что А.Г. Зверев в течение 20 лет выступает в качестве руководителя Министерства финансов по важнейшим вопросам государственного бюджета, то можно было бы ставить вопрос о присуждении ему ученой степени доктора экономических наук без защиты диссертации, и я должен сказать, что многие товарищи этот путь избрали и воспользовались этим путем. Меня как научного работника и как человека радует то обстоятельство, что Арсений Григорьевич избрал общий, демократический путь получения ученой степени доктора экономических наук». После этих слов стенограмма фиксирует «бурные аплодисменты»³⁴.

³³ Яковлев Александр Федорович (1902–1974) — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики стран народной демократии экономического факультета МГУ (1953–1955), заведующий кафедрой экономической теории Московского финансового института.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 192.

Результаты голосования: «из 23 членов Ученого совета в голосовании приняли участие 21 чел. При вскрытии урны оказался 21 бюллетень. За присуждение А.Г. Звереву ученой степени доктора экономических наук подано 20 бюллетеней, против — 1, недействительных бюллетеней нет. Аплодисменты»³⁵.

16 марта 1959 г. Ученый совет МГУ по гуманитарным наукам на своем заседании рассмотрел вопрос об утверждении А.Г. Зверева в ученой степени доктора экономических наук на основании защиты 9 января 1959 г. на Ученом совете экономического факультета диссертации на тему: «Вопросы национального дохода и финансов СССР»³⁶. Из 28 членов Ученого совета, присутствовавших на заседании, приняли участие в тайном голосовании 27. За утверждение А.Г. Зверева в ученой степени доктора экономических наук подано 24 голоса, против — 1, недействительных бюллетеней — 2. Ученый совет МГУ постановил: ходатайствовать перед ВАК Министерства высшего образования СССР о присуждении ученой степени доктора экономических наук Звереву А.Г.³⁷

27 апреля 1959 г. экспертная комиссия по политической экономии ВАК под председательством профессора И.И. Кузьмина, рассмотрев материалы защиты и отзыв рецензента ВАК профессора А.П. Ляпина, постановила: «Книга А.Г. Зверева “Вопросы национального дохода и финансов СССР” представляет собой оригинальную и ценную работу, в которой отражен и обобщен большой фактический материал о финансовой системе советского государства в связи с проблемой производства, распределения и перераспределения национального дохода. Анализируя современное состояние финансовой системы, автор ставит ряд новых вопросов и вносит конкретные рекомендации, направленные на мобилизацию и лучшее использование материальных и финансовых резервов в народном хозяйстве. Экспертная комиссия рекомендует утвердить Зверева А.Г. в ученой степени доктора экономических наук»³⁸.

В личном деле А.Г. Зверева имеется выписка из протокола заседания Высшей аттестационной комиссии № 11 от 23 мая 1959 г. «§ 18. Слушали: “Об утверждении Зверева Арсения Григорьевича в ученой степени доктора экономических наук на основании защиты 16 марта 1959 г. в Совете Московского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М.В. Ломоносова диссертации:

³⁵ Там же. Л. 232.

³⁶ Там же. Л. 68.

³⁷ Там же. Л. 69.

³⁸ Там же. Л. 57.

“Вопросы национального дохода и финансов СССР” (Госфиниздат, 1958 г.) (Министерство финансов СССР)»³⁹.

Вел заседание председатель ВАК, министр высшего образования СССР В.П. Елютин, который задал вопрос членам ВАК при обсуждении данного вопроса повестки дня: «По работе Зверева есть вопросы?»⁴⁰. Вопросов не поступило.

Стенограмма зафиксировала одно краткое выступление. Профессор А.С. Давыдов: «Я горячо поддерживаю это решение экспертной комиссии. ... такие люди как Зверев, Громыко находят время, пишут диссертации, публично защищают, и мы присваиваем степень доктора»⁴¹.

Постановили: «утвердить Зверева Арсения Григорьевича в ученой степени доктора экономических наук”. Председатель Высшей аттестационной комиссии В. Елютин. Зам. Ученого секретаря Высшей аттестационной комиссии А. Сергеев»⁴². Документ датирован 17 июня 1959 г. На нем имеется помета: «Вып., отп. в МГУ, М-во финансов и на дом. адрес»⁴³.

В Архиве Финансового университета при Правительстве России имеется нотариально заверенная копия диплома доктора наук МЭК № 000092 от 6 июня 1959 г., выданного Высшей аттестационной комиссией Министерства высшего образования СССР в том, что решением ВАК от 23 мая 1959 г. (протокол № 11) Звереву Арсению Григорьевичу присуждена ученая степень доктора экономических наук⁴⁴.

2 марта 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с 60-летием со дня рождения, отмечая заслуги перед Советским государством в области финансов, министр финансов СССР А.Г. Зверев был награжден орденом Ленина.

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 29.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Давыдов Александр Сергеевич (1912–1993) — окончил физический факультет МГУ (1939), доктор физико-математических наук, профессор. Заведующий кафедрой электродинамики и квантовой теории физического факультета МГУ (1955, 1957–1964). Лауреат Ленинской премии (1966). Герой Социалистического Труда (1982). Громыко Андрей Андреевич (1909–1988) — в 1957–1988 гг. министр иностранных дел СССР, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1957 г. в Институте экономики АН СССР в форме научного доклада защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии».

⁴² ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 28.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Архив Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Ф. 2302. 1969 г. Личное дело А.Г. Зверева. Л. 6.

К сожалению, в этот период здоровье А.Г. Зверева резко ухудшилось. В.В. Деменцев, многие годы проработавший под его руководством, вспоминал, что примерно через месяц после своего 60-летия А.Г. Зверев перенес обширнейший инсульт, одной из причин которого явилось его несогласие с идеей денежной реформы 1961 г., которую Хрущев приказал провести очень быстро, без должной предварительной подготовки⁴⁵. Министр финансов СССР обоснованно считал, что ее итоги будут крайне негативными: деноминация рубля приведет к существенному сокращению реальной заработной платы, а неизбежный рост цен не ограничится одномоментным скачком, а продолжится и в последующие годы.

Однако, подчиняясь строгой партийно-государственной дисциплине, под руководством плохо чувствовавшего себя А.Г. Зверева аппаратом Минфина СССР был подготовлено, а затем принято постановление Совета Министров СССР № 470 от 4 мая 1960 г. «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». Через 12 дней Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1960 г. А.Г. Зверев по состоянию здоровья и согласно личной просьбе был освобожден от обязанностей министра финансов СССР⁴⁶.

Этим же указом министром финансов СССР был назначен Василий Федорович Гарбузов (1911–1985). Рискнем предположить, что это назначение не могло состояться без согласования с А.Г. Зверевым, а одним из его аргументов, по-видимому, был накопленный выдвиженцем и «сменщиком» значительный опыт не только практической, но и научной работы.

В самом деле, после окончания в 1933 г. Харьковского финансово-экономического института (ХФЭИ) В.Ф. Гарбузов продолжительное время, около 20 лет трудился на научно-педагогическом поприще: прошел путь от преподавателя вуза до заместителя директора ХФЭИ по учебной части и научной работе, ректора Киевского финансово-экономического института. В 1939 г. окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Денежное обращение и валютная политика России с 1897 по 1914 год».

В 1943 г. А.Г. Зверев назначил В.Ф. Гарбузова на должность консультанта секретариата наркома финансов СССР. С 1952 г. — заместитель министра, с 1953 г. — первый заместитель министра

⁴⁵ Деменцев В. Последний из могикан советских финансов / Сост. Н. Кротов. М., 2011. С. 97.

⁴⁶ Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва. Шестая сессия (20–23 декабря 1960 г.): Стенограф. отчет. М., 1961. С. 467.

финансов СССР. На посту министра финансов СССР Г.Ф. Гарбузов находился даже дольше, чем А.Г. Зверев — 25 лет, вплоть до своей кончины в 1985 г.⁴⁷

Кратко остановимся на научно-педагогической деятельности А.Г. Зверева после успешной защиты им докторской диссертации и ухода с поста министра финансов СССР.

Отметим, что А.Г. Зверев всегда стремился повышать уровень своего образования. Так, в 1930 г. в ходатайстве, направленном заведующему Смоленским облфинуправлением тов. Федяеву, сообщая о том, что по объективным причинам (направление его по мобилизации на финансовую работу в регионы страны) ему не удалось продолжить обучение в Финансовой академии, А.Г. Зверев просит направить его на учебу в Московский финансово-экономический институт: «Стремление к учебе я имею все время... Имея... незначительность теоретической подготовки, которую я получил посредством курсов НКФ, и 8-ми летний практический стаж финансовой работы, я считаю, что мне учеба необходима во что бы то ни стало с тем, чтобы я мог специализироваться в этой области»⁴⁸.

В предвоенные годы, возглавив Наркомфин СССР, А.Г. Зверев определил, что вся повседневная деятельность финансового ведомства должна строиться на научной основе, при неукоснительном соблюдении принципа единства теории и практики. Создавались постоянно действующие коллективы квалифицированных специалистов, научные работники регулярно привлекались к обсуждению и решению различных вопросов, а зачастую они, по инициативе А.Г. Зверева, переходили на постоянную работу в финансовые структуры. Среди них, например, упоминавшиеся выше, прошедшие под руководством Арсения Григорьевича большую жизненную и профессиональную школу В.П. Дьяченко и К.Н. Плотников, впоследствии возглавлявшие Институт экономики Академии наук СССР.

Даже в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны А.Г. Зверев уделял большое внимание подведомственным наркомату высшим учебным заведениям. Так, Управлению учебными заведениями НКФ СССР он дал следующие указания: «улучшить руководство работой финансово-экономических вузов, выявить их потребность в профессорско-преподавательских кадрах и укомплектовать кафедры институтов квалифицированным профессорско-преподава-

⁴⁷ История Министерства финансов России: В 4 т. Т. 3. 1933–1985 гг. М., 2002. С. 8–9.

⁴⁸ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГА г. Москвы). Ф. 1970. Оп. 2. Д. 521. Л. 5.

тельским составом, установить тесную связь в работе с финансовыми факультетами других вузов, обеспечить общественное питание профессорско-преподавательского состава, предусмотрев в смете на эти цели соответствующие средства и др.»⁴⁹.

В этой связи заведующий кафедрой «Финансы» Московского заочного финансового института профессор В.В. Лавров, в течение длительного времени проработавший под началом А.Г. Зверева в должностях его помощника и заместителя начальника управления Минфина СССР, особо подчеркивал, что повседневная деятельность Арсения Григорьевича «...являлась в значительной степени научной, творческой работой. Он сам проявлял и требовал от работников аппарата принципиального научного подхода к рассматриваемым вопросам, во взаимосвязи с другими общественными явлениями»⁵⁰.

После того, как здоровье Арсения Григорьевича несколько улучшилось, он сразу приступил к активной научно-педагогической деятельности. В личном деле А.Г. Зверева, хранящемся в Институте экономики РАН, имеется копия приказа № 92 от 18 февраля 1961 г. о зачислении его на должность старшего научного сотрудника⁵¹. На этом посту А.Г. Зверев проработал немногим более года, до 8 марта 1962 г.⁵² По всей видимости, еще давали о себе знать последствия тяжелой болезни, которую он перенес в 1959–1960 гг.⁵³

Однако в этот краткий период он продолжал напряженно работать. Например, выполнил рекомендации членов Ученого совета МГУ: доработать и актуализировать содержание монографии «Вопросы национального дохода и финансов СССР» (1958), представленной на защиту в качестве его докторской диссертации.

Вышедшую в свет в 1961 г. монографию «Национальный доход и финансы СССР» автор дополнил пятью новыми главами. В них рассматривались проблемы методологии исчисления и пути увеличения национального дохода, предлагался механизм его перераспределения. Рассматривались также вопросы совершенствования системы налогообложения, государственного кредита и страхования, определялась значимость и адресность общественных фондов потребления и др.⁵⁴

⁴⁹ Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 27. Д. 2. Л. 212.

⁵⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-2302. Оп. 1. Т. 1. Д. 289. Л. 23.

⁵¹ Архив Института экономики РАН. Оп. 5л. Д. 106. Л.12. Интересно заметить, что этот приказ подписал выдвиженец А.Г. Зверева и многолетний его подчиненный по Наркомату / Министерству финансов СССР К.Н. Плотников.

⁵² Архив Института экономики РАН. Оп. 5л. Д. 106. Л.19.

⁵³ Алексеев А. Война и мир Арсения Зверева // Коммерсантъ. Деньги. Приложение № 15. 2022. 16 июня.

⁵⁴ Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. М., 1961.

3 ноября 1961 г. постановлением Президиума Академии наук СССР за подписью президента АН СССР М.В. Келдыша, А.Г. Звереву было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «экономика»⁵⁵.

Через полгода, после увольнения из Института экономики АН СССР, по-видимому, немного восстановив свое здоровье, 2 октября 1962 г. А.Г. Зверев вернулся к активной научно-исследовательской и педагогической деятельности во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте (ВЗФЭИ). 1 октября 1962 г. доктор экономических наук А.Г. Зверев был принят на должность профессора кафедры финансов, а с 1 сентября 1967 г. — на должность профессора созданной в ВЗФЭИ кафедры бюджета и финансирования отраслей народного хозяйства, и трудился на ней вплоть до своей кончины 27 июля 1969 г.⁵⁶

Следует отметить, что ВЗФЭИ в тот период был крупнейшим финансово-экономическим вузом страны. «Например, в 1966/1967 уч. году 5-летнее обучение студентов производилось на 5 факультетах, по 8 специальностям, в состав института входили 17 филиалов и 9 учебно-консультационных пунктов (УКП). Учебно-методическая и научная работа осуществлялась на 18 кафедрах. Численность студентов по состоянию на 1 января 1967 г. составила 28 663 чел. и увеличилась по сравнению с прошедшим учебным годом на 5,2%»⁵⁷.

Архивные документы свидетельствуют, что в ВЗФЭИ А.Г. Зверев пользовался высоким, заслуженным авторитетом. Например, в протокол заседания Ученого совета, рассмотревшего 18 января 1963 г. вопрос о присвоении ему ученого звания «профессор», занесены выступления коллег, не один десяток лет работавших под руководством и в тесном контакте с А.Г. Зверевым, которые единодушно отметили высокий уровень его научно-педагогической и наставнической деятельности⁵⁸.

6 февраля 1963 г. ВАК при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, рассмотрев решение Совета ВЗФЭИ, утвердила в ученом звании профессора по кафедре «Финансы» Зверева Арсения Григорьевича⁵⁹. В протоколе № 7 П/4 хм

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 26

⁵⁶ Архив Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Ф. 2302. 1969 г. Личное дело А.Г. Зверева. Л. 20.

⁵⁷ Муромцева Л.Х. Научно-педагогическая и наставническая деятельность А.Г. Зверева во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте (1962–1969 гг.) // Право и образование. 2025. № 7. С. 91.

⁵⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-2302. Оп. 1. Т. 1. Д. 289. Л. 18–31.

⁵⁹ Архив Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Ф. 2302. 1969 г. Личное дело А.Г. Зверева. Л. 19.

указано, что А.Г. Зверев с 1962 г. профессор кафедры «Финансы» ВЗФЭИ, имеет научно-практический стаж — 39 лет и 74 научные работы. Голосовали: за — 28, против — 1⁶⁰.

В последующем А.Г. Зверевым в развитие положений его докторской диссертации были подготовлены к изданию, а затем опубликованы два обстоятельных исследования, посвященные проблемам экономической работы в финансово-кредитной системе, ценообразованию и финансам⁶¹.

Так, в монографии «Проблемы ценообразования и финансы», вышедшей в свет в 1966 г. в издательстве «Наука», А.Г. Зверевым рассматривается цена как экономическая категория, выясняется ее значение в развитии товарно-денежных отношений, основные функции цены и связанные с нею экономические факторы. Значительная часть монографии посвящена системе цен и ее развитию: прибыли, рентабельности и роли цены; налогу с оборота и его связи с ценообразованием. Автор прослеживает связь финансов и цены в системе совокупного продукта и национального дохода.

Среди публикаций в периодических научных изданиях отметим воспоминания А.Г. Зверева, напечатанные в 1969 г. в журнале «Вопросы истории». В них более широко, чем в вышедших впоследствии мемуарах «Записки министра», освещается деятельность Наркомфина СССР в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны⁶².

Профессор А.Г. Зверев являлся научным руководителем ряда аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации⁶³. Среди них отметим В.А. Макарова и О.Г. Шаповаленко, которые впоследствии стали ответственными руководящими работниками, начальниками управлений Министерства финансов РСФСР⁶⁴.

Уже после кончины Арсения Григорьевича под редакцией члена-корреспондента АН СССР К.Н. Плотникова и заведующей сектором Института экономики мировой социалистической системы, доктора экономических наук Р.Д. Винокур вышло в свет второе, переработанное и дополненное издание монографии А.Г. Зверева «Национальный доход и финансы СССР», в которой идеи, обоснованные в пре-

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 10. Д. 110. Л. 2.

⁶¹ Зверев А.Г. Вопросы экономической работы в финансово-кредитной системе. М., 1963; Зверев А.Г. Проблемы ценообразования и финансы. М., 1966.

⁶² Зверев А.Г. О некоторых сторонах истории советской финансовой системы // Вопросы истории. 1969. № 2. С. 138–144.

⁶³ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-2302. Оп. 1. Т. 1. Д. 353. Л. 16; Д. 396. Л. 14, 20–21; Д. 408, Л. 96; Д. 434. Л. 12.

⁶⁴ История Министерства финансов России. Т. 3. С. 347, 348.

дыдущих трудах, были методологически и содержательно развиты и конкретизированы, отражены изменения, произошедшие в экономической доктрине СССР в 1961–1970 гг., отмечено позитивное влияние экономической «косыгинской» реформы на развитие финансовой системы страны, расширены разделы, посвященные механизмам формирования и распределения национального дохода⁶⁵.

Всё вышесказанное свидетельствует об интенсивном, напряженном и творческом характере деятельности А.Г. Зверева, о руководстве им научной школой по изучению проблем сбалансированности государственного бюджета СССР и местных бюджетов, определения их роли в повышении рентабельности производства и ряда других⁶⁶.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, привлечение и анализ документальных источников, в первую очередь архивных, в определенной степени дополняют новыми фактами историю научной жизни МГУ в 1950–1960-е гг., дают более полное представление о механизме и особенностях деятельности Ученых советов МГУ, в том числе в сфере присуждения ими ученых степеней.

Во-вторых, защита докторской диссертации министром финансов СССР А.Г. Зверевым в МГУ в марте 1959 г. прошла успешно, она не явилась одномоментным, формальным актом, направленным на повышение престижа крупного номенклатурного работника. Диссертация стала логическим продолжением его предыдущей научно-практической деятельности: к этому рубежу А.Г. Зверев пришел, имея в своем научном арсенале ряд монографий и десятки других научных работ.

В-третьих, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что А.Г. Зверев — выдвиженец советской эпохи, прошедший большой жизненный путь от подмастерья до министра финансов СССР, неуклонно стремился повышать уровень своего образования, а руководя финансовым ведомством страны, регулярно привлекал к работе лучшие научные силы, уделял постоянное внимание высшим учебным заведениям, входящим в систему Наркомата / Министерства финансов СССР.

В-четвертых, защита диссертации послужила значительным импульсом в последующей научно-педагогической деятельности профессора А.Г. Зверева в Институте экономики АН СССР и во

⁶⁵ Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1970.

⁶⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. Р-2302. Оп. 1. Т. 1. Д. 316. Л. 10; Д. 434. Л. 1, 6, 6а, 7, 12; Д. 531. Л. 8.

Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте. Конкретизированные, дополненные материалы и выводы по тематике докторской диссертации легли в основу подготовленных им монографий и научных публикаций. Труды профессора А.Г. Зверева стали заметным явлением в актуализации финансово-экономических проблем советского государства. В настоящее время они предоставляют возможность составить более полное и объективное представление об уровне развития отечественной экономической научной школы в 1950–1960-е гг.

В-пятых, труды А.Г. Зверева сохранили свою актуальность и сегодня, не только как феномен советской экономической школы, но и потому, что в них обстоятельно рассматриваются «вечные» проблемы: формирование сбалансированного национального дохода государства, определение роли финансов и бюджета в его распределении и перераспределении, выяснение того, как мобилизация резервов в экономике влияет на состояние финансовой системы страны.

В-шестых, с позиции сегодняшнего дня важно отметить «человеческое» измерение и общественную значимость научных трудов А.Г. Зверева — представителя первого поколения советской интеллигенции. В них четко прослеживается его глубокая убежденность в том, что при социализме конкретный человек не является абстрактным экономическим ресурсом, он должен стать главным благополучателем от эффективно действующей экономической системы государства. Через все произведения ученого-практика, ярко прослеживаются характерные черты его личности — человечность и забота о людях.

References

- Alekseev A. *Voina i mir Arseniya Zvereva* [War and Peace of Arseny Zverev] // *Kommersant Den'gi*. Supplement N 15. 2022. June 16.
- Dementsev V. *Poslednii iz mogikan sovetskikh finansov* [The Last of the Mohicans of Soviet Finance] / Comp. by N. Krotov. Moscow: Ekonomicheskaya letopis', 2011. 369 p.
- Dombrovskii A.N. *Finansovyi marshal Pobedy* [The Financial Marshal of Victory] // *Byudzhethet*. 2020. N 3 (207). P. 78–79.
- Igor' Ivanovich Ol'khovskii — *krasnoarmeets, professor, partorg* [Igor Ivanovich Olkhovsky: Red Army Soldier, Professor, and Party Organizer] // *Sovetskii fizik*. 2016. N 1 (117). P. 51–59.
- Istoriya Ministerstva finansov Rossii* [History of the Ministry of Finance of Russia]. In 4 Vols. Vol. 3. 1933–1985. Moscow: Infra-M, 2002. 352 p.
- Letopis' Moskovskogo universiteta* [Chronicle of Moscow University]. — URL: <https://letopis.msu.ru/letopis/1958>

Muromtseva L.Kh. *Nauchno-pedagogicheskaya i nastavnicheskaya deyatel'nost' A.G. Zvereva vo Vsesoyuznom zaochnom finansovo-ekonomicheskom institute (1962–1969 gg.)* [The Scholarly, Teaching, and Mentoring Activities of A.G. Zverev at the All-Union Correspondence Institute of Finance and Economics (1962–1969)] // *Pravo i obrazovanie*. 2025. N 7. P. 90–97.

Muromtseva L.Kh. *Vo glave Narodnogo komissariata finansov SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (K 80-letiyu Velikoi Pobedy i 125-letiyu so dnya rozhdeniya A.G. Zvereva)* [At the Head of the People's Commissariat of Finance of the USSR during the Great Patriotic War: On the 80th Anniversary of the Great Victory and the 125th Anniversary of the Birth of A.G. Zverev] // *Istoricheskii vestnik*. 2025. Vol. LII. P. 262–277.

Oдно из имен Победы [One of the Names of Victory]. — URL: <https://tass.ru/opinions/8377417?ysclid=m8ew616ud5925162003>

Pachkalov A.V. *Arsenii Grigor'evich Zverev — narkom Pobedy* [Arseny Grigorievich Zverev: The People's Commissar of Victory] // *Finansy*. 2023. N 5. P. 26–31.

Pachkalov A. *Zheleznyi narkomfin* [The Iron People's Commissar of Finance] // *100 let Finansovomu universitetu. Istorik. Spetsvypusk* [100 Years of the Financial University. Historian. Special Issue]. 2019. P. 38–39.

Siluanov A.G. *Narkom Pobedy (K 120-letiyu so dnya rozhdeniya A.G. Zvereva)* [The People's Commissar of Victory: On the 120th Anniversary of the Birth of A.G. Zverev] // *Finansy*. 2020. N 4. P. 4–15.

Поступила в редакцию
20 декабря 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-147-161

Н.Г. Абрамова, А.Г. Голиков

**ШКОЛА В.И. БОВЫКИНА НА КАФЕДРЕ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**

N.G. Abramova, A.G. Golikov

**THE ACADEMIC SCHOOL OF V.I. BOVYKIN
AT THE DEPARTMENT OF SOURCE STUDIES, FACULTY
OF HISTORY, LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY:
ON THE CENTENARY OF HIS BIRTH**

Аннотация. Статья посвящена памяти профессора исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Валерия Ивановича Бовыкина, 100-летие со дня рождения которого отмечается в январе 2027 г. Его преподавательская и научная деятельность тесно связана с историческим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова. Он много сил вложил в развитие кафедры источниковедения исторического факультета Московского университета.

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Abramova Nadezhda Grigorievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

istochmsu@list.ru

ORSID: 0009-0002-8966-1069

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golikov Andrey Georgievich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

golikov@hist.msu.ru

ORSID: 0000-0002-2443-2882

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

Как автор фундаментальных исследований и публикаций по проблематике социально-экономической, финансовой и банковской истории дореволюционной России, внешней политики и международных отношений, источниковедению, архивной эвристики и др. он является признанным специалистом мирового уровня в области отечественной истории рубежа XIX–XX вв. Труды и идеи В.И. Бовыкина и сегодня востребованы и вносят весомый вклад в профессиональную подготовку молодых исследователей и в формирование научных кадров историков. Высококвалифицированный преподаватель, автор учебных и методических пособий, учебных программ, он подготовил около ста дипломников. Под его научным руководством защищены более 30 кандидатских диссертаций. В.И. Бовыкин читал общие лекционные курсы и вел семинарские занятия, подготовил для студентов большое количество специальных курсов по актуальным проблемам исторической науки, руководил студенческими практиками. В статье прослежены основные этапы научно-педагогической биографии В.И. Бовыкина, его успешной деятельности по созданию в Московском университете влиятельной научной школы в области отечественной истории. Показывается его становление как исследователя и наставника. Подробно рассматриваются основные направления его научных изысканий. Отмечаются особенности преподавательских приемов В.И. Бовыкина, его подходов к работе с учениками. Приводятся фрагменты воспоминаний о В.И. Бовыкине его учеников, которые впоследствии стали видными учеными и педагогами. Авторы систематизируют указанные аспекты деятельности В.И. Бовыкина и показывают, как кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета популяризирует его научно-педагогическое наследие и содействует сохранению о нем памяти среди преподавателей, аспирантов и студентов факультета.

Ключевые слова: Московский университет, исторический факультет, кафедра источниковедения, 100-летний юбилей ученого, социально-экономическая история, научная школа.

Abstract. This article commemorates Valery Ivanovich Bovykin, professor at the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, on the centenary of his birth in January 2027. His scholarly and teaching career was closely bound to the Faculty of History, where he made a major contribution to the development of the Department of Source Studies. V.I. Bovykin was an internationally recognized authority on Russian history at the turn of the 20th century. His wide-ranging scholarship encompassed the social, economic, financial, and banking history of pre-revolutionary Russia, foreign policy and international relations, source studies, archival research methods, and related fields. V.I. Bovykin's works and ideas remain relevant today and continue to play an important role in the training of young scholars and new generations of historians. An accomplished university teacher and the author of textbooks, teaching materials, and course programs, he supervised nearly one hundred undergraduate theses. More than thirty dissertations for the Candidate of Sciences degree were completed under his supervision. V.I. Bovykin taught general lecture courses and seminars, developed numerous specialized courses on major issues in historical scholarship, and supervised various forms of student research and practical training. The article

traces the principal stages of V.I. Bovykin's academic and teaching career and examines his role in establishing an influential school of Russian historical scholarship at Moscow University. It explores his development as both a researcher and mentor, outlines the main areas of his research, and considers the distinctive features of his teaching methods and his approach to mentoring students. The article also draws on the recollections of V.I. Bovykin's former students, many of whom later became prominent scholars and university teachers. The authors synthesize these various aspects of V.I. Bovykin's work and examine how the Department of Source Studies at the Faculty of History of Moscow University continues to promote his scholarly and teaching legacy and to preserve his memory among faculty, postgraduate students, and undergraduates.

Keywords: Moscow University, Faculty of History of Moscow State University, Department of Source Studies, centennial anniversary of the scientist, social and economic history, academic school.

* * *

В январе 2027 г. исполняется 100 лет со дня рождения В.И. Бовыкина (7 января 1927 — 10 сентября 1998). В связи с этим хотелось бы вспомнить о том, что было сделано Валерием Ивановичем за несколько десятилетий его трудов на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ученый прожил немногим более 70-ти лет. В составленном в связи со своим 70-летием Curriculum vitae он так определил область научных интересов: «Отечественная история 1861–1917 гг. Проблемы индустриального развития России. Международные отношения России. Политические и экономические аспекты. Источниковедение отечественной истории. Проблемы отражения исторической информации в источниках. Методы исторических разысканий»¹.

Валерий Иванович Бовыкин не был выпускником исторического факультета Московского университета. Сначала он учился в Станкоинструментальном институте и в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО). В 1949 г. он получил специальность «история международных отношений», был на дипломатической службе. С 1951 г., с момента поступления в аспирантуру, его многогранная преподавательская и научно-исследовательская деятельность была связана с Московским университетом. Здесь он защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации, в 1969 г. стал профессором. Позднее стал одним из создателей и руководителей Центра экономической истории при историческом факультете Московского университета, одним из инициаторов издания

¹ См.: Бовыкин В.И. CURRICULUM VITAE // Россия на рубеже XIX–XX вв. Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 20 января 1999). М., 1999. С. 5–19.

ежегодника «Экономическая история» и сборника «Экономическая история. Обзорение». После смерти ученого на факультете при Центре экономической истории создана мемориальная библиотека из его книг по экономической истории.

Профессиональный путь Валерия Ивановича определила встреча с Учителем. Он не сразу выбрал свое призвание, и только в 1951 г. по рекомендации Аркадия Лавровича Сидорова, в спецсеминаре которого занимался в МГИМО, он поступил в аспирантуру исторического факультета МГУ.

Трудно переоценить роль профессора А.Л. Сидорова в судьбе Валерия Ивановича. Сидоров стал научным руководителем его кандидатской работы о русско-французских отношениях перед Первой мировой войной, а затем пригласил на работу в МГУ на кафедру истории СССР периода капитализма, которую тогда возглавлял. Впоследствии, размышляя о специфике исторических изысканий, Сидоров советовал начинающим исследователям «по любой теме внимательно, досконально изучать источники. Выводы и обобщения должны вытекать из изученного материала, а не быть привнесены в работу “с потолка”»². Аналогичные рекомендации получил в свое время и сам Валерий Иванович.

С 1952 г. и до последних дней жизни, более 45 лет, В.И. Бовыкин преподавал на историческом факультете МГУ, здесь вырастил большинство своих учеников: около 100 дипломников, 34 кандидата наук; из них более половины — 18 — на истфаке МГУ. 14 его учеников стали докторами наук. Многие из них успешно развивают традиции школы В.И. Бовыкина в ведущих учебных и научных центрах, поддерживают постоянные контакты с историческим факультетом.

Преподавательскую работу ученый успешно совмещал с административной деятельностью — являлся заместителем декана по научной работе, заместителем главного редактора журнала «Вестник Московского университета. Серия История», ответственным секретарем приемной комиссии факультета, участвовал в подготовке юбилейных изданий к 200-летию Московского университета. После перехода на основную работу в Академию наук СССР (заместитель директора и руководитель сектора Института истории СССР АН СССР, ученый секретарь Отделения истории Академии наук СССР) В.И. Бовыкин не прерывал преподавательскую и научную деятельность в МГУ.

² Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 32–33.

Уже в первые годы работы в университете А.Л. Сидоров поручает молодому сотруднику написание главы о внешней политике России 1878–1894 гг. для университетского учебника и аналогичного раздела за 1856–1903 гг. для учебного пособия³. Он готовит главу в учебном пособии «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» (М., 1970), активно участвует в публикации источников по экономической и социально-политической истории, их анализе и комментировании и др. Следует особо отметить его авторский труд «Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века — 1917 г.» (М., 1960)⁴, значение которого вышло далеко за рамки пособия для учителей. Книга почти сорок лет оставалась единственным в советской историографии обобщающим трудом по проблеме. В «Очерках» проявилась характерная черта Бовыкина-исследователя: опираясь на огромный по объему фактический материал, он выявлял суть явления и показывал основные тенденции его развития.

Более 30 лет университетской деятельности В.И. Бовыкина непосредственно связаны с кафедрой источниковедения. В 1966 г. по приглашению И.Д. Ковальченко, возглавившего кафедру источниковедения, он становится ее штатным преподавателем. Читает лекционный курс по источниковедению истории России второй половины XIX–XX в., постепенно его спецсеминар становится центром подготовки высокопрофессиональных специалистов в области источниковедения и экономической истории России рубежа XIX–XX вв. В тематике семинаров профессора отражался круг его научных интересов — это источниковедение отечественной истории, методы исторических разысканий, проблемы индустриального развития России, международные отношения и др.

В.И. Бовыкину принадлежала инициатива изменения структуры части курса по источникам XIX–XX вв., проблематики лекционных и практических занятий. Курс стал проблемным. Профессор учил студентов выявлять закономерности создания исторических источников, оценивать степень их сохранности, особенности фиксирования многослойной исторической информации в видах и разновидностях источников, возможности восполнения пробелов и утрат в отдельных комплексах материалов. Преподаватель подчеркивал:

³ История СССР. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. В 2 т. Т. 2: 1861–1917 гг. Период капитализма / Под ред. А.Л. Сидорова. М., 1959. Гл. XI и XVIII; 2-е изд., перераб. М., 1965. Гл. XI и XVIII; Очерки истории СССР. 1861–1904. Пособие для учителей / Под ред. С.С. Дмитриева. М., 1960. Гл. II и V.

⁴ Бовыкин В. И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в. — 1917 г. Пособие для учителя. М., 1960. 215 с.

источник интересует историка как носитель информации о прошлой действительности, где наряду с «умышленной», по определению В.И. Бовыкина, информацией всегда есть информация «неумышленная». Он прививал студентам навыки профессиональной работы, учил методике исторической критики документов. Такой подход был новаторским, не имел устоявшихся традиций в историографии. Ученик Бовыкина профессор А.Г. Голиков, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета, слушавший его курс в разные годы, вспоминает, что Валерий Иванович говорил студентам «о качественном отличии источниковедения феодальной эпохи и источниковедения XIX–XX вв. Первое, по его мнению, решает преимущественно методические задачи и развивается как комплекс вспомогательных исторических дисциплин. Второе, в силу необходимости дать историку ориентиры в необъятной массе источников, должно решать задачи не столько методического, сколько методологического характера... Валерий Иванович объяснял студентам: в любом источнике содержится и достоверная и недостоверная информация — историк должен уметь определить “угол искажения”, под которым она фиксировалась. Поскольку деятельность человека всегда целенаправленна, действительность отражена в источниках избирательно — но при этом, как правило, ни одно важное событие не остается незафиксированным (синхронно или ретроспективно). Любая информация многослойна — задача исследователя “расплести” ее и выяснить причины образования каждого слоя. Информация в источнике не исчерпывается теми сведениями, для передачи которых создавался данный источник»⁵.

Практически каждый год Валерий Иванович читал новый специальный курс: «Финансовый капитал в России», «Иностранный капитал в России: проблемы, источники, методы исследования», «Монополии в России: историография, источниковедение, методологические проблемы изучения», «Источники и спорные проблемы изучения монополистического капитала в России», «1917 год и Октябрь. Некоторые спорные вопросы», «Россия в мировой капиталистической системе: источники и методы изучения», «Возможно ли познание правды истории: актуальные проблемы истории и практики исторического познания», «Марксизм и империализм в России: дискуссионные проблемы, новые идеи и старые источники», «Петербургские банки в 1864–1917 гг.: опыт изучения отечественного

⁵ Голиков А.Г. Проблемы источниковедения в преподавательской и научной деятельности В.И. Бовыкина // Россия на рубеже XIX–XX вв. ... С. 76–77.

и зарубежного банковского дела по материалам их архивов», «Биржи и биржевые ценности в России», «Проблемы заграничных долгов царской России: историография и источники изучения», «Спорные проблемы истории индустриализации дореволюционной России: методология, историография, источниковедение», «Французские банки в России: опыт изучения банковских архивов», «Французские и бельгийские банки в России: опыт изучения зарубежных банковских архивов» и др. В названиях спецкурсов В.И. Бовыкина по самым разным проблемам (иностранный капитал и монополистический капитал в России, заграничные долги царской России и др.) присутствует подзаголовок «источники, методы изучения». Его специальные курсы вызывали постоянный интерес у студентов, которые их охотно посещали, а для профессора такое общение со студентами было своего рода апробацией результатов научных исследований. Слушателям запомнились слова преподавателя о том, что «историографы главное внимание уделяют развитию идей и концепций. Но идеи нужно обязательно подтверждать фактами. Тогда они становятся историографическими фактами»⁶.

Именно во время работы на кафедре, а во многом и благодаря ей, В.И. Бовыкин стал признанным специалистом в области источниковедения. Его доклады и выступления на научных конференциях, на заседаниях кафедры и методологических семинарах всегда отличались новаторством в постановке тем, творческим решением дискуссионных вопросов.

В 1970–1980-е гг. ведущим направлением исследований на кафедре источниковедения становится изучение массовых исторических источников, всесторонний анализ информации которых позволяет раскрыть содержание, закономерности и особенности социально-экономического развития России. Для решения поставленных задач потребовалось выполнить большой объем исследовательской работы с учетом разного характера и состояния источников, неодинаковой степени их изученности и практического использования. Интересы В.И. Бовыкина органично вписались в решение этой комплексной проблемы, выдвинутой И.Д. Ковальченко. Он, а затем и подготовленные им источниковеды (С.В. Воронкова, А.Г. Голиков, Г.Р. Наумова, Е.В. Дворецкий) внесли значимый вклад в исследование этой проблемы, в формирование особого направления — спе-

⁶ См.: *Абрамова Н.Г.* Научное и педагогическое наследие В.И. Бовыкина // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2019. С. 39–40.

циальных источниковедческих исследований по изучению экономической и социальной истории на основе информации массовых источников рубежа XIX–XX вв. В этой работе были использованы новые приемы обработки и анализа данных, в том числе использование количественных методов, системный и междисциплинарный подходы. Результатом более чем десятилетней работы стала публикация коллективной монографии по изучению различных комплексов массовых источников по социально-экономической истории страны⁷. Валерий Иванович являлся одним из руководителей авторского коллектива этого издания, членом редколлегии и соавтором глав, в том числе написанных вместе с учениками.

На кафедре источниковедения в полной мере раскрылся незаурядный педагогический талант ученого. Совместная работа с учениками по исследовательской теме была обычной практикой в семинаре В.И. Бовыкина. В 1968 г. напечатана одна из первых статей об иностранных обществах в России, написанная им в соавторстве со студентами⁸. Валерий Иванович так вспоминал об опыте «командной» работы с учениками: «Расширение моего исследовательского поля влекло катастрофическое увеличение объема источников, требовавших изучения. Выход я попытался найти, во-первых, в разработке приемов избирательного поиска информации при исследовании крупных документальных массивов, с чем был связан мой переход на кафедру источниковедения, и, во-вторых, в создании новой «команды». Кафедра источниковедения стала тем очагом, вокруг которого начала формироваться эта «команда». Здесь в 70–80-е гг. моими учениками — С.В. Воронковой, А.Г. Голиковым, Г.Р. Наумовой, М.Ю. Лачаевой, Н.Г. Абрамовой, М.К. Шацилло, А.А. Мурашевым — была выполнена серия исследований, которые выявили особенности отражения различными историческими источниками процессов индустриализации, осветили механизмы документирования деловой информации и образования делопроизводственных комплексов промышленных предприятий, монополистических объединений, банков и некоторых государственных учреждений, занимавшихся хозяйственным регулированием, подвергли анализу факторы, обусловившие сохранение или, наоборот, гибель различных видов деловой документации, показали состояние дошедших до нас остатков

⁷ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.

⁸ Бовыкин В.И., Бабушкина Т.А., Крючкова С.А., Позребинская В.А. Иностранные общества в России в начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия История. 1968. № 2.

архивов российских и действовавших в России иностранных торгово-промышленных компании»⁹.

Проблематика дипломных работ и кандидатских диссертаций учеников В.И. Бовыкина свидетельствует о широте его собственных научных интересов. Среди тем диссертаций: финансовый капитал в морской судостроительной промышленности (К.Ф. Шацилло), монополии в металлургической промышленности (А.П. Корелин), русско-германские дипломатические отношения (И.И. Астафьев), материалы Особого совещания по обороне (С.В. Воронкова) и материалы российских акционерно-паевых торгово-промышленных предприятий (А.Г. Голиков), источники по истории сбытовых монополий (Г.Р. Наумова) и источники внешнеполитической информации русских газет (Е.Г. Кострикова), проблемы изучения иностранных капиталов (М.Ю. Лачаева, Н.Г. Абрамова, А.И. Тихонов) и акционерные коммерческие банки (Ю.А. Петров) и т.д.

Ученица Валерия Ивановича М.Ю. Лачаева, ныне профессор и заведующая кафедрой в Московском педагогическом государственном университете, так пишет о его педагогическом методе: «Отношения “учитель–ученик” строились на доверии, исследовательской заинтересованности, стремлении ученика найти в теме “искру” и тем самым оправдать доверие учителя. Все это были составляющие научного и человеческого авторитета нашего учителя... Научная проницательность Валерия Ивановича помогала ему в преподавании... Его отличало умение помочь ученику найти истинно новое в научном знании, важное для современного состояния изучения конкретной проблемы, подсказать ему перспективное направление поиска, а сам процесс поиска превратить в радость, если хотите, образ жизни. В этом я вижу суть педагогического метода Валерия Ивановича Бовыкина. Понятно, что овладеть им мог только человек любящий, ценящий, уважающий науку и учеников»¹⁰.

В.И. Бовыкин с уважением относился к своим ученикам, учитывал их индивидуальные особенности, признавал их право на собственное суждение. Он вел с ними разговор как с равными, учил думать. О таком отношении к ученикам свидетельствует, в частности, тот факт, что в его домашнем архиве хранились все дипломные работы и кандидатские диссертации учеников. Ученики, в свою очередь, ценили советы и рекомендации учителя и тщательно гото-

⁹ Бовыкин В.И. Из опыта архивных разысканий // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 55.

¹⁰ Лачаева М.Ю. Преподаватель В.И. Бовыкин // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. М., 2001. С. 69.

вились к разговору с ним по проблемам, связанным с разрабатываемой темой. Валерий Иванович никогда не навязывал свое видение проблемы, не поучал, был наставником, воспитателем, видел в своих учениках единомышленников, старался мобилизовать их усилия на совместный творческий поиск, решение общей задачи. Он высоко ценил живое общение со студентами, видел в педагогической работе возможности для научного эксперимента, для расширения исследовательской проблематики. Общение с учителем прививало навыки самостоятельной работы, способствовало профессиональному становлению молодых исследователей. Валерий Иванович не исправлял написанный студентом текст, а ставил вопросительные знаки, подчеркивал карандашом неверные или неудачные, по его мнению, слова и фразы. Это побуждало точнее формулировать мысль. Профессор находил время для неформального общения со студентами и аспирантами, не ограничивался разговорами исключительно на научные темы, был в курсе их дел и после окончания учебы. Д.и.н. И.В. Поткина вспоминала: «Валерий Иванович предоставлял полную самостоятельность ученикам в выборе подходов, решений и в формулировке выводов, но требовал во всем основательную научную аргументацию. Непременным условием диссертационной работы, за исполнением которого он внимательно следил, стало неформальное знание со стороны аспиранта работ предшественников и уважительное к ним отношение. Являясь признанным авторитетом в экономической истории, В.И. Бовыкин ни разу не навязал ученикам своей точки зрения, и, если его суждения по какому-то вопросу не совпадали с выводами, к которым пришел диссертант, он всегда принимал их, но только в том случае, если они были подкреплены источниками и логически обоснованы. Валерий Иванович учил аспирантов отстаивать свои взгляды, нередко сознательно подвергал их испытанию, забрасывая серьезными контрдоводами. Привитые учителем качества многим помогли в последующей самостоятельной работе. С защитой диссертации научное общение с Валерием Ивановичем не прекращалось. К нему всегда можно было обратиться за консультацией или получить заключение относительно своей новой работы»¹¹.

В науке важен процесс сохранения и передачи традиций, становления и развития исследовательских школ. Одна из учениц Валерия Ивановича, С.В. Воронкова, профессор кафедры источниковедения, уже на Первых научных чтениях памяти ученого, проходив-

¹¹ Поткина И.В. Валерий Иванович Бовыкин (1927–1998) // Историки России: Послевоенное поколение. М., 2000. С. 32–33.

ших в январе 1999 г., спустя всего четыре месяца после его кончины, сформулировала свое видение научной школы В.И. Бовыкина. По ее мнению, наличие школы подразумевает существование лидера и последователей, часто объединенных неформально. Лидер школы должен быть не только ученым, но и талантливым педагогом, который может увлечь учеников, поделиться с ними своими идеями, организовать совместную работу и добиться реализации научных проектов. Необходимо, чтобы внутри школы существовало единство представлений об объекте познания, методологии и методике исследования. Истоки научной школы В.И. Бовыкина она совершенно справедливо видела в школе А.Л. Сидорова. Светлана Владимировна отмечала, что «Валерий Иванович, безусловно, стремился к созданию своей школы, видя в формировании научных коллективов единомышленников существенное средство в продвижении исторических разработок кардинальных процессов развития России в эпоху ее индустриального обновления»¹².

Профессор кафедры источниковедения С.А. Байбаков, автор очерка о В.И. Бовыкине в коллективной монографии о кафедре источниковедения, солидаризируется с мнением С.В. Воронковой относительно роли ученого в формировании научной школы. Он считает, что В.И. Бовыкину, единственному из учеников А.Л. Сидорова «эта миссия оказалась по плечу». Причину этого феномена С.А. Байбаков видит в органическом синтезе «высшего профессионального мастерства и лучших человеческих качеств, которыми одновременно и в равной степени наделена далеко не каждая незаурядная личность»¹³.

Имя В.И. Бовыкина заняло достойное место в истории исторического факультета и кафедры источниковедения. О нем имеется *Personalia* в «Энциклопедическом словаре Московского университета. Исторический факультет» (М., 2004), там же есть статья и о Бовыкинских научных чтениях; о его исследованиях говорится в коллективном труде «Историческая наука в Московском университете. 1755–2004» (М., 2004), подготовленном к 70-летию факультета; о его научной и педагогической деятельности сообщается в «Летописи Московского университета. Исторический факультет» (М., 2004,

¹² См.: Воронкова С.В. Школа В.И. Бовыкина (К вопросу о традициях и новаторстве в развитии советской исторической науки) // Россия на рубеже XIX–XX вв. ... С. 35.

¹³ Байбаков С.А. Валерий Иванович Бовыкин // Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / Под ред. проф. А.Г. Голикова. СПб., 2019. С. 135–164. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 142. Сер. II: Исторические исследования, 85).

2009); есть о нем статья в разделе «Энциклопедия» на научном портале МГУ «Фонд знаний Ломоносов» (lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134519) и в энциклопедии «Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.)» (М., 2008). Очерк о нем включен в коллективную монографию об истории кафедры источниковедения, изданную в 2019 г.

При жизни ученый опубликовал 7 монографий, десятки статей¹⁴. После ухода Валерия Ивановича из жизни благодаря усилиям учеников и коллег увидели свет еще 2 его монографии, не издававшиеся ранее, изданы впервые и переизданы более десятка его статей и вышло более ста работ о нем. Составлена библиография работ В.И. Бовыкина¹⁵. Проведена работа с документами личного архива ученого, значительная часть которого была передана на хранение в отдел рукописей РГБ. Публикации о жизни и деятельности В.И. Бовыкина очень разноплановы¹⁶. Среди них особо следует, конечно, выделить пять фундаментальных сборников, четыре из которых составлены по материалам научных конференций, посвященных его памяти¹⁷. Научные чтения памяти Валерия Ивановича Бовыкина проводятся по инициативе его учеников регулярно. Их органи-

¹⁴ Перечисление основных работ см.: Бовыкин В.И. CURRICULUM VITAE // Россия на рубеже XIX–XX вв. ... С. 5–19. См. также: Он же. Curriculum vitae // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог... С. 215–223; Он же. Curriculum vitae // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2.

¹⁵ Библиографию работ В.И. Бовыкина, составленную С.А. Саломатиной, см.: Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог... С. 225–240. См. также: Библиография работ В.И. Бовыкина / Сост. Саломатина С.А. // Россия и мир... С. 398 – 414.

¹⁶ См.: Список литературы о жизни и деятельности В.И. Бовыкина // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог... С. 241–244. Список составлен Н.Г. Абрамовой.

¹⁷ Россия на рубеже XIX–XX веков. Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 1999; Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. Сб. статей. М., 2001; Россия в XIX–XX веках. Материалы II научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 22 января 2002 г. М., 2002; Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2019; Социально-экономическая и политическая история России рубежа XIX–XX веков. К 95-летию со дня рождения В.И. Бовыкина. Сборник материалов VI Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2022. Материалы III научных чтений см. на сайте исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: III научные чтения памяти профессора В.И. Бовыкина. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 31 января 2007 г. — URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/ (дата обращения 10.01.2026). Программы всех конференций памяти профессора В.И. Бовыкина также см. на сайте исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. — URL: <http://www.hist.msu.ru/research/conference/materials/> (дата обращения 10.01.2026).

зато́рами выступа́ют истори́ческий факульте́т МГУ имени М.В. Ломоносова, в частности кафед́ра исто́чниковеде́ния, и Институ́т росси́йской исто́рии РАН.

References

III nauchnye chteniya pamyati professora V.I. Bovykina (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 31 yanvarya 2007 g.) [Third Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin (Moscow, Lomonosov Moscow State University, January 31, 2007)]. — URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/

Abramova N.G. *Bovykin Valerii Ivanovich* [Bovykin Valery Ivanovich] // *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (s drevneishikh vremen do 1917 g.). Entsiklopediya* [Economic History of Russia (from Ancient Times to 1917). Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2008. P. 251–253.

Abramova N.G. *Bovykin Valerii Ivanovich* [Bovykin Valery Ivanovich] // *Entsiklopedicheskii slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskii fakul'tet* [Encyclopedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History]. Moscow: Izdatel'stvo MGU; ROSSPEN, 2004. P. 51–52.

Abramova N.G. *Bovykinskie nauchnye chteniya* [Bovykin Scholarly Readings] // *Entsiklopedicheskii slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskii fakul'tet* [Encyclopedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History]. Moscow: Izdatel'stvo MGU; ROSSPEN, 2004. P. 52–53.

Abramova N.G. *Nauchnoe i pedagogicheskoe nasledie V.I. Bovykina* [The Scholarly and Pedagogical Legacy of V.I. Bovykin] // *Valerii Ivanovich Bovykin. Chelovek. Issledovatel'. Pedagog. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statey i materialov* [Valery Ivanovich Bovykin. The Man, Researcher, and Teacher. On the 90th Anniversary of His Birth. Collection of Articles and Materials] / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAN, 2019. P. 38–47.

Baibakov S.A. *Valerii Ivanovich Bovykin* [Valery Ivanovich Bovykin] // *Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta* [The Department of Source Studies of Russian and Soviet History at the Faculty of History of Moscow University] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. P. 135–164 (*Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Issue 142. Serie II. Istoricheskie issledovaniya*, 85 [Proceedings of the Faculty of History of MSU. Issue 142. Serie II. Historical Studies, 85]).

Bibliografiya rabot V.I. Bovykina [Bibliography of the Works of V.I. Bovykin] / Comp. by S.A. Salomatina // *Rossiya i mir. Pamyati professora Valeria Ivanovicha Bovykina: sbornik statei* [Russia and the World: In Memory of Professor Valery Ivanovich Bovykin. Collection of Articles]. Moscow: ROSSPEN, 2001. P. 398–414.

Borodkin L.I. *Bovykin Valeriy Ivanovich* [Bovykin Valery Ivanovich]. — URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134519:article>

Bovykin V.I. *Curriculum vitae* // *Rossiya na rubezhe XIX–XX vv. Materialy nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 20 yanvarya 1999 g.)* [Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Proceedings of the Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin (Moscow, Lomonosov Moscow State University, January 20, 1999)]. Moscow: ROSSPEN, 1999. P. 5–19.

Bovykin V.I. *Curriculum vitae* // *Valerii Ivanovich Bovykin. Chelovek. Issledovatel'. Pedagog. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statey i materialov* [Valery Ivanovich Bovykin. The Man, Researcher, and Teacher. On the 90th Anniversary of

His Birth. Collection of Articles and Materials] / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAN, 2019. P. 215–223.

Bovykin V.I. *Curriculum vitae* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 1999. N 2. P. 121–129.

Bovykin V.I. *Iz opyta arkhivnykh razyskaniy* [From the Experience of Archival Research] // *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*. 1999 [Economic History. Yearbook. 1999]. Moscow: ROSSPEN, 1999. P. 11–62.

Bovykin V.I. *Ocherki istorii vneshnei politiki Rossii. Konets XIX v. — 1917 g.: posobie dlya uchitelya* [Essays on the History of Russian Foreign Policy: From Late 19th Century to 1917. A Teacher's Guide]. Moscow: Uchpedgiz, 1960. 215 p.

Bovykin V.I., Babushkina T.A., Kryuchkova S.A., Pogrebinskaya V.A. *Inostrannye obshchestva v Rossii v nachale XX v.* [Foreign Companies in Russia at the Beginning of the 20th Century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series "Istoriya". 1968. N 2. P. 53–68.

Golikov A.G. *Problemy istochnikovedeniya v prepodavatel'skoi i nauchnoi deyatel'nosti V.I. Bovykina* [Problems of Source Studies in V.I. Bovykin's Teaching and Scholarly Work] // *Rossiya na rubezhe XIX–XX vv. Materialy nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina* (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 20 yanvarya 1999 g.) [Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Proceedings of the Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin (Moscow, Lomonosov Moscow State University, January 20, 1999)]. Moscow: ROSSPEN, 1999. P. 71–80.

Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete. 1755–2004 [Historical Scholarship at Moscow University, 1755–2004] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004. 640 p.

Lachaeva M.Yu. *Prepodavatel' V.I. Bovykin* [V.I. Bovykin as a Teacher] // *Rossiya i mir. Pamyati professora Valeria Ivanovicha Bovykina: sbornik statei* [Russia and the World: In Memory of Professor Valery Ivanovich Bovykin. Collection of Articles]. Moscow: ROSSPEN, 2001. P. 66–72.

Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskii fakul'tet [Chronicle of Moscow University. Faculty of History]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009. 384 p.

Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskii fakul'tet [Chronicle of Moscow University. Faculty of History] / General ed. by S.P. Karpov. 2nd ed., expand. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 528 p.

Massovye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii perioda kapitalizma [Mass Sources on the Social and Economic History of Russia in the Period of Capitalism]. Moscow: Nauka, 1979. 415 p.

Nauchnye trudy, doklady i publikatsii pamyati uchenogo [Scholarly Works, Papers, and Publications in Memory of the Scholar] // *Valerii Ivanovich Bovykin. Che-lovek. Issledovatel'. Pedagog. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statei i materialov* [Valery Ivanovich Bovykin. The Man, Researcher, and Teacher. On the 90th Anniversary of His Birth. Collection of Articles and Materials] / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAN, 2019. P. 225–240.

Ocherki istorii SSSR. 1861–1904: posobie dlya uchitelei [Essays on the History of the USSR, 1861–1904: A Guide for Teachers] / V.I. Bovykin, S.S. Dmitriev, I.D. Koval'chenko, K.N. Tarnovskii; ed. by S.S. Dmitriev. Moscow: Uchpedgiz, 1960. 446 p.

Potkina I.V. *Valerii Ivanovich Bovykin (1927–1998)* [Valery Ivanovich Bovykin (1927–1998)] // *Istoriki Rossii. Poslevoennoe pokolenie* [Historians of Russia. The Post-war Generation]. Moscow: AIRO-XX, 2000. P. 21–38.

Rossiya i mir. Pamyati professora Valeria Ivanovicha Bovykina: sbornik statei [Russia and the World: In Memory of Professor Valery Ivanovich Bovykin. Collection of Articles]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 422 p.

Rossiya na rubezhe XIX–XX vv. Materialy nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 20 yanvarya 1999 g.) [Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Proceedings of the Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin (Moscow, Lomonosov Moscow State University, January 20, 1999)]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 352 p.

Rossiya v XIX–XX vekakh. Materialy II nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 22 yanvarya 2002 g.) [Russia in the 19th and 20th Centuries. Proceedings of the Second Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin (Moscow, Lomonosov Moscow State University, January 22, 2002)]. Moscow: ROSSPEN, 2002. 384 p.

Sidorov A.L. *Nekotorye razmyshleniya o trude i opyte istorika* [Some Reflections on the Work and Experience of a Historian] // Sidorov A.L. *Istoricheskie predposylki Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [Historical Preconditions of the Great October Socialist Revolution]. Moscow: Nauka, 1970. P. 5–34.

Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Rossii rubezha XIX–XX vekov. K 95-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Bovykina. Sbornik materialov VI nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina [The Social, Economic, and Political History of Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries. On the 95th Anniversary of the Birth of V.I. Bovykin. Proceedings of the Sixth Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin] / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAN, 2022. 314 p.

Spisok literatury o zhizni i deyatel'nosti V.I. Bovykina [Bibliography on the Life and Work of V.I. Bovykin] // Valerii Ivanovich Bovykin. *Chelovek. Issledovatel'. Pedagog. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statei i materialov* [Valery Ivanovich Bovykin. The Man, Researcher, and Teacher. On the 90th Anniversary of His Birth. Collection of Articles and Materials] / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAN, 2019. P. 241–244.

Valerii Ivanovich Bovykin. Chelovek. Issledovatel'. Pedagog. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statei i materialov [Valery Ivanovich Bovykin. The Man, Researcher, and Teacher. On the 90th Anniversary of His Birth. Collection of Articles and Materials] / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAN, 2019. 246 p.

Voronkova S.V. *Shkola V.I. Bovykina (K voprosu o traditsiyakh i novatorstve v razvitiy sovetskoi istoricheskoi nauki)* [The Academic School of V.I. Bovykin: On Traditions and Innovation in the Development of Soviet Historical Scholarship] // *Rossiya na rubezhe XIX–XX vv. Materialy nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, 20 yanvarya 1999 g.)* [Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries. Proceedings of the Scholarly Readings in Memory of Professor V.I. Bovykin (Moscow, Lomonosov Moscow State University, January 20, 1999)]. Moscow: ROSSPEN, 1999. P. 31–49.

Поступила в редакцию
20 января 2026 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-162-178

О.В. Смирнова, Г.В. Денисова, У.Ю. Эшкинина

**НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РОССИЙСКИХ
СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ (2005–2025 ГГ.)**

O.V. Smirnova, G.V. Denisova, U.Yu. Eshkinina

**NOSTALGIC DISCOURSE IN THE RUSSIAN MEDIA:
DYNAMICS OF CHANGES (2005–2025)**

Аннотация. В статье рассматривается концепт ностальгии как форма репрезентации исторического прошлого и индикатор изменения отношения к истории. Актуальность работы определяется не только устойчивым

Смирнова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий кафедрой цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Smirnova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in Philology, Associate Professor, Head, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Smirnova.olga.msu@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1349-4241

Денисова Галина Валерьевна, доктор культурологии, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства и заместитель декана по научной работе и развитию факультета искусства МГУ имени М. В. Ломоносова

Denisova Galina Valerievna, Doctor in Cultural Studies, Associate Professor, Professor, Department of Semiotics and General Theory of Art, Deputy Dean for Research and Development, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

g.v.denisova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7719-8380

Эшкинина Ульяна Юрьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Eshkinina Uliana Yur'evna, PhD Candidate in Philology, Research Fellow, Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University
ulianaeshkinina1995@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6782-0634

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

присутствием ностальгических нарративов в медиа, но и недостаточной разработанностью инструментов для их комплексного анализа в условиях цифровой трансформации информационной среды. Подчеркивается, что ностальгия перестает быть сугубо личным переживанием и превращается в публичный феномен, активно используемый для конструирования коллективной идентичности и формирования эмоциональной повестки дня. Анализ проводился на материале двух российских СМИ — «Аргументы и факты» и «Газета.Ru» — за период 2005–2025 гг. В отличие от существующих работ, посвященных статичным описаниям ностальгии, данное исследование предлагает динамическую модель ее эволюции, основанную на сравнении трех временных срезов (2005, 2015, 2025 гг.) с применением количественного и качественного методов исследования. Результаты контент-анализа 100 публикаций выявили динамику изменений объектов ностальгии, ее роли в тексте и типов репрезентации прошлого, а также размытие темпоральных рамок ностальгических переживаний. В указанный период в зависимости от контекста ностальгия может выступать как центральная тема, второстепенный аргумент, фоновый элемент или как объект отрицания. Она наделяется положительной (реже амбивалентной) эмоциональной окраской и может использоваться в качестве инструмента конструирования коллективной идентичности. Демонстрируется, что за два десятилетия ностальгия прошла путь от «тихой рефлексии об утраченном быте» через «коллекционирование материальной культуры 1990-х» к «эмоциональному и маркетинговому ресурсу», который может применяться, критиковаться или отвергаться. Особое внимание уделено трем универсальным объектам ностальгии — кино и литературе, технике и гаджетам, советскому прошлому как эпохе, — динамика которых отражает постепенный переход от конкретно-вещной ностальгии к ностальгии по состояниям и эмоциям. Полученные результаты позволяют проследить трансформацию исторической памяти и общественных настроений в российском медиадискурсе последних двух десятилетий.

Ключевые слова: ностальгия, медиадискурс, цифровизация, интернет-СМИ, историческая память, коллективная память.

Abstract. This article examines nostalgia as a mode of representing the historical past and as an indicator of changing attitudes toward history. The relevance of the study stems not only from the persistent presence of nostalgic narratives in the media but also from the insufficient development of analytical tools capable of capturing this phenomenon comprehensively amid the digital transformation of the information environment. The article argues that nostalgia is no longer confined to the realm of personal experience but has increasingly become a public phenomenon actively employed in the construction of collective identity and the shaping of emotionally charged media agendas. The analysis draws on materials published by two Russian media outlets, *Argumenty i Fakty* and *Gazeta.Ru*, between 2005 and 2025. Unlike previous studies that have tended to offer static accounts of nostalgia, this research proposes a dynamic model of its evolution by comparing three chronological snapshots — 2005, 2015, and 2025 — and combining quantitative and qualitative methods. A content analysis of 100 publications reveals shifts in the objects of

nostalgia, its functions within media texts, and the modes through which the past is represented, as well as an increasing blurring of the temporal boundaries of nostalgia experience. Across the period under study, depending on context, nostalgia may function as the central theme of a text, a secondary argumentative device, a background element, or an object of explicit rejection. It is predominantly endowed with positive, and less frequently ambivalent, emotional connotations and may serve as a means of constructing collective identity. The findings demonstrate that over the course of two decades, nostalgia evolved from a form of “quiet reflection on a lost everyday world”, through the “collecting of the material culture of the 1990s”, into an “emotional and marketing resource” that may be mobilized, criticized, or rejected. Particular attention is paid to three recurring objects of nostalgia — film and literature, technology and gadgets, and the Soviet past as a historical era — whose evolution reflects a gradual shift from nostalgia centred on tangible objects toward nostalgia for emotional states, experiences, and ways of feeling. The findings make it possible to trace broader transformations in historical memory and public sentiment within Russian media discourse over the past two decades.

Keywords: nostalgia, media discourse, digitalization, online media, historical memory, collective memory.

* * *

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью медиа в формировании исторической памяти у аудитории в контексте современного этапа развития российского общества. В условиях цифровизации и трансформации информационного пространства все большую значимость приобретает изучение механизмов репрезентации прошлого в медиадискурсе, в котором ностальгические тенденции становятся одним из важных индикаторов коллективной памяти. При этом вопрос методологического инструментария для анализа концепта «ностальгии» в современном медиадискурсе продолжает оставаться недостаточно разработанным. Таким образом, целью данного исследования является выявление динамики репрезентации ностальгического дискурса на материале двух российских СМИ — «Аргументы и факты» и «Газета.Ру» — за период 2005–2025 гг.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях все более заметным становится интерес к исследованиям феномена коллективной памяти, а также к анализу роли ностальгических переживаний в процессе взаимодействия индивидуального и общественного сознания с историческим контекстом. Трансформация теоретических подходов к пониманию концепта ностальгии на различных исторических этапах привела к формированию множественности интер-

претаций данного явления¹. В отечественном контексте изучение ностальгии приобретает особую значимость, поскольку позволяет проследить эволюцию массового сознания и личностных идентичностей в период перехода от советского к современному российскому обществу.

В повестке современных российских медиа не только отражаются социокультурные представления о прошлом, но и прослеживаются процессы, связанные с его переосмыслением. При этом ностальгические нарративы в содержании медиа могут служить своеобразным индикатором, позволяющим улавливать общественные настроения и запросы, потребности аудитории в обращении к событиям прошлого, ее эмоциональную привязанность к тем или иным историческим событиям или этапам.

Ностальгия как социокультурный феномен довольно подробно исследована С. Бойм², представившей, пожалуй, наиболее актуальную на сегодняшний день классификацию типов этого явления. Прикладным аспектам ностальгии посвящены работы Д.В. Дунаса и других российских исследователей³. Взаимосвязь ностальгии с исторической памятью рассматривается в трудах Е.Л. Вартановой, Д.А. Андреева, Г.В. Денисовой, О.В. Смирновой и А.А. Гладковой⁴.

Для понимания динамики изменений в подходах к ностальгии как концепту следует вспомнить, что появление этого термина связывают с работами швейцарского врача Д. Хофера, который в XVII столетии диагностировал состояние находившихся вдали от дома швейцарских солдат⁵. В последующий период ностальгия рас-

¹ *Rosenwein B.N. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: International Journal for the History and Theore of Emotions. 2010. No. 1. P. 1–32; Salmon L., Dickinson S. Melancholic Identities, Toska and Reflective Nostalgia. Firenze, 2015; Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Коммуникативно-культурная память в контексте реализации информационных стратегий массмедиа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3 (189). С. 12–23; Дунас Д.В., Салихова Е.А., Бабына Д.А. Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 247–268; Вартанова Е.Л., Андреев Д.А., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Гладкова А.А. Конфликт и медиа: взаимодействие и взаимовлияние в контексте сохранения исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 3. С. 156–170.*

² Бойм. С. Будущее ностальгии. М., 2019.

³ Дунас Д.В., Салихова Е.А., Бабына Д.А. Указ. соч. С. 247–268.

⁴ Вартанова Е.Л., Андреев Д.А., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Гладкова А.А. Указ. соч. С. 156–170.

⁵ *Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C.D. Nostalgia: Content, triggers, functions // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. No. 5. P. 975–993.*

сматривалась как психофизиологическое расстройство, с которым следовало бороться. Например, известно, что император Франции Наполеон для предотвращения ностальгических состояний запрещал солдатам исполнять народную музыку их регионов, поскольку считал, что это может привести к снижению военной мотивации и дезертирству⁶. К XIX в. с развитием таких процессов, как индустриализация, урбанизация, рост миграции населения ностальгия приобретала более широкое значение, позволявшее описывать состояние «тоски по дому», которому были подвержены и мигранты, и заводские рабочие, и переселенцы из деревень⁷. На протяжении XX в. подход к ностальгии как концепту продолжал меняться, сдвигаясь от пространственной/географической парадигмы к темпоральному/историческому измерению. Можно констатировать, что современное научное понимание ностальгии как концепта существенно эволюционировало, ностальгические состояния стали определять как «стремление к дому, которого больше нет или никогда не существовало»⁸. С развитием исследований коллективной и исторической памяти ностальгия стала выступать как эмоционально обоснованный механизм актуализации исторической памяти.

Современная интерпретация понятия включает личностный аспект утраты идеализированного прошлого и социокультурный конструкт, который модифицирует официальную историческую версию прошедшего события или утраченного явления. Ностальгические переживания и сегодня неразрывно связаны с механизмами социальной и коллективной памяти, определяющими процессы формирования и трансформации воспоминаний в социальных группах⁹. Они могут выступать значимым мотивационным фактором поведения человека или группы людей, и особая роль в этом контексте отводится коллективной памяти, которая становится важным фактором формирования массовой культуры через апеллирование к значимым для аудитории историческим периодам и/или географическим локациям¹⁰. Ностальгические настроения выполняют

⁶ Sedikides C., Wildschut T., Baden D. Nostalgia: Conceptual issues and existential functions // Handbook of experimental existential psychology / Ed by J. Greenberg, S. Koole, T. Pyszczynski. New York, 2004. P. 200–214.

⁷ Boyrn S. Nostalgia and Its Discontents // The Hedgehog Review. 2007. Vol. 9. No. 2. P. 7–18.

⁸ Бойн С. Будущее ностальгии. М., 2021. С. 164.

⁹ Pickering M., Keightley E. The modalities of nostalgia // Current Sociology. 2006. Vol. 54. No. 6. P. 919–941.

¹⁰ Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.

важные психологические функции, включая поддержание чувства идентичности, сохранение культурных ценностей и укрепление социальных связей. Ностальгию могут испытывать и представители молодого поколения, воспринимающие прошлое через рассказы старших, сохранившиеся артефакты и культурное наследие.

Теоретический обзор работ, посвященных ностальгии, выявляет непосредственную связь этого концепта с исследованиями памяти и исторической памяти, что обуславливает необходимость в междисциплинарных подходах и влияет, в частности, на динамику изменений в терминологии¹¹. Важной для нашего исследования представляется концепция «мест памяти», понимаемых как своеобразные локации, «где память кристаллизуется и находит свое убежище»¹². Как отмечает историк Л.П. Репина, сегодня концепт исторической памяти «главным образом связывается с понятием “политика памяти”, или “историческая политика”, с анализом роли политического заказа в формировании и закреплении конкретных знаний о прошлом для обеспечения определенных социально-политических задач»¹³.

При обращении к коллективной памяти в данном исследовании мы опираемся на труды М. Хальбвакса, обосновавшего социальную природу памяти и выдвинувшего тезис о том, что коллективная память имеет свойство «оборачиваться» вокруг индивидуальных памятей, но при этом не смешивается с ними¹⁴. В дальнейшем эта идея была развита Я. Ассманом — автором концепции двух измерений памяти — культурного и коллективного. Он отмечал, что культурная память направлена скорее на конкретные эпизоды из прошлого, «которые сворачиваются в символические фигуры, соединяющие множество частных воспоминаний о данном объекте или событии»¹⁵. Значительный вклад в разработку понятий, связанных с памятью, внес российский исследователь А.И. Миллер. Согласно его подходу, одним из основных концептов является «политика памяти», реализация которой происходит посредством большого круга государственных мер: от символических практик, таких как установка мемориалов и организация памятных мероприятий, до конкретных

¹¹ Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimcev R. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 1. P. 31.

¹² Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память / Пер. с фр. СПб., 1999. С. 17.

¹³ Репина Л.П. Указ. соч. С. 82–99.

¹⁴ Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти / Ред. А.И. Миллер, Д.М. Ефременко. СПб., 2018. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 368.

социальных программ поддержки участников исторических событий¹⁶. При этом Миллер выделяет важный компонент политики памяти — феномен забывания, который характеризуется непризнанием участия в неприглядных исторических событиях, а понимающее забывание возникает после того, как общество уже признало и переосмыслило сложные страницы своей истории¹⁷.

Таким образом, современные подходы к изучению ностальгии, исторической памяти и коллективной памяти представляют собой сложный междисциплинарный комплекс концепций и методологических инструментов. Их дальнейшее развитие и уточнение остается актуальной задачей современной науки, особенно в контексте новых вызовов цифровой эпохи и трансформации механизмов социальной памяти. Изучение концептов «историческая память», «коллективная память» и «ностальгия» в современном научном дискурсе требует выхода за пределы традиционных монодисциплинарных границ. Особую значимость приобретает изучение процессов цифровизации и их влияния на формирование и трансляцию исторической памяти в России, а также на особенности ностальгических переживаний в медиапространстве.

Ностальгический дискурс в контексте цифровизации

Цифровая трансформация общества существенно изменила характер формирования, сохранения и передачи коллективной памяти, создав новые формы социального взаимодействия и коммуникации. В данном контексте особую актуальность приобретает анализ того, как цифровые технологии влияют на механизмы проявления ностальгических настроений в современном обществе.

В своих исследованиях специфики цифровой трансформации Е.Л. Вартанова предлагает выделять такие характерные черты отечественных медиа, как гибридизацию старых и новых медиаформатов, возрастающую роль мобильных платформ в потреблении контента, а также формирование новых моделей медиапотребления, основанных на активном использовании социальных сетей¹⁸. Особое внимание при этом обращается на тот факт, что в российском

¹⁶ Историческая политика в XXI веке / Общ. ред. и сост. А.И. Миллер, М.А. Липман. М., 2012. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»); Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. трудов / Общ. ред. и сост. А.И. Миллер, Д.М. Ефременко. СПб., 2018; Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3–4 (46). С. 6–23.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2. С. 8–14.

контексте цифровизация медиа происходит неравномерно, и это создает медиапространства, где одновременно сосуществуют различные технологические и культурные практики медиапотребления, что, в свою очередь, ведет к созданию разных, часто конкурирующих за возможность влияния на потребителя ностальгических мотивов, которые транслируют современные СМИ. Сказанное эксплицирует концепцию «коннективной памяти» Э. Хоскинса, понимаемую как то, что «создается в результате потока контактов между людьми, цифровыми технологиями и медиа»¹⁹.

В современном информационном обществе традиционное разграничение между «коммуникативной» и «культурной» памятью, которое изначально базировалось на различиях между устной и письменной коммуникацией, существенно размылось: и бумажный дневник, и интернет-блог «служат не только средством коммуникации, но и инструментом самоформирования индивидуальной памяти; однако основная функция блога заключается в возможности синхронизировать субъективный опыт пишущего с опытом других»²⁰. Следует признать, таким образом, что хотя коммуникативная и культурная память продолжают существовать как отдельные явления, они теперь функционируют в тесном взаимодействии, где символические и повседневные воспоминания переплетаются, формируя целостное восприятие прошлого²¹. Более того, с развитием новых коммуникационных технологий ностальгия вышла за рамки личного переживания и стала частью публичного пространства.

Современное медиапространство характеризуется трансформацией механизмов, формирующих коммуникативно-культурную память общества. Ключевым моментом является усиление в формировании исторической памяти роли медиа, которые во многом определяют приоритетные направления исторической памяти, объекты ностальгии, ключевые акценты в интерпретации событий, границы допустимых трактовок и даже зоны «антипамяти» — области неприемлемых и недостойных ностальгии в актуальном контексте исторических интерпретаций.

Одновременно цифровизация создает новые возможности для коммерциализации ностальгии, превращая социальные медиа в площадку для развития ностальгического маркетинга, т.е. порождает

¹⁹ Hoskins A. 7/7 and connective memory: Interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture // *Memory Studies*. 2011. Vol. 4. No. 3. P. 269–280.

²⁰ Dijk J. *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford, 2007.

²¹ Олешко В.Ф., Олешко Е.В. *СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти*. Екатеринбург, 2020.

специфические практики «цифровой ностальгии», когда прошлое не просто вспоминается, но активно конструируется и коммодифицируется через цифровые платформы. В этом контексте особый интерес представляет феномен UGC-контента, в результате которого пользователи социальных сетей становятся одновременно потребителями и производителями ностальгического контента, что формирует иную динамику развития коллективной памяти.

Методология и результаты

Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем количественные и качественные методы анализа. Для решения задач исследования были отобраны два средства массовой информации — «Аргументы и факты» и «Газета.Ru», занимающие высокие позиции в рейтинге самых цитируемых интернет-ресурсов России по данным системы «Медиалогия» за март 2026 г., что подтверждает их высокую значимость в формировании общественной повестки. Важным критерием выбора этих СМИ также стала доступность их полноценных текстовых архивов с начала 2000-х гг.

Таблица 1

**Количество публикаций о ностальгии
в «Газета.Ru» и «Аргументы и факты»**

Год	Количество публикаций	
	Газета.Ru	АиФ
2005	54	34
2010	70	50
2015	79	48
2020	53	34
2025	162	145

Количественный этап. Первая часть исследования представляет собой диахронический анализ: на основе поиска по ключевому слову «ностальгия» была построена динамика публикаций с 2005 по 2025 г. Данные (табл. 1) показывают, что ностальгия никогда не была маргинальной темой — она присутствовала в обоих изданиях на протяжении всего выбранного периода, хотя и без резких скачков вплоть до 2020 г. Однако 2025 год показал значимые изменения в ностальгическом дискурсе: в «Газете.Ru» количество публикаций выросло с 54 до 162 (трехкратный рост), а в «АиФ» — с 34 до 145 (почти

четырёхкратный). Поскольку оба издания освещают актуальную повестку, такой всплеск можно интерпретировать как маркер реального запроса аудитории и осознанной редакционной стратегии.

Качественный анализ. На втором этапе фокус сместился с количественного присутствия ключевого слова «ностальгия» на содержательные аспекты его репрезентации. Выборка строилась пропорционально доле каждого года в общем объеме публикаций. При объединении данных «Газеты.Ru» и «АиФ» были получены следующие результаты: 2005 г. — 88 публикаций (17% от всех 522), 2015 г. — 127 публикаций (24%), 2025 г. — 307 публикаций (59%). Чтобы сохранить эти пропорции, было отобрано 100 текстов — оптимальный для ручного контент-анализа объем. Окончательная выборка включила: из 2005 г. — 10 публикаций «Газеты.Ru» и 7 «АиФ»; из 2015 г. — 15 публикаций «Газеты.Ru» и 9 «АиФ»; из 2025 г. — 31 публикацию «Газеты.Ru» и 28 «АиФ». Каждый год и каждое издание представлены в выборке ровно в той же пропорции, что и в генеральной совокупности, что позволяет корректно сравнивать периоды и издания без риска смещения. Программой случайных чисел выбиралось соответствующее количество публикаций для каждого периода и каждого СМИ (без повторений в одной группе). Анализу подлежали: объекты ностальгии (музыка и исполнители; кино, сериалы и литература; еда, бренды и напитки; техника и гаджеты; праздники и традиции; мода и стиль; медиа, телевидение и радио; ностальгия по советскому прошлому как по целостной эпохе; малая родина, деревня и корни; молодость, детство и былые времена, ностальгия как маркетинговый инструмент; политическая ностальгия; ностальгия по советской культуре и искусству); роль ностальгии в тексте (основное — текст целиком построен на ностальгии; побочное — ностальгия важна, но не является центральной темой; фоновое — ностальгия упоминается мимоходом; отрицание — ностальгия сознательно отвергается); тип репрезентации прошлого (критика настоящего и компенсация — прошлое используется для сравнения с настоящим в пользу прошлого, ностальгия выступает как способ восполнить дефициты современности; образ нормальной жизни в прошлом — прошлое описывается как предсказуемое, стабильное, правильное; травматические события (фоном) — болезненные события прошлого упоминаются, но не становятся центральной темой). Доля каждого параметра рассчитывалась как процент материалов, в которых он зафиксирован, от общего числа материалов в соответствующей выборке. Поскольку один материал мог включать несколько объектов, сумма процентов в соответствующих столбцах может превышать 100%.

За выбранный для анализа период объекты ностальгии в российских интернет-СМИ претерпели значительную трансформацию, пройдя путь от привязки к конкретным материальным объектам и советскому быту через коллекционирование вещей 1990-х гг. к более абстрактным категориям — молодости, музыке, целым эпохам и даже маркетинговым трендам (табл. 2). При этом три объекта оказались универсальными константами, присутствующими во всех периодах и изданиях: кино и литература, техника и гаджеты, советское прошлое как эпоха, хотя их динамика существенно различалась.

Таблица 2

Объект ностальгии (в % от материалов периода) в «Газета.ру» и «АиФ» в 2005, 2015 и 2025 гг.

Объект	2005 г.		2015 г.		2025 г.	
	Газета.Ру	АиФ	Газета.Ру	АиФ	Газета.Ру	АиФ
музыка / исполнители	10	0	27	22	16	15
кино / сериалы / литература	10	40	13	11	10	15
еда / бренды / напитки	10	0	13	33	10	15
техника / гаджеты	30	20	33	44	3	8
праздники / традиции	10	20	0	11	6	12
мода / стиль	0	0	7	11	13	8
медиа / ТВ / радио	10	60	7	22	6	8
советское прошлое (эпоха)	40	20	40	11	26	35
малая родина / деревня / корни	0	0	0	0	3	15
молодость / детство / былые времена	0	20	33	22	29	27
ностальгия как маркетинговый инструмент	0	0	0	0	16	8
политическая ностальгия	0	0	0	0	3	0
советская культура / искусство	10	20	7	0	6	8

В 2005 г. в обоих изданиях доминировали конкретные объекты прошлого. В «АиФ» лидировали медиа, телевидение и радио (60%),

а также кино и литература (40%). В «Газете.Ru» доминировало советское прошлое как целостная эпоха (40%) и техника (30%). Универсальные объекты присутствовали с разной интенсивностью: кино и литература были заметнее в «АиФ» (40%), техника — в «Газете.Ru» (30%), советское прошлое как эпоха доминировало в «Газете.Ru» (40%), но было менее значимым в содержании «АиФ» (20%). Эти результаты продемонстрировали прежде всего ностальгию по уходящему миру вещей и «порядков», причем в «АиФ» приоритетней оказалась бытовая память, а в «Газете.Ru» больше проявлялась интеллектуальная рефлексия.

В 2015 г. произошел сдвиг в сторону материальной культуры 1990-х гг. В «АиФ» лидировали техника и гаджеты (44%), еда и бренды (33%), музыка и ностальгия по молодости (по 22%). Техника и гаджеты достигли своего исторического пика (44% в «АиФ», 33% в «Газете.Ru»), тогда как обращение к советскому прошлому зафиксировалось на высоком уровне в «Газете.Ru» (40%), но снизилось в «АиФ» (11%). Ностальгия по кино и литературе удерживалась на уровне 11–13% в обоих изданиях. Этот год можно было бы обозначить как период «коллекционирующей» ностальгии, когда прошлое собиралось по вещам, игрушкам и песням, ассоциировавшимся со счастливым детством. «Газета.Ru» фиксировала поколенческий сдвиг: наряду с высоким уровнем советского прошлого резко выросла доля ностальгии по молодости (33%) и музыке (27%). Ностальгировать начинали не только по СССР, но и по собственному детству, пришедшемуся на 1990-е гг.

2025 год показал, пожалуй, наиболее радикальные изменения за весь исследуемый период. Объектами ностальгии окончательно перестали выступать конкретные материальные предметы, их сменили более абстрактные и эмоциональные категории. В «Газете.Ru» лидирующие позиции заняли ностальгия по молодости и детству (29%), по советскому прошлому (26%), по музыке (16%). В этот период также впервые появились и закрепились две позиции: ностальгия как маркетинговый инструмент (16%) и мода как объект ностальгии (13%). Результаты в «АиФ» оказались следующими: ностальгия по советскому прошлому (35%), по деревне и «корням» (15%), по еде из прошлого (15%), по кино (15%); при этом заметно выросли доли ностальгии по молодости (27%) и по музыке (15%). Следует еще раз подчеркнуть, что именно в 2025 г. сформировался феномен маркетинговой ностальгии, когда образы прошлого стали сознательно создаваться и использоваться для продвижения товаров (в первую очередь одежды), фильмов, мюзиклов и ремейков.

Наряду с изменением объектов ностальгии трансформировалась и ее функциональная роль в медиатекстах (табл. 3).

Таблица 3

**Роль ностальгии (в % от материалов периода)
в «Газета.ру» и «АиФ» в 2005, 2015 и 2025 гг.**

Роль ностальгии	2005 г.		2015 г.		2025 г.	
	Газета.Ru	АиФ	Газета.Ru	АиФ	Газета.Ru	АиФ
Основная	40	60	40	33	29	35
Побочная	30	20	33	33	29	31
Фоновая	30	20	27	33	26	12
Отрицание	0	0	0	0	16	19

В 2005 г. ностальгия в обоих изданиях преимущественно выступает в роли основной темы: в «АиФ» — 60% материалов, в «Газете.Ru» — 40%. Ностальгические публикации представляют собой развернутые, самостоятельные тексты, где прошлое анализируется, описывается или переживается как центральный сюжет. Отрицание ностальгии полностью отсутствует — ностальгия еще не стала объектом критики или высмеивания.

К 2015 г. в обоих изданиях происходит выравнивание ролей. В «АиФ» доля материалов, где ностальгия является основной темой, снижается до 33%, а побочная и фоновая ностальгия достигают также 33% каждая. В «Газете.Ru» основная роль ностальгии сохраняется на уровне 40%, но при этом побочная и фоновая составляют 33% и 27%. Прошлое перестает быть центральной темой и начинает использоваться как аргумент, иллюстрация или фон для других сюжетов. Отрицание ностальгии по-прежнему отсутствует.

В 2025 г. происходят наиболее заметные изменения. Доля материалов, в которых ностальгия является основной темой, падает в «АиФ» до 35%, а в «Газете.Ru» — до 29%. Одновременно в «Газете.Ru» возрастает доля фоновой ностальгии — до 26%, что почти вдвое превышает показатель «АиФ» (12%). «Газета.Ru» в 2025 г. публикует ностальгические материалы преимущественно в жанре новостей, где прошлое упоминается вскользь.

Самым значимым изменением в 2025 г. становится появление категории отрицания ностальгии: в «АиФ» она составляет 19%, в «Газете.Ru» — 16%. Впервые в анализируемый период ностальгия не просто избегается, но сознательно высмеивается, критикуется или отвергается (например, в интервью Ирины Родниной, в материалах

об эмигрантах, в некоторых аналитических статьях). Это новый феномен, свидетельствующий о том, что ностальгия перестала быть безусловно позитивной или нейтральной темой.

Не менее важным параметром анализа выступает то, как именно конструируется прошлое в ностальгических публикациях — служит ли оно точкой опоры, объектом критики или фоном для травматических переживаний (табл. 4).

Таблица 4

**Типы репрезентации прошлого (в % от материалов периода)
в «Газета.ру» и «АиФ» в 2005, 2015 и 2025 гг.**

Тип	2005 г.		2015 г.		2025 г.	
	Газета.Ru	АиФ	Газета.Ru	АиФ	Газета.Ru	АиФ
критика настоящего / компенсация утрат	80	60	53	56	39	54
образ нормальной жизни в прошлом	70	60	53	44	18	46
травматические события как фон	30	20	20	33	11	27

В 2005 г. в обоих изданиях доминирует критика настоящего: в «Газете.Ру» — 80%, в «АиФ» — 60%. Прошлое служит инструментом для сравнения с настоящим не в пользу последнего. Также силен образ прошлого как нормальной жизни — 70% в «Газете.Ру» и 60% в «АиФ». Прошлое описывается как стабильное, правильное, «настоящая жизнь». Травматические события при воспоминаниях присутствуют, но лишь косвенно.

В 2015 г. доля критики настоящего снижается: 53% в «Газете.Ру», 56% в «АиФ». Образ прошлого как нормы также снижается, особенно заметно в «Газете.Ру» — с 70% до 53%. Травма остается на уровне 20–33%. Это период рефлексивной ностальгии: прошлое уже не воспринимается однозначно как «норма», но критика настоящего всё еще сильна.

2025 год показывает наиболее сильные изменения. Критика настоящего снижается в «Газете.Ру» (до 39%), хотя в «АиФ» остается высокой (54%). Образ прошлого как нормы падает в «Газете.Ру» до 18%, тогда как в «АиФ» остается значимым (46%). Травма снижается в обоих изданиях (11% и 27%), оставаясь на периферии. В «АиФ» травма выражена сильнее (27%), особенно в материалах о деревенской жизни, эмиграции и экстремальных событиях.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о значимости ностальгического медиадискурса, выступающего в качестве индикатора состояния исторической памяти и одного из механизмов ее актуализации и трансформации, что особенно важно в контексте динамично меняющегося российского информационного пространства.

Ностальгический дискурс в российском медиапространстве 2005–2025 гг. отражает сложившиеся в обществе представления о прошлом, выступая своеобразным маркером состояния исторической памяти и одновременно активно влияет на формирование этих представлений. Так выполняется не только индикативная, но и конструирующая функции, что особенно ярко проявляется в контексте цифровизации, в условиях которой границы между констатацией и конструированием реальности становятся все более размытыми. При этом ностальгия проявляет себя как объединяющий аудиторию нарратив и как эффективное средство конструирования национальной идентичности. Характерно появление к 2025 г. феномена маркетинговой ностальгии, когда образы прошлого стали сознательно создаваться и использоваться для продвижения товаров (в первую очередь одежды), фильмов, мюзиклов и ремейков. Ностальгия все больше проявляет себя не только как эмоциональный ресурс, пригодный для привлечения внимания аудитории, но также как инструмент для продажи товаров.

В целом в современном российском медиапространстве формируются новые практики коммеморации, использующие цифровые возможности для сохранения и передачи личных и коллективных воспоминаний. Они характеризуются высокой степенью интерактивности, возможностью мгновенного обмена воспоминаниями и их коллективного переосмысления. При этом цифровые технологии не только предоставляют новые инструменты для работы с памятью, но и трансформируют сам характер воспоминаний, делая их более фрагментарными, мозаичными.

Таким образом, исследования ностальгического медиадискурса открывают, на наш взгляд, новые перспективы для понимания механизмов формирования и трансформации коллективных воспоминаний в современном обществе. Возможности современных СМИ обновляют и делают более эффективным характер взаимодействия общества с прошлым, формируя новые практики коммеморации и новые формы ностальгических переживаний.

References

- Boym S. *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 680 p.
- Boym S. Nostalgia and Its Discontents // The Hedgehog Review. 2007. Vol. 9. No. 2. P. 7–18.
- Dijk J., van. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford: Stanford University Press, 2007. 232 p.
- Dunas D.V., Salikhova E.A., Babyna D.A. *Konsensus, “novyi patriotizm” i effekt nostalgii v rossiiskoi mediakul’ture (opyt izucheniya molodezhnykh soobshchestv v VK)* [Consensus, “New Patriotism”, and the Nostalgia Effect in Russian Media Culture: A Study of Youth Communities on VK] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2023. N 85. P. 247–268.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimcev R. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 1. P. 24–44.
- Hoskins A. 7/7 and Connective Memory: Interactional Trajectories of Remembering in Post-Scarcity Culture // *Memory Studies*. 2011. Vol. 4. No. 3. P. 269–280.
- Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the Twenty-First Century] / Ed. by A.I. Miller, M.A. Lipman. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 648 p. (Biblioteka zhurnala “Neprikosnovennyi zapas” [Library of the Journal “Neprikosnovennyi zapas”]).
- Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues in the Study of Memory Politics] / Ed. by A.I. Miller, D.M. Efremenko. Saint Petersburg: [s. n.], 2018. 224 p.
- Miller A.I. *Rossiya: vlast’ i istoriya* [Russia: Power and History] // *Pro et contra*. 2009. N 3–4 (46). P. 6–23.
- Nora P. *Problematika mest pamyati* [The Problematic of Sites of Memory] // *Fran-tsiya – pamyat’* [France: Memory]. Saint Petersburg: Izdatel’sтво Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. P. 17–50.
- Oleshko V.F., Oleshko E.V. *Kommunikativno-kul’turnaya pamyat’ v kontekste realizatsii informatsionnykh strategii massmedia* [Communicative-Cultural Memory in the Context of Implementing Mass Media Information Strategies] // *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta*. Series 1. *Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury*. 2019. Vol. 25. N 3 (189). P. 12–23.
- Oleshko V.F., Oleshko E.V. *SMI kak mediator kommunikativno-kul’turnoi pamyati* [Mass Media as a Mediator of Communicative-Cultural Memory]. Ekaterinburg: Izdatel’sтво Ural’skogo universiteta, 2020. 256 p.
- Pickering M., Keightley E. The Modalities of Nostalgia // *Current Sociology*. 2006. Vol. 54. No. 6. P. 919–941.
- Repina L.P. *Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul’turnoi pamyati* [Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory] // *Novoe proshloe / The New Past*. 2016. N 1. P. 82–99.
- Rosenwein B.N. Problems and Methods in the History of Emotions // *Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions*. 2010. No. 1. P. 1–32.
- Safronova Yu.A. *Memory studies: evolyutsiya, problematika i institutsional’noe razvitiye* [Memory Studies: Evolution, Key Issues, and Institutional Development] // *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues in the

Study of Memory Politics] / Ed. by A.I. Miller, D.M. Efremenko. Saint Petersburg: [s. n.], 2018. P. 7–32.

Salmon L., Dickinson S. Melancholic Identities, Toska and Reflective Nostalgia. Firenze: Firenze University Press, 2015. 180 p.

Sedikides C., Wildschut T., Baden D. Nostalgia: Conceptual Issues and Existential Functions // Handbook of Experimental Existential Psychology / Ed. by J. Greenberg, S. Koole, T. Pyszczynski. New York: Guilford Press, 2004. P. 200–214.

Vartanova E.L. *K voprosu o posledstviyakh tsifrovoi transformatsii mediasredy* [On the Consequences of the Digital Transformation of the Media Environment] // *Medi@l'manakh*. 2022. N 2. P. 8–14.

Vartanova E.L., Andreev D.A., Denisova G.V., Smirnova O.V., Gladkova A.A. *Konflikt i media: vzaimodeistvie i vzaimovliyanie v kontekste sokhraneniya istoricheskoi pamyati* [Conflict and Media: Interaction and Mutual Influence in the Context of Preserving Historical Memory] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2024. Vol. 65. N 3. P. 156–170.

Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C.D. Nostalgia: Content, Triggers, Functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91. No. 5. P. 975–993.

Поступила в редакцию
25 декабря 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2026-67-1-179-199

А.А. Плохотюк, А.А. Карев

**КОСТЮМИРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ
ЦАРЕВНЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ**

A.A. Plokhotyuk, A.A. Karev

**THE COSTUMED PORTRAIT OF A TSAREVNA
IN THE AGE OF PETER THE GREAT IN THE CONTEXT
OF EUROPEAN PORTRAITURE**

Аннотация. Цель статьи — выявить специфику костюмизации портретных изображений русских царевен в эпоху Петра I в контексте общеевропейского искусства. Особенности костюмированного портрета как особого типа в России рассматриваются в сопоставлении с портретными изображениями принцесс европейских династий. Ранее портретные изображения русских царевен не рассматривались в качестве отдельной категории, в то время как данная статья предлагает исследовать их как особую разновидность женского портрета Нового времени. В статье в качестве

Плохотюк Анастасия Александровна, соискатель кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Plokhotyuk Anastasia Aleksandrovna, Candidate for the Degree of PhD Candidate in Art History and Criticism, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

stacey99@mail.ru

ORCID: 0009-0001-9468-2166

Карев Андрей Александрович, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Karev Andrey Aleksandrovich, Doctor in Art History and Criticism, Professor, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

ankarev@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5067-7288

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

объекта исследования избираются наиболее распространенные аллегорические образы (Флора, Диана), используемые в портретах царевен и принцесс. Особенность их воплощения в российском варианте во многом была обусловлена характерными чертами живописи петровской эпохи с ее потребностями скорейшего освоения возможностей искусства Нового времени. Закономерности развития в этом направлении обусловили как использование уже сложившейся западноевропейской художественной традиции силами иностранных мастеров в лице Л. Каравака, так и сдержанностью диапазона античных образов по сравнению с другими европейскими национальными школами. Западноевропейская художественная традиция представлена примерами из французской, английской и итальянской живописи. Сравнительный иконографический анализ с привлечением историко-культурного контекста создания данных портретов позволил обнаружить в них новые смыслы. Костюмированные портреты имели важнейшую функцию представления августейших особ в пространстве возвышенного, общего для европейской художественной культуры мифа, в контексте которого раскрывались присущие им добродетели, целомудрие и отшлифованная придворной культурой природная красота. Царевнам и принцессам традиционно отводились роли покровительниц культуры, а также завидных невест, чьи выгодные династические браки могли оказывать серьезное влияние на международные отношения. Важнейшей задачей мастеров было соблюдение баланса между индивидуальными чертами портретируемой и тем общезначимым в европейской культуре аллегорическим образом, который она воплощала. Значительна роль аксессуаров и атрибутов в такого типа изображениях — именно они помогли зрителям определить, кого олицетворяет портретируемое лицо.

Ключевые слова: Петровская эпоха, портрет царевны, аллегория, костюмизация, античная богиня, руссика, западноевропейская художественная традиция.

Abstract. This article seeks to identify the distinctive features of costume-inflected portraiture of Russian tsarevnas in the age of Peter I within the broader context of European art. The characteristics of the costumed portrait as a distinct type in Russia are examined through comparison with portrait images of princesses from European dynasties. Whereas portraits of Russian tsarevnas have not previously been treated as a separate category, this study proposes to consider them as a particular variety of the female portrait in the early modern period. The article focuses on the allegorical personae most frequently encountered in portraits of tsarevnas and princesses, above all Flora and Diana. The specific character of their Russian articulation was shaped in large measure by the defining features of Petrine painting, with its urgent imperative to assimilate the possibilities of early modern art. The logic of this development determined both the reliance on an already established Western European artistic tradition, mediated by foreign masters such as Louis Caravaque, and the relative restraint of the range of classical personae in comparison with other European national schools. The Western European tradition is represented here by examples drawn from French, English, and Italian painting. A comparative iconographic analysis, informed

by the historical and cultural contexts in which these portraits were produced, makes it possible to discern new layers of meaning within them. Costumed portraits fulfilled a crucial representational function, situating royal women within an elevated mythic realm shared across European artistic culture, a framework through which their virtues, chastity, and the natural beauty refined by court culture could be articulated. Tsarevnas and princesses were conventionally cast both as patrons of culture and as desirable brides whose advantageous dynastic marriages might exert considerable influence on international relations. A central task for artists was to maintain an equilibrium between the sitter's individual features and the broadly legible allegorical persona, rooted in European culture, that she was made to embody. Accessories and attributes played a particularly significant role in such images, for they enabled viewers to identify the figure whom the sitter personified.

Keywords: Petrine era, portrait of a tsarevna, allegory, costume portraiture, classical goddess, Rossica, Western European artistic tradition.

* * *

Подключение к общеевропейскому процессу развития искусства не могло не повлечь за собой расширения в русской живописи типологического спектра внутри каждого из жанров. Портрет в данном случае не был исключением. Среди многих типов особо выделялся костюмированный портрет, предполагающий воспроизведение модели «в роли», «в виде», «в образе». Подобный подход как нельзя точно раскрывал особенности живописи эпохи раннего Нового времени, которая, подобно литературе, подчинялась в то время законам иносказания. Откровенная отсылка к «иному» образу, так или иначе, обогащала новыми красками социальное амплуа модели, тем более, если этой моделью была дочь монарха.

Настоящая статья ставит своей целью выявить особенности механизма костюмизации в портрете царевны первой четверти XVIII в. как неотъемлемой части общеевропейской традиции.

Использование в костюмированном портрете мифологической и исторической тематики, а также ориентация на современный сценический образ сообщало этому портрету черты исторической или аллегорической картины. Это дает современным исследователям повод называть его аллегорическим независимо от того, в каком образе представлена модель: в собственно аллегорическом, мифологическом, библейском или литературном¹. Естественно, в таких образах запечатлевались не только особы царской или королевской крови, но и представители дворянства и буржуа.

¹ Бородина С.Д. Аллегорический женский портрет во французской живописи XVIII века // Мир искусств. 2021. № 3 (25). С. 92.

Введение в портрет антикизированных мотивов должно было вызывать у зрителей определенные ассоциации² — женские образы уподоблялись главным добродетелям, воплощением которых, в свою очередь, мыслились античные мифологические богини, обладавшие сложной системой атрибутов³. Очевидно, что данные портреты были рассчитаны, прежде всего, на образованную публику, привычно воспринимающую аллегорический метод как аналогию⁴.

Появление костюмированных изображений обычно связывается с маскарадной тенденцией в культуре Петровской эпохи, которая проявлялась в частых светских празднествах и увлечении модой⁵. Таким образом, костюмизация портретируемого лица предполагала двойное преобразование модели, которая демонстрировала не только себя лично, но и конкретный аллегорический образ⁶. Для России это был новый опыт изображения сакральной фигуры члена царской семьи⁷. В связи с этим важно отметить, что для костюмированного портрета характерно смысловое и композиционное выделение «главного лица»⁸. Определенные «говорящие» позы и жесты в структуре портретного образа позволяют раскрыть его смысл⁹.

В каждую стилевую эпоху заложенная в портрете аллегория может прочитываться по-разному. Многостилье Петровской эпохи сблизило барокко и рококо¹⁰, что, однако, не исключило функционирования у каждого из них излюбленного типа портрета. Для барокко характерны развитие личностного начала, установление связи между мирским и духовным, композиционная и содержательная многозначность¹¹. Барочный пафос, подчеркивающий величие и зна-

² Яблонская Т.В. Классификация портретного жанра в России XVIII века: к проблеме национальной специфики. Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1978. С. 29.

³ Морозов А.А., Софронова Л.А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 21.

⁴ Гаврин В.В. Иносказание в портретной живописи России второй половины XVIII века. Дис. ...канд. искусствоведения. М., 2002. С. 9.

⁵ Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII века. Проблемы становления художественных принципов Нового времени. М., 1987. С. 139.

⁶ Чежина Ю.И. Костюмированный портрет в русском искусстве XVIII века как отражение духа эпохи. СПб., 2006. С. 11.

⁷ Андреева Ю.С. Луи Каравак и секуляризация русского искусства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2017. Т. 17. № 4. С. 67.

⁸ Гаврин В.В. Указ. соч. С. 14.

⁹ Там же. С. 53.

¹⁰ Сарabyанов Д.В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980. С. 50.

¹¹ Хайт В.Л. Барокко и барочность в европейской культуре XVII–XVIII веков // Барокко в России. М., 1994. С. 60.

чимость абсолютизма с помощью торжественных поз, демонстраций символов власти и статуса, находит свое отражение в парадных портретах¹². Рококо же тяготеет к более камерным формам, предпочитая витиеватость, вычурность, игровое начало с одновременным вниманием к чувственному миру человека. Словом, те черты, которые составляют природу данного феномена¹³.

Для того чтобы конкретнее охарактеризовать костюмированные портреты русских царевен, необходимо обратиться к западноевропейскому опыту аллегорической живописи конца XVII — первой половины XVIII в., когда основательно сложилась традиция изображения королевских и знатных персон с атрибутами мифологических персонажей¹⁴. В России носителем этой традиции был выходец из Марселя Луи Каравак (1684–1754, в Петербурге с 1716 г.), создатель главных костюмированных портретов в отечественной живописи первой трети XVIII в.

Анализ того, как изображались в аллегорических образах представительницы европейских королевских семей, поможет проследить, какие черты можно найти в портретах русских царевен, а что можно будет отнести к феномену «значимого отсутствия». Также необходимо понять, какие аллегорические образы получили наибольшее распространение, что они означали как символы.

Несомненно, наибольшего расцвета аллегорическая живопись конца XVII — начала XVIII в. достигла во Франции. Вопрос об аллегориях занимал не только самих живописцев, но и мыслителей эпохи. Например, эстетик, историк и дипломат Жан-Батист Дюбо в своем сочинении «Критические размышления о поэзии и живописи» (1719) посвящает аллегии целый раздел. Согласно Дюбо, герои аллегорической живописи олицетворяют не самих себя, а нечто более значимое — добродетели, пороки, царства, богов и т.д.¹⁵ Аллегорическая живопись представляет их в образах какой-либо отвлеченной моральной истины¹⁶. Дюбо предлагает поделить аллегорических персонажей на тех, которые существуют в мировом искусстве давно и узнаются всеми образованными людьми по характерным атрибутам, и на тех, которых живописцы придумывают сами. Сохраняя сходство лица, в аллегорических портретах живописцы подчиняются иконографии конкретного «образа», т.е. сложившейся

¹² Сарабьянов Д.В. Указ. соч. С. 51.

¹³ Даниэль С.М. Рококо: от Ватто до Фрагонара. СПб., 2007. С. 12.

¹⁴ Яблонская Т.В. Указ. соч. С. 177.

¹⁵ Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 124.

системе отличительных признаков и узнаваемых атрибутов мифологического персонажа¹⁷.

В традиции изображения незамужних девушек высокого происхождения особой популярностью пользовался образ Флоры — богини цветов, весны и природной красоты. Она была одной из самых почитаемых богинь античности. В честь нее проводились масштабные Флоралии в начале мая, во время которых жители Рима украшали свою одежду цветами, облачались в красочные наряды и устраивали театрализованные представления¹⁸.

Илл. 1. Л. Каравак. Портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны. 1717 г. Холст, масло. 76×97. ГРМ

В этом образе Луи Каравак запечатлел дочерей Петра I — царевен Анну Петровну и Елизавету Петровну (илл. 1). На момент создания портрета им было 9 и 8 лет соответственно. Царевны изображены в динамике, которая выражается в живых и энергичных жестах — Елизавета одной рукой опирается на постамент, а вторая, с белыми цветами, поднята над головой Анны. Этот выразительный жест младшей сестры будто намекает на скорое замужество старшей¹⁹. В руке у Анны небольшая корзинка с цветами, другая же вы-

¹⁷ Яблонская Т.В. Указ. соч. С. 171.

¹⁸ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб., 1885. С. 531.

¹⁹ Абдуллина Д.А. Становление отечественного детского портрета в пространстве европейского искусства XVIII века // Временник Зубовского института. 2020. № 4 (31). С. 45.

тянута вперед и обозначает некий диалог, взаимодействие между царевнами. Жест носит функцию своего рода «рассказчика»²⁰, обращая внимание зрителя на определенные расставленные художником смысловые акценты. Цветы же в данном случае — явно атрибут Флоры и содержат указание на мифологизацию²¹. Таким образом, атрибут раскрывает аллегорический смысл произведения. Помимо цветов в руках царевен единение с природой подчеркивается их изображением на фоне идиллического пейзажа, выполненного в сочетании темно-синих и зеленых цветочных пятен. Колорит фона контрастирует со светлыми одеждами царевен и белизной их кожи. Динамику движения подчеркивают также свободно развевающиеся тонкие складки накидок. На Анне — серебристое парчовое платье с золотым шитьем, на Елизавете — светло-жёлтое с серебряным лифом, на груди задрапированное серой накидкой. Приоткрытая грудь и обнажаемые плечи представлены нечаянным результатом порывистого детского движения. Возраст царевен обозначен припухлостью щек, детской угловатостью тел. При создании аллегорического образа Каравак не отказывается от передачи индивидуальных черт внешности царевен.

Изображение царевен в образе, воплощающем красоту и очарование юности, было логичным в контексте матримониальных планов Петра Великого — уже в 1719 г. начались переговоры о потенциальном браке Елизаветы с французским королем Людовиком XV, а в 1720 в Россию прибыл будущий супруг Анны, герцог Голштейн-Готторпский Карл Фридрих²².

Также в образе Флоры с живыми цветами в причёске изобразил Л. Каравак Елизавету Петровну в детстве на другом полотне (илл. 2). Юная царевна представлена обнаженной. Именно аллегоричность замысла позволяет Караваку изображать нагое тело²³. Французский мастер создаёт уникальную композицию. Запечатленная в аллегорическом образе Елизавета находится в таком антураже, который отражает характерное для Петровской эпохи повсеместное тяготение к парадности²⁴. В отличие от предыдущего портрета, в котором

²⁰ Гаврин В.В. Указ. соч. С. 84.

²¹ Голдовский Г.Н. Детский портрет в русской живописи XVIII — начала XX веков. Л., 1991. С. 7.

²² Морохин А.В. «Не ведаю, каково вам там жить»: к истории пребывания цесаревны Анны Петровны в Германии (1727–1728) // Меншиковские чтения — 2014: научный альманах. Вып. 5 (12). СПб., 2014. С. 148.

²³ Шарандак Н.П. Русская портретная живопись Петровского времени. Л., 1987. С. 40.

²⁴ Вдовин Г.В. Становление «Я» в русской культуре XVIII века и искусство портрета. М., 1999. С. 41.

Илл. 2. Л. Каравак. Портрет царевны Елизаветы Петровны в детстве. Вторая половина 1710-х гг. Холст, масло. 136×103,5. ГРМ

ощущалась динамика движения, здесь Елизавета представлена в статуарной позе.

Царевна полулежит, одной рукой опираясь на синюю горностаевую мантию (атрибут царской фамилии), а второй, величаво приподняв ее вверх, демонстрирует миниатюру с портретом отца на синей ленте, напоминающей ленту ордена Святого Андрея Первозванного. Эта деталь — знак причастности Елизаветы Петровны к царю, особенно важный в том контексте, что она была рождена до заключения законного брака между родителями²⁵. Фон больше подходит для парадного портрета — в глубине виднеется написанная в серо-зеленом колорите колонна и массивная драпировка красного цвета. На этом фоне тело Елизаветы выглядит особенно хрупким. Караваку, таким образом, удается подчеркнуть красоту и юность Елизаветы Петровны при сохранении ощущения царственного

²⁵ Евангулова О.С. Изобразительное искусство в России... С. 137.

Илл. 3. Чезаре Дандини. Портрет Элеоноры Луизы Гонзага-Гвастальской в образе Флоры. Начало XVIII в. Холст, масло. 80×70.
Музей истории искусств в Вене

достоинства модели²⁶. Долгое время портрет хранился в тайне в Екатерининском дворце Царского Села, видеть его мог только узкий круг приближенных и дипломатов. Предполагается, что портрет мог предназначаться для отправки в Париж Людовику XV в случае удачного исхода переговоров о заключении брака²⁷.

Образ Флоры был широко распространен в европейской живописи, так как являлся идеальным вариантом для изображения принцесс, чья красота и юность были их главными достоинствами.

Портрет Элеоноры Луизы Гонзага-Гвастальской в образе Флоры (илл. 3) отличается большей свободой и меньшей официальностью в трактовке образа по сравнению с изображениями дочерей Петра I.

²⁶ Чежина Ю.И. Мифологический портрет в русской живописи XVIII столетия // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 20. 2014. С. 153.

²⁷ Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. С. 72.

На портрете овальной формы, на нейтральном черном фоне дочь герцога Гвасталлы и Саббьонетты изображена с распущенными, свободно спадающими на плечи волосами, в простом платье. На принцессе также нет ни одного украшения. Дополнением к ее красоте служит только букет цветов, который она держит в приподнятой руке. Поза и взгляд принцессы обращены в сторону, мимо зрителя, что придает ее образу оттенки загадочности и меланхолии. Перед ней на углу столика стоит небольшая ваза, в которой, вероятно, и находились цветы. Подчеркнутая скромность может объясняться как менее значимым положением ее отца (по сравнению с другими принцессами)²⁸, так и желанием художника сосредоточиться исключительно на природной красоте юной Элеоноры Луизы.

Воплощением качеств Флоры предстает английская принцесса Луиза Мария Стюарт, которую в образе богини цветов запечатлел академик Королевской академии живописи и скульптуры Жан-Франсуа де Труа (ок. 1700, частное собрание). Это несколько иная вариация иконографического типа. Дочь свергнутого в ходе Славной революции 1688 г. короля-католика Якова II Стюарта, Луиза Мария родилась и воспитывалась при французском дворе и, как все члены ее семьи, почиталась якобитами в качестве настоящей принцессы. На момент написания портрета Луизе Марии было около 9–10 лет, однако она воплощена в образе взрослой дамы в декольтированном платье и элегантно обхватывающей ее тонкую фигурку накидке, с высокой украшенной жемчугами прической. Ее девичью красоту подчеркивают неизменные атрибуты Флоры — аккуратный букет в руках, который является смысловым центром композиции, а также элегантно вплетенные в ее прическу цветы, которые создают эффект венка, которым зачастую в ходе Флоралий в античности украшали статуи богинь. Особое очарование принцессе придает яркий румянец на щеках и внимательный взгляд глубоких карих глаз, который очень хорошо удалось передать де Труа. Поза Луизы Марии, выражение ее лица лишены жеманства, полны естественности и очарования природной красоты. Логично, что для короля-изгнанника выгодный династический брак его дочери мог бы стать дополнительным подспорьем для возвращения утраченной английской короны. Главными претендентами на руку английской принцессы были внук Людовика XIV, герцог Карл Беррийский, и шведский король Карл XII. Одна-

²⁸ Положение Гвастальской ветви дома Гонзага на тот момент было достаточно плачевным: отец Элеоноры Луизы, герцог Винченцо Гонзага, погряз в междоусобной борьбе за земли Гвасталлы и Саббьонетты со своими родственниками. Ему нужны были союзники — вскоре после создания портрета, в 1709 г., Элеонора Луиза заключила династический брак с принцем Франческо Марией Медичи.

Илл. 4. Л. Каравак. Портрет царевича Петра Алексеевича и царевны Натальи Алексеевны в виде Аполлона и Дианы. Ок. 1722 г. Холст, масло. 94×118. ГТГ

ко амбициозным планам не было суждено воплотиться в жизнь — в 19 лет Луиза Мария скончалась от оспы²⁹.

Неизменной популярностью в разные эпохи пользовался образ богини охоты и плодородия Дианы. Она считалась дочерью Юпитера, верховного божества римлян. Атрибуты, указывающие на род ее занятий, — лук и колчан. Как правило, богиню сопровождает охотничья собака. На еще одну ее роль — богини луны — указывает месяц нарождающейся луны, который в живописи обычно украшает прическу. Также образ Дианы ассоциировался с целомудрием, одним из главных достоинств молодой девушки знатного происхождения³⁰. Братом-близнецом Дианы был Аполлон, считавшийся покровителем поэзии и музыки, предводителем муз.

Как богов-близнецов Луи Каравак изобразил внуков Петра I (детей царевича Алексея Петровича) — царевича Петра Алексеевича и царевну Наталью Алексеевну (илл. 4). На момент создания портрета им было 7 и 8 лет соответственно. Наталья и Петр изображены

²⁹ Beatty M. The English Royal Family of America, from Jamestown to the American Revolution. Jefferson, 2003. P. 85.

³⁰ Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1996. С. 187.

как богиня-луна и бог-солнце, которые делили друг с другом небо: Диана начинала свой путь вечером, когда Аполлон заканчивал свой³¹. Трактовать представленные на портрете образы зрителю помогают неизменные атрибуты богов: прическу Натальи Алексеевны украшает небольшой серебряный полумесяц, она держит лук, в то время как ее брат одной рукой грациозно опирается на лиру. Будущий император Пётр II представлен в образе Аполлона-музыканта: с нежными чертами лица, длинными волосами и в свободной тунике. Одежда и бледные, выразительные лица внуков Петра I особенно выделяются на темно-коричневом фоне. Жесты одновременно являются и способом построения диалога между двумя героями картины, и подчеркивают изысканность и галантность их поз. Царевна протягивает открытую ладонь к брату, устанавливая взаимодействие между ними. Наталья Алексеевна, несмотря на атрибуты античной богини, одета по моде петровской эпохи — в декольтированное платье темно-голубого цвета с золотым шитьем, корсетом и розовыми бантами. В целом портрет отражает театрализованную культуру, рокайльный вкус³².

Выбор образов вполне логичен в контексте сложившейся на тот момент династической ситуации: к 1722 г. в живых уже не было сыновей Петра I — царевичей Алексея Петровича и Петра Петровича, поэтому его внук воспринимался как наследник престола и будущий продолжатель дел своего выдающегося деда. Образ Аполлона как бога солнца во французской живописи, носителем традиций которой был Каравак, символизировал короля Франции (*le roi-soleil* — король-солнце)³³. В таком образе традиционно изображался тогдашний французский правитель Людовик XV, поэтому проводимые художником аналогии становятся весьма очевидными. То, что его сестра представлена в роли Дианы, подчеркивает их родственную связь.

Двойные аллегорические портреты встречаются и в европейской живописи. На портрете принца Карла и принцессы Гедвиги Софии Шведской (илл. 5) дети шведского короля Карла XI запечатлены в образах античных богов. Атрибутов не так много, поэтому о том, какие боги изображены, можно только делать предположения. Будущий король Карл XI представлен, вероятно, в образе Аполлона — на это указывают туника, свободно вьющиеся волосы и украшенные камнями сандалии античного типа, напоминающие статую Аполлона Бельведерского (ок. 330–320 гг. до н.э., Ватиканские музеи). В руках шведский принц держит предмет, похожий на посох, которым Апол-

³¹ Там же. С. 76.

³² Вдовин Г.В. «Заслужить лицо». Этюды о русской живописи XVIII века // Искусствознание. 2010. № 1-2 (10). С. 206.

³³ Там же. С. 76.

Илл. 5. Неизвестный художник. Портрет принца Карла и принцессы Гедвиги Софии Шведской. 1687 г. Холст, масло. 146×120,5. Национальный музей Швеции

лон пользовался как хранитель стада коров³⁴. Теоретически, можно было бы предположить, что Карл изображен в образе брата Аполлона, бога торговли Гермеса, ведь среди его атрибутов также встречаются посох и крылатые сандалии (таларии), которые позволяли ему быстро передвигаться по воздуху³⁵. Однако посох Гермеса, который был подарен ему Аполлоном в знак примирения после возвращения стада коров, представлял собой кадуцей (т.е. был обвит двумя смотрящими друг на друга змеями)³⁶. Таким образом, если бы Карл был представлен в образе Гермеса, на его жезле должны были быть змеи, а на сандалиях — крылья. Более того, такие же сандалии мы видим и на Гедвиге Софии — они указывают на то, что шведская принцесса представлена в образе Дианы. Как богиня охоты, Диана

³⁴ Холл Дж. Указ. соч. С. 76.

³⁵ Там же

³⁶ Любкер Ф. Указ. соч. С. 273.

должна носить высокие сандалии со шнуровкой и быть облаченной в подпоясанную на талии тунику³⁷. В композиции портрета, помимо аллегории, присутствуют ярко выраженные элементы парадности — герои изображены в полный рост, в левой части фоном служит массивная драпировка коричнево-красного цвета. О том, что перед нами — тесно связанные с природой божества, напоминает выполненный в темно-зеленых тонах парковый пейзаж со стилизованной под античность вазой.

Подобные композиции с участием нескольких героев были характерны для европейской живописи, в том числе и для изображения принцесс. Например, на аллегорическом портрете старших детей короля Чехии (Геррит ван Хотхорст, 1631, Британская королевская коллекция) изображается детская театральная постановка. Она воспроизводит культ Дианы³⁸. 13-летняя принцесса Елизавета Богемская (будущая аббатиса Херфордского аббатства) представлена в уже узнаваемом образе Дианы (охотничий лук, полумесяц на голове, вокруг — охотничьи псы). Елизавета — единственный персонаж на полотне, который сидит. Это сразу подчеркивает ее особый статус — ей поклоняются, подносят дары. Вокруг нее, со всеми атрибутами охотников представлены ее братья — принцы Рупрехт, Мориц и Карл Людвиг. В руках у них копья и луки, они подносят Диане-Елизавете убитую дичь. Елизавета отличается взрослостью — это и элегантная прическа, и жемчужные украшения, и серьезное выражение лица. Стоит отметить, что Хотхорст изображает принцессу в одеждах современной ей эпохи, не пытаясь имитировать античные наряды. Подношение убитой дичи было одним из составляющих культа Дианы. Картина ван Хотхорста многофигурна и гораздо более сложна в своей композиции по сравнению с работами Каравака.

Меньшей динамичностью, отсутствием очевидного движения отличается портрет принцессы Фредерики Амалии Датской (неизвестный художник, 1660-е гг., Британская королевская коллекция). Дочь датского короля Фредерика III изображена в статуарной позе на нейтральном сером фоне со всеми присущими богине Диане атрибутами. За ее плечами — массивный колчан со стрелами, в руках датская принцесса также держит стрелу (будто демонстрируя ее зрителю). Фредерика Амалия облачена в характерное для той эпохи платье серебристого цвета, а ее вьющиеся локоны украшает элегантный жемчужный ободок с небольшим аккуратным серебряным полуме-

³⁷ Там же. С. 210.

³⁸ White C. The Dutch Pictures in the Collection of Her Majesty the Queen. London, 2016. P. 77.

сящем. С ободком сочетаются также украшенные жемчугом серьги и ожерелье. Складки одежды переданы весьма условно, достаточно крупными мазками, отсутствует ощущение проработанности деталей. В отличие от портретов русских царевен, здесь нет динамики, портретируемая будто навсегда застыла перед зрителем.

Интересный пример интерпретации образа Дианы представляет портрет принцессы Марии (1672, замок Хиллсборо) английского придворного художника, сэра Питера Лели. В этом портрете, наоборот, есть ощущение динамики и движения. Изображенной на этом полотне 10-летней девочке будет суждено в 1689 г. стать королевой Англии, однако здесь она — в статусе принцессы, племянницы короля Карла II³⁹. Как и на подавляющем большинстве детских портретов того времени, Мария изображается как взрослая светская дама — со сложной прической, жемчужным ожерельем и в элегантном платье⁴⁰. Взгляд ее не по-детски сосредоточен и даже отстранен. Единственное, что может выдавать юный возраст принцессы — детская припухлость щек и живой румянец. В глаза бросаются атрибуты Дианы — охотничий лук, который Мария уверенно держит в руках, корона в виде полумесяца и морда охотничьего пса, выглядывающего с правой стороны полотна. Складки платья подчеркивают динамику движения, отражая ловкость и грациозность охотницы Дианы. Композиция портрета отличается «придворной витиеватостью»⁴¹. Позади принцессы — достаточно пышный пейзажный фон, который свидетельствует о близости английского портрета к природе⁴². Ее поза отличается характерной для портретов П. Лели театрализацией⁴³ — принцесса будто обращается к зрителю и демонстрирует атрибуты богини Дианы.

Аллегорические образы, представленные в европейской живописи, отличаются большим разнообразием, которое свидетельствует как о широком кругозоре художников, так и о развитости самой традиции. Популярным был образ Минервы. Она являлась одной из наиболее почитаемых богинь Древнего Рима, была воплощением справедливой войны и мудрости⁴⁴. В образе Минервы Пьером Бур-

³⁹ Waller M. *Sovereign Ladies: The Six Reigning Queens of England*. London, 2006. P. 257.

⁴⁰ Millar O. *The Tudor, Stuart and Early Georgian Pictures in the Collection of Her Majesty the Queen*. London, 1969. P. 249.

⁴¹ Лисенков Е.Г. *Английское искусство XVIII века*. Л., 1964. С. 44.

⁴² Евангулова О.С. *Русское художественное сознание XVIII века и искусство западноевропейских школ*. М., 2007. С. 129.

⁴³ Лисенков Е.Г. *Указ. соч.* С. 45.

⁴⁴ Бородин С.Д. *Указ. соч.* С. 105.

Илл. 6. Франсуа де Труа. Портрет Франсуазы-Марии де Бурбон в образе Юноны. Вторая половина XVII в. Холст, масло. 146×113. Большое собрание изящных искусств ASG, Казань

гиньоном была запечатлена герцогиня де Монпансье Анна Мария Луиза Орлеанская (1672, Версаль). На этом полотне сразу же бросаются в глаза все главные атрибуты богини — щит с головой Медузы, массивный шлем с плюмажем и фигуркой совы (незаменимой спутницы богини), острое копьё, доспехи. Одновременно Минерва была и богиней мудрости, о чем напоминает стопка книг и геометрический треугольник у ног Анны Марии Луизы. Композиция представляет собой «портрет в портрете»: принцесса демонстрирует зрителю изображение своего отца, герцога Гастона Орлеанского⁴⁵.

Значимым был образ древнеримской богини Юноны, супруги Юпитера, которая считалась покровительницей женщин, брака и ма-

⁴⁵ The Museum of Versailles. Catalogue of the paintings, statues and artistic decorations of the Palace with explanatory notes, and the names of the artists employed. Versailles, 1869. P. 80.

теринства. Ее неизменным спутником выступал павлин⁴⁶. В образе Юноны изображает Франсуа де Труа дочь Людовика XIV Франсуазу-Марию де Бурбон (илл. 6). Она изображена с павлином и небольшой короной на голове, а сложные ритмы драпировок платья напоминают древнеримскую тунику⁴⁷.

Еще одним воплощением очарования молодости была древнегреческая богиня Геба, которая служила виночерпием на пирах богов⁴⁸. В образе Гебы предстает принцесса Шарлотта Аглая Орлеанская (ок. 1720, Версаль) кисти Пьера Гобера: в одной руке она держит чашу с божественным нектаром, в другой — кувшин, одновременно опираясь на грозного орла, считавшегося спутником как самой Гебы, так и ее отца Зевса.

С природным изобилием связана фигура древнеримской богини Помоны⁴⁹. На портрете Пьера Гобера образ дочери Людовика XIV Марии Анны де Бурбон, принцессы Конти (начало XVIII в.) отсылает к истории ухаживаний за Помоной бога времен года Вертумна.

Разрабатывалась в системе аллегорического портрета и тема морских божеств. Так, уже знакомая нам Франсуаза Мария де Бурбон изображается Пьером Гобером как Галатея (1692, частная коллекция), соединяющаяся со своим возлюбленным Акидом, превращенным в реку.

Гораздо реже в аллегорическом портрете второй половины XVII — начала XVIII в. встречаются изображения, которые олицетворяют не античных богов, а исторических персонажей. Франсуа де Труа изобразил внебрачную дочь Людовика XIV и маркизы де Монтеспан Анну Луизу Бенедикту де Бурбон в образе Клеопатры (ок. 1690, Версаль). В ее руке — жемчужина, отсылающая к легенде о пире Клеопатры, изложенной в «Естественной истории» Плиния⁵⁰. У де Труа есть еще одна, многофигурная версия этой работы (1705, Женевский музей истории искусств). Тему Клеопатры продолжают ученики де Труа — в начале XVIII в. в мастерской этого художника был создан портрет принцессы Конти Марии Анны де Бурбон (начало XVIII в., частная коллекция).

Обращаются европейские мастера и к библейским сюжетам. Так, французский художник-якобит, ученик Франсуа де Труа Алек-

⁴⁶ Werness H.B. The Continuum Encyclopedia of Animal Symbolism in World Art. London, 2005. P. 150.

⁴⁷ Яо М.К., Булгакова А.В. Живопись Старых мастеров Западной Европы XVI–XVIII вв. Казань, 2013. С. 36.

⁴⁸ Токарев С.А. Мифы народов мира. М., 1990. С. 221–222.

⁴⁹ Любкер Ф. Указ. соч. С. 1078.

⁵⁰ Плиний Старший. Естественная история. Книга IX. М., 1995. С. 121.

сис Белль в портрете принца Джеймса Эдварда Стюарта и принцессы Луизы Марии Стюарт (1699, Холирудский дворец), детей свергнутого короля Якова II, предлагает вариацию популярной в эпоху Возрождения истории о Товии и ангеле (из Книги Товита). Дети Якова II изображены на темно-коричневом фоне, состоящем из градаций цвета, — это придает портрету ощущение тревожности и неопределенности. На таком фоне особенно величественной выглядит фигура Джеймса Эдварда. Юный принц Стюарт предстает в образе ангела-хранителя, оберегающего свою младшую сестру. Трогательный сюжет вполне сочетался с положением Стюартов: изгнанные из Англии и Шотландии, они нашли убежище при французском дворе и желали вернуть себе престол. Юному принцу Белль отводит роль спасителя династии, способного невидимой силой (подобно ангелу Рафаилу) защитить членов своей семьи. Джеймс Эдвард обращается к сестре широким жестом, будто указывающим путь. Луиза Мария (которую мы уже видели в образе Флоры) облачена в типичное платье той эпохи, в ее образе нет аллегорических деталей. Художник сравнивает принцессу-изгнанницу с Товией, который, оберегаемый ангелом Рафаилом, сумел исполнить все поручения своего отца, а также исцелить его от слепоты. С неба за детьми наблюдают херувимы.

Европейские принцессы изображались и в контексте природных аллегорий. Так, в мастерской Пьера Гобера была создана серия портретов принцесс Конде как времен года (конец XVII в., частное собрание). Каждая из них изображена в характерных костюмах и с традиционными атрибутами. Мария Тереза де Бурбон олицетворяет весну и, вместе с тем, богиню Флору: она запечатлена в полный рост на фоне парка, в ее высокую прическу вплетены живые цветы, а в руках — почти сплетенный венок (традиционный элемент Флоралий), который она демонстрирует зрителю. О высоком происхождении Марии Терезы напоминает горностаевая мантия традиционного для Бурбонов лазоревого цвета с желтой геральдической лилией. Анна Мария де Бурбон изображена в розово-зеленом платье с золотой вышивкой и олицетворяет лето: на столе рядом с ней лежат плоды, на заднем плане — зелень. В голубом платье и красной накидке представлена Анна Луиза Бенедикта де Бурбон. Исходя из того, что в одной руке она держит серп, а в другой крупный стог сена, принцесса олицетворяет осень, время сбора урожая. За ее спиной простираются поля пшеницы, а небо по-осеннему окутано тучами. Мария Анна де Бурбон облачена в шубу и шапку восточноевропейского типа. Теплая одежда и подобие камина, возле которого сидит принцесса, свидетельствуют о том, что перед нами — олицетворение

зимы. В руках у Марии Анны либо опахало в восточном стиле, либо приспособление для регулирования огня.

Таким образом, рассмотренные работы свидетельствуют о том, что в России постепенно осваивают традицию костюмированного портрета. Подобные изображения — принципиально новые в типологии отечественного портрета и свидетельствуют об укреплении позиций метода подражания природе, теснейшим образом связанного с иносказанием как художественной призмой. Становлению этой традиции в отечественном изобразительном искусстве немало содействовали иностранные мастера, прежде всего — Луи Каравак, опиравшийся на уже сложившуюся систему европейской аллегорической и исторической живописи. Находясь на раннем этапе своего развития, аллегория в портретах русских царевен не отличалась многообразием. Распространение получили популярные в европейской живописи образы, характерные для изображения молодых принцесс и девушек знатного происхождения, — Флоры и Дианы. Эти богини являлись воплощением тех качеств, которые считались необходимыми для царевен и принцесс, — красоты, целомудрия и придворной культуры.

Западноевропейский аллегорический портрет конца XVII — начала XVIII в., в свою очередь, отличался большим разнообразием, причем как содержательным, так и композиционным. Преимущественно девушки из королевских семей изображались в образах античных богинь, символизирующих конкретные качества и добродетели (красоту, ум, юность). Встречаются и портреты в образах библейских героинь, исторических личностей и природных явлений. Все обозначенные выше образы трактуются по-разному: кто-то из живописцев помещает своих героинь в современные им интерьеры и облачения, кто-то старается приблизиться к античному наследию. Аллегорические портреты были призваны представить царевен и принцесс в определенном свете, в идеальном общезначимом мифологическом пространстве, а также как действующих лиц придворной жизни — как завидных невест, покровительниц наук и искусств или амбициозных участниц политической жизни. В связи с этим для аллегорических портретов характерен развитый предметный аспект, обилие аксессуаров, помогающих зрителю узнать представленный на портрете образ. Помимо общих атрибутов, композиции портретов отличаются друг от друга — у них нет единой схемы. Они могут быть двойными, групповыми, парными, в полный рост, поясными и погрудными. При этом живописец должен был добиться баланса между передачей индивидуальных черт модели и тем мифологическим образом, в котором она предстает.

References

Abdullina D.A. *Stanovlenie otechestvennogo detskogo portreta v prostranstve evropeyskogo iskusstva XVIII veka* [The Formation of the Russian Child Portrait within the Space of 18th-Century European Art] // *Vremennik Zubovskogo instituta*. 2020. N 4 (31). P. 43–55.

Andreeva Yu.S. *Louis Caravaque i sekulyarizatsiya russkogo iskusstva* [Louis Caravaque and the Secularization of Russian Art] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. Vol. 17. N 4. P. 66–76.

Beatty M. *The English Royal Family of America, from Jamestown to the American Revolution*. Jefferson: McFarland, 2003. 271 p.

Borodina S.D. *Allegoricheskiy zhenskiy portret vo frantsuzskoy zhivopisi XVIII veka* [The Allegorical Female Portrait in 18th-Century French Painting] // *Mir iskusstv*. 2021. N 3 (25). P. 92–105.

Chezina Yu.I. *Kostyumirovanny portret v russkom iskusstve XVIII veka kak otrazhenie dukha epokhi* [The Costumed Portrait in 18th-Century Russian Art as a Reflection of the Spirit of the Age]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 280 p.

Chezina Yu.I. *Mifologicheskiy portret v russkoy zhivopisi XVIII stoletiya* [The Mythological Portrait in 18th-Century Russian Painting] // *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Faculty of History of Saint Petersburg University]. Vol. 20. "Moshchno, veliko ty bylo, stolet'e!" *Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy yubileyu T.V. Il'ino*y ["Mighty and Great Wast Thou, O Century!"] A Collection of Scholarly Articles Dedicated to the Anniversary of T.V. Il'ina / Ed. by E.Yu. Stanyukovich-Denisova, S.V. Mal'tseva. Saint Petersburg: Institut istorii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. P. 152–160.

Daniel' S.M. *Rokoko: ot Watteau do Fragonarda* [Rococo: From Watteau to Fragonard]. Saint Petersburg: Azbuka, 2007. 330 p.

Du Bos J.-B. *Kriticheskie razmysleniya o poezii i zhivopisi* [Critical Reflections on Poetry and Painting]. Moscow: Iskustvo, 1976. 767 p.

Evangelova O.S. *Izobrazitel'noe iskusstvo v Rossii pervoy chetverti XVIII veka. Problemy stanovleniya khudozhestvennykh printsipov Novogo vremeni* [Fine Arts in Russia in the First Quarter of the 18th Century: Problems in the Formation of Early Modern Artistic Principles]. Moscow: MGU, 1987. 296 p.

Evangelova O.S. *Russkoe khudozhestvennoe soznanie XVIII veka i iskusstvo zapadnoevropeyskikh shkol* [Russian Artistic Consciousness in the 18th Century and the Art of the Western European Schools]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2007. 286 p.

Gavrin V.V. *Inoskazanie v portretnoy zhivopisi Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya* [Allegory in Russian Portrait Painting of the Second Half of the 18th Century: PhD Candidate in Art History and Criticism Dissertation]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skiy institut teorii i istorii izobrazitel'nogo iskusstva Rossiyskoy akademii khudozhestv, 2002. 283 p.

Goldovskiy G.N. *Detskiy portret v russkoy zhivopisi XVIII — nachala XX vekov* [The Child Portrait in Russian Painting from the 18th to the Early 20th Century]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1991. 28 p.

Khayt V.L. *Barokko i barochnost' v evropeyskoy kul'ture XVII–XVIII vekov* [Baroque and Baroque in European Culture of the 17th and 18th Centuries] // *Barokko v Rossii* [Baroque in Russia]. Moscow: GII, 1994. P. 80–92.

- Lisenkov E.G. *Angliyskoe iskusstvo XVIII veka* [Eighteenth-Century English Art]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 1964. 288 p.
- Millar O. *The Tudor, Stuart and Early Georgian Pictures in the Collection of Her Majesty the Queen*. London: Phaidon Press Ltd, 1969. 236 p.
- Morokhin A.V. "Ne vedayu, kakovo vam tam zhit": k istorii prebyvaniya tsesarevny Anny Petrovny v Germanii (1727–1728) ["I Do Not Know How You Live There": Toward a History of the Stay of Tsarevna Anna Petrovna in Germany (1727–1728)] // *Menshikovskie chteniya – 2014: nauchnyy al'manakh* [Menshikov Readings – 2014: Scholarly Almanac]. Issue 5 (12). Saint Petersburg: XVIII vek, 2014. P. 147–159.
- Morozov A.A., Sofronova L.A. *Emblematika i ee mesto v iskusstve barokko* [Emblematics and Its Place in Baroque Art] // *Slavyanskoe barokko. Istoriko-kul'turnye problemy epokhi* [Slavic Baroque: Historical and Cultural Issues of the Era]. Moscow: Nauka, 1979. P. 13–38.
- Naumov V.P. *Povsednevnyaya zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov* [The Daily Life of Peter the Great and His Associates]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010. 442 p.
- Sarab'yanov D.V. *Russkaya zhivopis' XIX veka sredi evropeyskikh shkol* [Nineteenth-Century Russian Painting among the European Schools]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1980. 261 p.
- Sharandak N.P. *Russkaya portretnaya zhivopis' petrovskogo vremeni* [Russian Portrait Painting in the Age of Peter the Great]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1987. 104 p.
- Tokarev S.A. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: Olimp, 1990. 671 p.
- Vdovin G.V. *Stanovlenie "Ya" v russkoy kul'ture XVIII veka i iskusstvo portreta* [The Formation of the "Self" in 18th-Century Russian Culture and the Art of Portraiture]. Moscow: Nash dom – L'Aged Homme, 1999. 252 p.
- Vdovin G.V. "Zasluzhit' litso". *Etyudy o russkoy zhivopisi XVIII veka* ["To Merit a Face": Studies on 18th-Century Russian Painting] // *Iskusstvoznaniye*. 2010. N 1–2 (10). P. 190–242.
- Waller M. *Sovereign Ladies: The Six Reigning Queens of England*. London: John Murray, 2006. 554 p.
- White C. *The Dutch Pictures in the Collection of Her Majesty the Queen*. London: Royal Collection Trust, 2016. 576 p.
- Yablonskaya T.V. *Klassifikatsiya portretnogo zhanra v Rossii XVIII veka: k probleme natsional'noy spetsifiki: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya* [The Classification of the Portrait Genre in 18th-Century Russia: On the Problem of National Specificity: PhD Candidate in Art History and Criticism Diss.]. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1978. 216 p.
- Yao M.K., Bulgakova A.V. *Zhivopis' Starykh masterov Zapadnoy Evropy XVI–XVIII vv.* [Paintings of the Old Masters of Western Europe, 16th to 18th Centuries]. Kazan: Mir iskusstv, 2013. 232 p.

Поступила в редакцию
12 октября 2025 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 04.09.2026. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 11,25. Тираж 95 экз. Изд. № 13381. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410012, г. Саратов, ул. Университетская, зд. 36, стр. 1.

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru